



12+

**Литературно-художественный  
и общественно-политический журнал**

**Учредители:**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР  
ПО ПЕЧАТИ  
И МАССОВЫМ  
КОММУНИКАЦИЯМ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ  
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

---

**Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ**

**Редакционная коллегия:**

Светлана Алхасова  
Руслан Ацканов  
Муталип Беппаев  
Адам Гутов  
Виктор Котляров  
Владимир Мамишев (отв. сек.)  
Светлана Моттаева  
Анжела Мусукаева  
Анатолий Парпара (Москва)  
Александр Пряжников (Ростов)  
Тахир Толгуров  
Юрий Тхагазитов  
Андрей Хакушев  
Мухамед Хафицэ

**Общественный совет:**

Борис Зумакулов  
(председатель совета)  
Нина Емузова  
Мурат Карданов  
Алибек Мирзоев  
Замир Мисроков  
Пшикан Семенов  
Хаути Сохроков  
Пшикан Таов  
Аминат Уянаева  
Руслан Фиров  
Феликс Хараев  
Башир Хубиев  
Сафарби Шхагапсоев

---

**3. 2016 МАЙ – ИЮНЬ**

## ПАСТЫРСКИЙ ВИЗИТ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КИРИЛЛА В КБР



Теплым весенним днем 15 мая 2016 года в нашу республику прибыл с пастырским визитом патриарх Московской и Всея Руси Кирилл.

Визит такого уровня – впервые в истории нашего региона, и первой этой высокой чести удостоилась наша республика. Думается, что это говорит о многом.

Высокого гостя встретили у трапа самолета в аэропорту Нальчика, украшенном флагами России, КБР и Патриаршим штандартом Глава КБР Юрий Коков, руководители Парламента и Правительства КБР, депутаты, представители политических партий и общественных организаций, многочисленные паломники из всех регионов Северного Кавказа.

После традиционных «хлеба-соли» патриарх сказал: «Это мой первый визит на Северный Кавказ. Я придаю этому большое значение и не случайно начинаю свои поездки по региону именно с Кабардино-Балкарии. Сегодня мы совершаем особое действие – освящение храма Марии Магдалины. В честь этой святой названа княжна кабардинская, которая была женой Ивана Грозного, с чего и начались совершенно особые связи Центральной России и Кабардино-Балкарии. Поэтому есть много причин начать путешествие по Северному Кавказу именно с Кабардино-Балкарии. Я желаю, – продолжил свое выступление Владыка, – процветания республике, многонациональному народу, мира, согласия и помощи Божией во всём!»

Владыка совершил чин великого освящения открывшегося в этот день Собора Равноапостольной Марии Магдалины, небесной покровительницы кабардинской княжны Марии Темрюковны.

После торжественной церемонии освящения храма Патриарх Кирилл совершил двухчасовую Божественную литургию, которая транслировалась на установленные на территории собора широкоформатные экраны, а также в прямом эфире телевизионного канала «Союз», что позволило стать свидетелями богослужения десяткам тысяч людей.

Затем от имени всех присутствующих и от всего народа Кабардино-Балкарии Глава КБР Юрий Коков поблагодарил Патриарха за его наполненные отеческой заботой и пастырским попечением проникновенные слова в адрес республики и её жителей и продолжил: «Православие обладает огромным духовным потенциалом. Русская Православная Церковь делает всё для укрепления межконфессионального согласия, тесно взаимодействует с другими традиционными религиями и совместными усилиями поддерживает высокую планку нравственности в обществе, способствует бережному отношению к национальной культуре и традициям всех народов. Поэтому не только православные христиане, но и мусульмане,



и иудеи, представители других конфессий, составляющие единый многонациональный народ России, относятся к Его Святейшеству Патриарху Московскому и Всея Руси с огромным почтением, к его авторитетному мнению прислушиваются не только в нашей стране, но и далеко за её пределами.

В Кабардино-Балкарии исходят из того, что межконфессиональное согласие было и остаётся основой благополучия народов республики. На этой земле



веками бок о бок живут представители различных религий. Добрососедство, взаимопонимание и уважительное отношение всегда были здесь главенствующими. Эти традиции бережно сохраняются и приумножаются. С учётом непростых процессов, происходящих сегодня в религиозной сфере, ведётся конструктивный диалог с представителями всех традиционных конфессий.

Открытие храма, – сказал далее Глава КБР, – несёт в себе глубокий смысл. Оно соединяет историю и современность, заботу о решении насущных проблем сегодняшнего дня с вечными ценностями, духовными традициями. Возводя величественные центры духовной культуры перед лицом опасности и в честь великих святых, люди всегда воодушевлялись и укреплялись духом. Сегодня на одном из судьбоносных этапов истории России это особенно важно», – отметил Ю. А. Коков.

Завершая свое выступление, Глава республики выразил уверенность в том, что взаимодействие светского и духовного руководства является прочной основой в деле достижения и укрепления народного единства, мира и общественного согласия вне зависимости от национальной принадлежности, религиозных и политических предпочтений.





Юрий Коков привёл слова Президента Российской Федерации В. В. Путина о том, что «для нашего общества, для нашей страны национальное согласие, межрелигиозная гармония – это, без всякого преувеличения, – вопрос исторического значения», – и добавил: «Позвольте, дорогие друзья, от нас с вами, от всех жителей нашей республики ещё раз сердечно поприветствовать

Его Святейшество Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на земле Кабардино-Балкарии, пожелать доброго здоровья, неиссякаемой энергии и многих лет успешного служения на благо нашего Отечества. Сегодня, как и 460 лет назад, мы говорим: «Навеки с Россией!»

В свою очередь, патриарх Кирилл обратился к жителям и гостям Кабардино-Балкарии, ко всем народам Северного Кавказа: «Мы освятили в Нальчике, в столице КБР, замечательный собор в честь Марии Магдалины, небесной покровительницы Марии Темрюковны, жены государя Ивана IV, именуемого Грозным, великого правителя Руси, во время царствования которого и произошло соединение наших народов, наших судеб, наших людей. Мы вместе прошли через войны, через страдания, через голод, через потрясения, и мало какие другие народы, особенно на европейском континенте, за эти полтысячи лет имели столько потрясений, как народы,



объединённые Русью. И среди них драгоценная жемчужина в этой короне совместной жизни и трудов народов – Кабардино-Балкария. Одним из первых руководителей кавказских республик, с которым я не просто познакомился, но и подружился, был Валерий Коков. Человек, которого я искренне по-человечески полюбил, позицию которого очень уважал, и помню, как приветствовал его решение о закладке Храма Святой Марии Магдалины в городе Нальчик. Я радуюсь тому, что при освящении Владыка Митрополит Феофан с господином В. М. Коковым в 2004 году заложили этот храм. И сделал он очень многое для того, чтобы его построить, опираясь на доброжелательное отношение народов Кабардино-Балкарии – как православных, так и мусульман. И как результат мы сегодня имеем это замечательное событие. И героями этого события являются все жители Кабардино-Балкарии.



Именно так я воспринимаю это замечательное историческое деяние – строительство кафедрального собора в Нальчике. В каком-то смысле то, что происходит сегодня в Кабардино-Балкарии на стыке межрелигиозных отношений, является добрым примером и для Кавказа, и для всей России. Я хотел бы Вас поблагодарить, Юрий Александрович.

вич, за тот очень важный вклад, который Вы внесли как верный сын своего народа, долгое время работавший на высоких должностях в столице, а затем вошедший в жизнь своего народа так эффективно. Благодарю Вас сердечно. Моя благодарность также и Владыке Феофилакту за труды, за доброе отношение как к православным, так и неправославным жителям Кабардино-Балкарии. За способность устанавливать добрые отношения и трудиться вместе. Тема межрелигиозного мира, сотрудничества является одной из самых важных для России, потому что Россия стала великим государством от Балтийского моря до Тихого океана только потому, что сумела объединить те народы, которые вошли в её состав. А в каком случае это возможно? Только в одном – если в многонациональном государстве по национальному признаку нет людей первого и второго сорта, все люди первого сорта. Когда перед человеком любой национальности открываются возможности политической карьеры, бизнеса, активного участия в жизни своего народа и всей страны, огромной и многонациональной. И что было более замечательного, чем этот исторический брак Ивана Грозного и Марии Темрюковны?! Что может быть более ярким выражением межнационального согласия, мира и уважения между народами? Мы знаем, что сегодня не всем в мире по нутру наша межнациональная гармония. Употребляются силы значительные, чтобы радикализировать какие-то религиозные и национальные группы, заставить посмотреть их на своих братьев с позиции силы, попытаться создавать некие группы солидарности, чтобы побеждать других, чтобы завоёвывать, отвоёвывать у своего народа больше, чем нужно и можно иметь. Мы знаем, что нагнетаются такие настроения и в нашем отечестве. И вот здесь историческая традиция нашего многонационального народа. Добрые отношения, в первую очередь православных, мусульман, но не только, а всех традиционных религий России должны быть залогом мирной, спокойной и процветающей жизни. Я с особым чувством произношу эти слова здесь, в Нальчике. Наша сила – в нашем единстве».

Патриарх Московский и Всея Руси высоко оценил предпринимаемые в республике усилия по обеспечению мирной и безопасной жизни людей, постоянное внимание к проблемам верующих. Его Святейшество вручил Юрию Кокову орден Русской Православной Церкви Святого Благоверного Князя Даниила III степени. Председатель Парламента КБР Татьяна Егорова удостоена медали «Патриаршая благодарность».



## *Праздник Весны и Труда шагает по цветущей Кабардино-Балкарии*

*«О, в душе моей  
Ветер весенний!..»  
Аль Хасани*

Праздничные демонстрации с представителями всех национальностей и профессиональных сообществ прошли по всей Кабардино-Балкарии. В шествиях приняли участие многочисленные общественные организации и учащаяся молодежь образовательных учреждений столицы республики.

Участники праздничного шествия несли флаги и транспаранты, разноцветные воздушные шары, – все это создавало живую разноцветную волну, плывущую по улицам города. Праздник отражался в настроении людей, в улыбках, в песнях, звучавших в теплом весеннем воздухе.

В столице республики, как и в других городах и селах КБР, прошли концерты, разнообразные конкурсы, развлекательные программы в культурных досуговых центрах, спортивные состязания, литературные встречи и всеми любимые народные гуляния.





## ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Тёплое весеннее утро. 71 годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Шестидесятитысячная армия жителей республики заполнила улицы городов и районов КБР, чтобы отдать дань памяти героям Второй мировой войны, защитившим мир от фашизма.

После минуты молчания цветы к обелискам возложили Глава КБР Юрий Коков, ветераны войны, труженики тыла, руководители органов власти республики, представители общественных и профсоюзных организаций, студенты, учащиеся школ.

На фоне всенародного торжества особенно выделялась двадцатитысячная колонна участников Всероссийской акции «Бессмертный полк», шествовавшая за красным полотнищем копии Знамени Победы. В колонне шёл и Глава КБР Юрий Коков с портретом своего деда-фронтовика – Нахо Кацуевича Кокова. Рядом с ним – дети, внуки и правнуки участников кровопролитных сражений, тысяч уроженцев Кабардино-Балкарии, среди которых были и десятки удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, и обладатели ордена Славы трёх степеней, и сотни кавалеров других боевых наград, заслуженных кровью, пролитой в окопах, потом тяжёлых маршей по разбитым фронтовым дорогам, непосильным трудом в годы послевоенного восстановления хозяйства страны.

Вечная слава героям Великой Отечественной войны!

Здоровья и долголетия нашим ветеранам и труженикам тыла!

Мира и благополучия нашей любимой Кабардино-Балкарии!



*Нальчик, проспект Ленина*





*Материалы подготовила к публикации Жанна Кандорова*



## 12 июня – День России!

12 июня наша страна отмечает важный государственный праздник – День России. Это один из самых «молодых» государственных праздников в стране: 12 июня 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России, в которой было провозглашено главенство Конституции России и ее законов. К тому времени многие республики СССР уже приняли решение о своем суверенитете, поэтому данный документ принимался в условиях, когда республики одна за другой становились независимыми. И важной вехой в укреплении российской государственности стало принятие нового названия страны – Российская Федерация (Россия). Именно в этот день, но уже в 1991 году, состоялись первые в истории страны всенародные открытые выборы президента, на которых одержал победу Б. Н. Ельцин. Именно он своим указом в 1994 году придал 12 июня государственное значение, а сам праздник получил название – День принятия декларации о государственном суверенитете России. Позже, для простоты, его стали называть Днем независимости. В своем выступлении в честь данного праздника в 1998 году Борис Ельцин предложил отмечать его как День России.

Однако официально новое название праздник получил лишь 1 февраля 2002 года, когда в силу вступили положения нового Трудового кодекса РФ. А в 2001 году, выступая в Кремле на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России, президент РФ В. В. Путин сказал, что «С этого документа начался отсчет нашей новой истории. Истории демократического государства, основанного на гражданских свободах и верховенстве закона. А его главный смысл – это успех, достаток и благополучие граждан». Это праздник свободы, гражданского мира и доброго согласия всех людей. И сегодня День России все более приобретает патриотические черты и становится символом национального единения и общей ответственности за настоящее и будущее нашей Родины. Это праздник свободы, гражданского мира и доброго согласия всех людей на основе закона и справедливости. В этот день по всей стране проходит множество торжественных и праздничных мероприятий, в которых принимают участие жители нашей страны всех возрастов. В Кремле президент России вручает Государственные премии РФ, а главные торжества, конечно же, проходят в Москве на Красной площади и оканчиваются грандиозным салютом в честь Дня России.

Министерство информации  
Республики Беларусь  
**Редакционно-издательский  
Учреждение**  
**«Выдавешы дом «Звязда»**  
ул. Я. Коласова, 19, 220113, г. Минск  
тел. факс: 2973 287-04 (8), 297 27-78  
д/р № 0107000017 в филиале № 019 «Беларусь»  
ААГ «АБ «Беларусь», код 720  
УИН 19010304, АДИЯ 14011309  
E-mail: info@vdd.by, www.vdd.by



Министерство информации  
Республики Беларусь  
**Редакционно-издательское  
учреждение**  
**«Издательский дом «Звязда»**  
ул. Я. Коласова, 19, 220113, г. Минск  
тел. факс: 2973 287 04 (8), 297 27 78  
д/р № 0107000017 в филиале № 019 «Беларусь»  
ААГ «АБ «Беларусь», код 720  
УИН 19010304, АДИЯ 14011309  
E-mail: info@vdd.by, www.vdd.by

*25 с. вкл. № 01 09/2014*

№ \_\_\_\_\_ кд

### Литературных высот кабардинским и балкарским друьям!

Двадцать пять лет исполнилось журналу «Литературная Кабардино-Балкария», с 2000 года руководит которым известный литератор Хасан Тхадепов. Это событие нашло широкий резонанс и в литературных кругах Беларуси. Запомнился артефакт приезд гостя с Кавказа на праздничные Дни письменности в 2014 году в Звезде. Хасан в подарок привез огненного орла, как символ свободолюбивого и гордого Кавказа, и как олицетворение таких же легких, вознесенных в вершины гор строк его вдохновенной поэзии. Сердечность, дружелюбность, открытость – лучшие черты представителя кавказской земли, ответил все литераторы, приехавшие тогда в Минск из разных уголков постсоветского пространства. Хасан Тхадепов своим примером показал, как писатель может достойно представлять свой народ, и своим словом, исходящим из глубины души, как светом, вести за собой вперед.

Выход каждого номера журнала «Литературная Кабардино-Балкария» – это событие для читателя. Разнообразие тем, палитра художественных красок – проза, поэзия, публицистика, литературоведение – привлекают своим глубоким содержанием и мастерски созданными произведениями. Достаточно даже одного номера журнала, чтобы белорусскому читателю, в том числе, почувствовать с его страны дыхание Кавказа, услышать его многоголосье, проникнуться уважением к этой древней и прекраснейшей земле, восхититься ее духовно богатыми людьми.

Станет особо отметить, что Хасан Тхадепов смог объединить вокруг себя таких же неравнодушных, полных оптимизма и энергии, увлеченных творческим поиском единомышленников. Важно, что журнал основывается на опыте классиков литературы, ее старейшин, определявших в своих произведениях морально-этические нормы кавказского общества. Очевидно, как бережно и трепетно поддерживаются начинания молодых авторов. Им в будущем востановить ответственность за духовные ценности своих народов. Преемственность поколений – это весьма ценное приобретение за двадцать-

пятилетие существования издания. Приятно, что в его историю внесли и произведения белорусских авторов.

Пусть творчество многоуважаемых авторов «Литературной Кабардино-Балкарии» достигнет огромных высот, а их миролюбивое слово прозвучит в самые отдаленные уголки мира.

Добра, благополучия, удачи желаем вам, уважаемые кабардинские и балкарские друзья, как самым достойным соотечественникам по миру!

Директор – главный редактор

А.И.Карлович

Міністэрства інфармацыі  
Рэспублікі Беларусь  
Рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова

«Выдавецкі дом «Звязда»

вул. Б. Хмяльніцкага, 10а, 220013, г. Мінск

тэл./факс (017) 287-19-19, 287-17-79

р/р № 3015090160017 у філіяле № 529 «Белсувязь»

ААТ «ААБ Беларусбанк», код 720

УНП 100155376, АКПА 14511359

E-mail: info@zvyazda.minsk.by, www.zviazda.by

Министерство информации  
Республики Беларусь  
Редакционно-издательское учреждение

«Издательский дом «Звязда»

ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск

тел./факс (017) 287-19-19, 287-17-79

р/с № 3015090160017 в филиале № 529

«Белсувязь»

ОАО «АСБ Беларусбанк», код 720

УНН 100155376, ОКПО 14511359

E-mail: info@zvyazda.minsk.by, www.zviazda.by

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Примите самые сердечные поздравления с 25-летием со дня выхода в свет первого номера!

Все эти годы журнал «Литературная Кабардино-Балкария» был образцом высокого литературного уровня, к которому стремились и писатели, и читатели. При этом вы выполняли и выполняете великую миссию сохранения культурного наследия. Работа вашего коллектива содействует формированию новых поколений творческих людей, консолидации литературной элиты, является отражением общественных и культурных процессов, происходящих в современном мире.

От всей души желаем журналу талантливых авторов и широкой читательской аудитории, а его сотрудникам – здоровья, благополучия, новых творческих удач!

От имени коллектива  
главный редактор журнала «Нёман»

Алексей Черота

\* \* \*

Многоуважаемый Хасан Миседович Тхазеплов, уважаемые сотрудники редакции журнала «Литературная Кабардино-Балкария»! Писатели Союза писателей Молдовы им. А. С. Пушкина, Совместной молдавско-белорусской творческой секции, Рышканской писательской районной организации филиала «NORD» поздравляют вас с замечательной датой – 25-летием журнала «Литературная Кабардино-Балкария» и желают новых творческих вершин, благополучия и радости в личной и общественной жизни, крепкого несломимого кавказского здоровья и долголетия! Всего лишь за четверть века ваш журнал сумел завоевать интерес и признание многих и многих читателей не только у вас в стране, но и далеко за её пределами! Вы стали достойными продолжателями великих духовных традиций бессмертных литератур России, Кавказа и Востока, подняли их на новый творческий и литературный уровень! Верим, что ваши самые замечательные успехи и достижения – ещё впереди! Дорогие друзья, надеемся на тесное и плодотворное сотрудничество на благо наших братских стран и народов, ибо настоящая высокая литература, носителем которой является ваш журнал, должна нести в наш тревожный и несовершенный мир великие идеи человеколюбия, подлинного добра и братства! Всех вам благ и удачи во всём!

*Председатель Совместной молдавско-белорусской творческой секции, председатель Рышканской районной писательской организации филиала «NORD» Союза писателей Молдовы им. А. С. Пушкина*

*Иванов Юрий Васильевич*

\* \* \*

Редакция литературно-художественного журнала «Польмя» от всей души поздравляет кабардинских и балкарских коллег с 25-летием журнала «Литературная Кабардино-Балкария»!

Каждый номер журнала, вышедший в свет, – это большое событие для читателей. «Литературная Кабардино-Балкария» прошел заметный исторический путь и запечатлел значительный период жизни народов. Деятельность вашего коллектива расширяет литературные горизонты, способствует росту молодых талантов, объединению творческой интеллигенции и развитию художественного слова в русле традиций, заложенных классиками, помогает сохранить богатство духовной культуры, выявить глубину и особенности национального характера. Белорусские коллеги с неизменным интересом следят за вашими творческими успехами.

Уважаемые кабардинские и балкарские друзья, желаем вам добра, благополучия и вдохновения!

*Редакция литературно-художественного журнала «Польмя»*

\* \* \*

Уважаемые создатели журнала «Литературная Кабардино-Балкария»!

Ваш журнал является символом единения Кавказа, изданием, где пропагандируются настоящие человеческие ценности. Высокое художественное слово стойко противостоит опасностям противоречивого мира. Оно правдиво во всем: в представлении национальных традиций горцев, в знакомстве с уникальной их культурой, в выражении современных желаний и стремлений народов Кавказа жить в мире и согласии. Потому так притягательны его страницы для прогрессивных писателей всего мира. Спасибо вам, что высоко цените душевные порывы таких же близких вам по духу творцов.

Личность самого редактора журнала поэта Хасана Тхазеплова вызывает восторг и восхищение. Он – достойный представитель своего народа. Так говорят писатели постсоветского пространства, которые имели честь познакомиться с Хасаном Тхазепловым в 2014 году в Минске.

Путь, пройденный вашим журналом длиной в четверть века, – это свидетельство высокой духовности вашего народа и умения его лучших представителей нести в общество прогрессивные идеи. Цель – благородна, с вами – единомышленники. Вперед – к новым творческим вершинам!

*С уважением,  
Елена Стельмах,  
заслуженный журналист Белорусского  
союза журналистов,  
член Союза писателей Беларуси,  
член Союза писателей России*



---

**УКАЗ  
ГЛАВЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**О награждении орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой» Сохрокова Х. Х.**

За большой личный вклад в социально-экономическое развитие, становление государственности Кабардино-Балкарской Республики и активную общественную деятельность наградить орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой» СОХРОКОВА Хаути Хазритовича.

Глава Кабардино-Балкарской Республики

Ю. А. Коков



Сохроков Хаути Хазритович – государственный и общественный деятель. Директор федерального государственного бюджетного учреждения «Кабардино-Балкарский референтный центр Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору», президент Международной черкесской ассоциации.

С 1992 по 2005 год работал в органах государственной власти Кабардино-Балкарской Республики. Внёс значительный вклад в становлении межнационального согласия в Кабардино-Балкарии.

Награждён орденом Дружбы, Благодарностью Президента Российской Федерации, Почётной грамотой Кабардино-Балкарской Республики. Заслуженный работник сферы обслуживания населения Кабардино-Балкарской Республики.

город Нальчик  
27 мая 2016 года

## НАЛОЕВ ДЖАНСОХ МУРЗАБЕКОВИЧ



Кабардинский писатель, драматург, литературный критик (1906, сел. Старый Урух Урванского р-на КБР – 1937). После окончания сельской школы был определен окружным комитетом ВЛКСМ на учебу в совпартшколу при ЛУГе. По завершении учебы и кратковременной работы учителем в 1929 г. служил в Красной Армии, затем работал инспектором политпросвета областного отдела народного образования, некоторое время был управляющим агентства «Союзкино». В 1932 г. по решению бюро обкома ВКП(б) командирован в Ростовский горский научно-исследовательский институт, куда был принят аспирантом историко-лингвистического отдела. В сентябре 1933 г. рекомендован в Пятигорский

педагогический институт на должность заместителя по учебной части. В начале 1934 г. отозван для работы по созданию КБНИИ; несколько месяцев был его директором. Летом того же года рекомендован на должность председателя Кабардино-Балкарского отделения Союза писателей; был делегатом с решающим голосом I Всесоюзного съезда писателей; принимал участие в работе по созданию нового кабардинского алфавита на русской графической основе. В августе 1936 г. арестован по ложному обвинению, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания – расстрелу. В августе 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован.

Творческая жизнь Налоева продолжалась всего лишь несколько лет, но за это очень короткое время ему удалось сделать неизмеримо много. Велика была его роль как организатора и руководителя Союза писателей Кабардино-Балкарии. В то же время его индивидуальное творчество, опередившее своим художественным уровнем современную ему литературу, служило образцом для начинающих писателей.

Джансох Мурзабекович объективно подходил к оценке состояния кабардинской литературы на современном ему этапе развития, учитывая трудности формирования мировоззрения писателей в духе новой социалистической идеологии, освоения ими художественного мастерства, умения глубоко и убедительно отображать действительность. Он стоял у истоков кабардинской советской прозы. Его повесть «Начало» (1935) не только одно из первых прозаических произведений крупного жанра, но и произведение, в котором впервые широко и реалистически убедительно раскрыта тема Гражданской войны. Налоеву удалось от описательности этой темы, свойственной другим авторам, перейти к художественному осмыслению и обобщению реальных фактов и эпизодов этой войны. Второе крупное произведение – пьеса «Кахун» (1935) – о формировании нового человека, человека советской эпохи. Она посвящена классово-борьбе периода коллективизации в Кабардино-Балкарии. В ней описаны первые дни колхозного строительства, прославлялся героический труд колхозников.

Налоев Джансох Мурзабекович сыграл роль лидера в становлении кабардинской литературы и литературоведения, он внес неоценимый вклад в родную культуру.



## КАЦИЕВ ХАБУ ХАДЖИМУРАТОВИЧ

Родился 15 мая 1916 года в сел. Кёнделен Эльбрусского р-на КБР, умер в 1974 году в Нальчике, – балкарский писатель. Учился в сельской школе, в 1929 г. продолжил учебу в ЛУГе, затем – в г. Пятигорске, откуда был переведен в Нальчикский педтехникум. В 1935 г. был направлен на работу в издательство редактором отдела балкарской литературы. В 1937 г. по рекомендации обкома партии был принят на Центральные курсы редакторов-переводчиков при ЦК КПСС. Служил в Красной армии. Демобилизовавшись, работал также в издательстве.

В конце 1941 г. обкомом партии был направлен на партийную работу секретарем Хуламо-Безенгиевского райкома партии. Перед немецкой оккупацией района был утвержден комиссаром партизанского отряда, затем отозван обкомом КПСС и выполнял его задание по созданию базы партизан на территории Северной Осетии.

По освобождению республики работал редактором республиканской газеты на балкарском языке «Социалист Кабарты-Малкъар». После ее закрытия – в аппарате Совнаркома республики, первым секретарем Прималкинского райкома партии. Учился в партийной школе, работал в аппарате обкома и Нагорного райкома партии. Писать начал с 1932 г., печатался в газетах, альманахах, издаваемых в республике. Член Союза писателей СССР с 1937 г.

«Сердечной радостью» назвал Хабу Хаджимуратович первый свой сборник стихов (1936). В своей первой прозаической книге «Земные звезды» Кациев воспевал социалистическое строительство.

В последующие годы он обращается в основном к военно-патриотической теме. Страна жила в предчувствии войны. Кациев служил в рядах Красной Армии. В рассказах «Мой друг» и «Голая женщина», написанных им в латвийском городе Либаве, он поставил своих молодых героев в такие условия, где их нравственный потенциал мог наиболее полно раскрыться. В этих рассказах ощущается тревожное ожидание войны (в Прибалтике ее приближение было наиболее очевидным).

В годы войны Кациев написал три рассказа: «Скорая смерть», «Мечь Темирбека» и знаменитую притчу «Ефрейтор-палач и его генералы». Писатель воевал с врагом своими рассказами, каждый из них являлся сражением, где автор, солдат своей родины, одерживал убедительные победы.

Расцвет художественного таланта Кациева приходится на 60-е гг. В этот период выходит ряд его сборников рассказов и повестей на балкарском и русском языках. Он пишет роман «Тамата», где решается современная сельская проблематика: эпический рассказ «Мухаммат», в судьбе главного героя которого синтезирована эпоха 30–50-х гг.; повести «В горном ауле» и «О чем грустит сердце», в которых рассказано о большой и чистой любви.

Сатира Кациева отличалась глубоким знанием объекта осмеяния, умением перевоплощаться, глубиной и смелостью мысли, высокой гражданственностью. Он остается непревзойденным в этом жанре в балкарской литературе.



## ШОРТАНОВ АСКЕРБИ ТАХИРОВИЧ



Кабардинский писатель, драматург, ученый (1916, сел. Лескен Лескенского р-на КБР – 24.12. 1985, Нальчик). Сын крестьянина, убитого за активное участие в борьбе на стороне Советской власти, он в 1924 г. был определен в детский дом в Нальчике, где находился до поступления в 1925-м в Пятигорское фабрично-заводское училище. В 1929 г. поступил в Нальчикский педтехникум. С сентября 1935 г. учился на режиссерском факультете ГИТИСа им. А. В. Луначарского в классе профессора В. Г. Сахновского, где изучал искусство режиссуры и театральной игры.

Активный участник войны 1941–1945 гг.; награжден многими орденами и медалями, в послевоенные годы поступил на работу в КНИИ. В его научно-исследовательском потенциале к этому времени уже значилось плодотворное сотрудничество с группой московских ученых и литераторов во главе с академиком Ю. М. Соколовым по подготовке и публикации академического свода «Кабардинский фольклор» (1936). В научно-исследовательском институте работал многие годы, был зав. отделом фольклора и литературы, проработал там вплоть до смерти.

В 1937–1940 гг. под непосредственным руководством Шортанова на сцене Кабардинского колхозно-совхозного театра были поставлены пьесы «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Мажид и Марьят» М. Тубаева, «Женитьба» Н. Гоголя. Позже Шортанов написал ряд пьес, в которых всегда находил новые авторские решения и сценические средства.

Событием непреходящей значимости для кабардинской литературы стал его роман «Бгырысхэр» («Горцы») – крупное по своему масштабу и хронологическому охвату эпическое полотно, говорящее голосом истории. Он также автор многочисленных очерков, новелл, рассказов, которые сыграли значительную роль в том, чтобы кабардинский рассказ как малая эпическая форма приобрел свое национальное лицо и традиции. Большое внимание уделено им общественно-политическому деятелю Кабарды первой половины XVII в. Жабаги Казанко; многое сделано для восстановления творческого портрета народного поэта Бекмурзы Пачева. А. Шортанов – автор двух фундаментальных монографий: «Адыгская мифология» (1982) и «Адыгские культы» (1992). На богатом фактическом материале как полевого, так и литературного происхождения, включающем свидетельства отечественных и зарубежных ученых, путешественников-миссионеров, просветителей, летописных хроник времен Русско-Кавказской войны, документы и данные по археологии, истории, этнографии, Шортанов восстановил древние формы обрядовых регламентаций и проследил эволюцию языческих представлений адыгов, трансформировавшихся под влиянием христианства и ислама. На фоне мировой мифологии, используя сравнительно-типологический метод анализа, он сумел выделить основные этапы и создать оригинальную фольклорно-мифологическую модель пантеона богов адыгов. Монографии сыграли основополагающую роль в становлении адыгской фольклористики как науки.

## КУБАНОВ ХАМЗАТ ИБРАГИМОВИЧ

Карачаево-балкарский поэт (29.06. 1916, сел. Джегута, Карачаевская автономная обл. – 13.06. 1998, Нальчик КБР). Родился в семье с устойчивыми духовными интересами. Отец был для своего времени образованным человеком, брат Ахмат – известным поэтом Карачая. Ибрагим Кубанов, участник Гражданской войны, мечтал о военной карьере сына. Но судьба распорядилась иначе. С 1934 г. Кубанов учится в г. Микоян (ныне Карачаевск) в педрабфаке. После его окончания в 1938 г. начал работать учителем начальных классов в сел. Эльтаркач, где обучал детей один год. Последующие три года – литработник в районной газете «Колхозная жизнь» в Усть-Джегутинском районе. Затем перешел на работу в областную газету «Къызыл Къарачай» (Красный Карачай).



В 1940 г. Кубанов был призван в армию. Великая Отечественная война застала его на Северной Двине. В первом же бою летом 1941 г. он получил тяжелое ранение и был демобилизован по инвалидности.

Выселение карачаевского народа в Среднюю Азию явилось переломным этапом в жизни Кубанова. В 1955 г. Кубанов поступил заочно в Киргизский государственный университет на историко-филологический факультет. В 1957 г. в связи с возвращением на родину перевелся в Грозненский педагогический институт, который окончил в 1965 г.

После возвращения в Карачай занимал должность старшего редактора отдела карачаевского вещания областного радио. В 1957 г. переехал в Кабардино-Балкарию. Шесть лет проработал в школах сел. Лашкута, Хушто-Сырт. Последующие двенадцать лет до выхода на пенсию – корректор республиканской газеты «Коммунизмге жол».

Литературной деятельностью Кубанов начал заниматься, будучи студентом педрабфака. В годы депортации им был написан роман в стихах «Урланган жашчыкъ» («Похищенный мальчик»).

В душе поэта не остыли воспоминания о войне. По словам очевидцев, всю послевоенную жизнь он находился в пекле тяжелых боев. Потому и неудивительно, что тема войны заняла значительное место в творчестве Кубанова. Мужество, героизм солдат, освобождающих родину от иноземных захватчиков, сопоставляются им с вечностью и стойкостью гор.

Много лирических произведений Кубанов посвятил второй своей родине – Кабардино-Балкарии. Особой страницей в его творчестве являются художественные переводы, в частности, известных сказок, легенд разных народов.

Кубанов прожил жизнь, полную драматических событий и борьбы. И даже будучи слепым в последние десятилетия, он находил силы для творчества. Читая его оптимистические стихи, полные надежды и веры, отчетливо представляешь сильную духом личность. Карачаево-балкарский поэт и был таким. И свою трудную жизнь смог объяснить как настоящий художник: «Что без страданий жизнь поэта?»

## ГУЛЯЕВ БАШИР ЛОКМАНОВИЧ



Родился 25 сентября 1936 года в сел. Кёнделен Эльбрусского р-на КБР – умер в 1993 г. в Нальчике, – балкарский прозаик, журналист. Окончив школу в 1953 г., Гуляев поступил в Учительский институт в г. Чимкенте (Казахстан) и успешно закончил его. После реабилитации балкарского народа в 1957 г. возвратился в Кабардино-Балкарию. Работал учителем в сел. Кёнделен. В 1964 г. окончил КБГУ, отделение балкарского языка и литературы историко-филологического факультета. По приглашению Кабардино-Балкарского радио начал работать сначала директором балкарского вещания, затем главным редактором. В дальнейшем он перешел на Кабардино-Балкарское телевидение, работал в должности главного редактора.

Долгие годы, вплоть до своей кончины в 1993 г., Башир Локманович возглавлял Союз журналистов Кабардино-Балкарии. Член Союза писателей СССР (1982).

Дебютом в прозе явилась публикация в 1961 г. его рассказа «Мой друг Азрет» в альманахе «Шуёхлукъ». Героями рассказов начинающего прозаика стали его современники, молодые люди новой формации. В своих рассказах Башир Гуляев поднимает актуальные морально-этические проблемы, лейтмотивом в них проходит тема – человек и война.

Его рассказы отмечены поисками новой проблематики, новых изобразительных средств, стремлением преодоления мелодраматичности и декларативности. Все написанное автором как бы прочувствовано им самим.

В 1984 г. в Москве, в издательстве «Советская Россия», вышла книга Гуляева «Шум водопада». В нее вошли повести: «Беглец», «Тропинка», «Шум водопада». Эта книга ознаменовала новый этап в творчестве писателя.

Он поднимал в своих книгах насущные проблемы. Описывая важные события, которые происходили в стране, в прошлом и настоящем, он правдиво воссоздавал образы и героев прошлого, и своих современников.



Увжуко ТХАГАПСОВ

## ТРИ БАНКИ КРАСКИ

Бывают же счастливые совпадения!

Долгожданый ордер на однокомнатную квартиру нам дали в тот день, когда Леонид Ильич получил четвертую Золотую звезду. Конечно же, эта невидимая остальному миру связь между столь разными по значению событиями мне показалась глубоко символической, и вечернюю передачу, как ему в Кремле эту звезду Героя вручают, я смотрел с особенным чувством.



Нет, ну правда: чтобы понять меня, надо несколько лет скитаться по чужим домам, не имея возможности снять хотя бы относительно приличный для жилья угол... надо затаиваться как мышь, когда за стеной заговорили, а то и в самый неподходящий момент подошли к двери... эх, да что там! Разве молодость в тебе для того кипит, чтобы ты привык в кромешной тьме ориентироваться не хуже лошадки, которую встарь черкесы специально готовили к ночным набегам, а жена твоя освоила неслышимый, как у опытной танцовки, проход по коридору на цыпочках, а дети, когда мы себе позволили, наконец, их обрести, первым делом научились прикладывать к губам палец: мол, тихо-тихо!

Воспитывали нас в большой строгости, моральные принципы большинству молодых казались незыблемыми. Кто размышлял в ту пору над тем, что в общенародном достоянии есть и его законная доля? «Жила бы страна родная», как пелось в известной песне, которую все знали наизусть. Подними среди ночи, напой любую строку, и всякий тут же подхватит следующую.

Сколько широко распространенных синонимов имели тогда простые слова «работать» либо «трудиться». Тут тебе и «вкалывать», и «упираться», и «горбатиться», и «мантулить»...

Но вот поди ты: ордер и в самом деле казался мне щедрым, как бы даже не заслуженным мною подарком, который старший успешный брат позволил сделать своему ленивому, вечно отстающему младшему.

Руки Леонида Ильича, когда он тянулся обнять очередного поздравлявшего его с высокой наградой, так и виделись мне мозолистыми и натруженными, пот, который нет-нет, да и смахивал он со лба, казался, конечно же, жарким трудовым потом, а поцелуи были такими простецки горячими и смачными, что я вдруг даже пальцы приложил к собственной щеке.

– Комар? – участливо спросила жена. – Я их вроде венником выгнала. Неужели опять влетел?

Но я только отмахнулся: стоит ли женщине объяснять, что это такое, да как оно из московских правительственных далей в нашу съёмную комнату могло залететь...

Сам я, по вполне понятным причинам, конечно же, не мог лично высказать только что награжденному в очередной раз генеральному секретарю слов благодарности, но Аллах, уверен, всё, что было в моем сердце, тогда видел и наверняка обрадовался моей неспорченности.

Но вот, наконец, вслед за орденем нам вручили и ключи от новой квартиры... Кто бы на нашем месте стал медлить?

Быстро собрали свои пожитки и почти бегом кинулись – вроде как на пожар!

Дрожащими от нетерпенья руками отомкнул замок, открыл дверь в крошечную прихожую, и в голову ударило: опоздали!

Посреди голых стен гуляли невнятные голоса, слышались звуки гармошки и обрывки залихватской песни. В мозгу у меня пронеслось модное в то время словечко: самозахват!

– Это кто тут посмел?! – с порога рывкнул я громко, как один из героев детской сказочки.

И на кухне, и в единственной комнате было пусто. Что за чудо?

Наши дети догадались первые: подбежали к глухой стене, и каждый приник к ней ухом. Мне осталось только руками развести: ну не умницы?

Не знаю точно, что испытывают горожане, стоя в Иерусалиме у знаменитой Стены палача, а мы с женой, когда стали по обе стороны от своих детишек и тоже приложились к прохладному бетону щекой, готовы были заплакать от счастья: это, слава Аллаху мудрому и справедливому, шумят в соседней квартире. В другом подъезде! Откуда к нам не так-то просто зайти.

А главное, завтра мы тоже сможем позвать друзей и устроить у себя точно такой же тарарам.

Всё так и было, я потом подумал, что у наших соседей невнятные крики тоже стояли по поводу одинаково отделанных серым цементным раствором стен, потолка и пола, перекошенных в притолоках дверей и некрашенных кривых рам, и в проемах окон... что делать?

Я даже представил себе опять нашего генерального, отделившего так необходимую мне тогда часть заработанного его мозолистыми руками общего богатства и вручившего его нашей семье: владейте!

Но начались суровые будни. Мы с женой взялись покупать стройматериалы и осваивать новые для себя строительные профессии.

О слишком коротких батареях даже не думали: не замерзнем!

Первым делом побелили стены и потолок, застелили полы линолеумом. В прихожей и на кухне положили тёмно-коричневый, а в комнате – более светлый. Осталось покрасить окна и двери, но наши финансовые запасы к этому времени окончательно истощились.

– Тут и нужно-то всего три банки краски, – вздыхала моя жена. – Две белой и одну голубую.

И я спешил понимающе откликнуться:

– Да, моя дорогая, да.

– Уже и не понимаю, кому это предназначено – «моя дорогая». Мне или этим несчастным банкам, которые ты никак не можешь купить? Если бы мне, ты бы наверняка нашел другой способ достать краску! Пока ты всё возишься со своими бумагами, уже достроили и вот-вот заселят соседний дом. Он точно такой же, но там ни о чем беспокоиться не надо. Уж лучше бы нам дали квартиру чуть позже, зато в нормальном доме. У других так и получается. А когда доходит до нас, то и золото начинает ржаветь! Был бы ты хоть чуть пошустрей...

– Да, моя дорогая! – сказал я своё привычное и даже вздохнул, но на этот раз миролюбивый тон меня не выручил.

– Ну, что – да?! Ты этого и знать, конечно, не хочешь. А там работает сторожем Адам. Так он не только самого себя обеспечил всем необходимым – уже и весь аул снабдил и гипсом, и цементом, и краской. Но разве ты догадаешься хоть кого-нибудь попросить...

Дальше я уже не слушал жену: Адам! Как же я забыл о нем? Он был родственником моего тестя и при встрече всякий раз долго жал руку и задушевым тоном, как старший, подбадривал: «Тот, кто не только терпит нашу сестру, но бережет её пуще глаза, достоин великого уважения!».

Ну что мне стоило сразу обратиться к нему!

В эту ночь я впервые за несколько последних недель спал спокойно и проснулся, как мне самому показалось, со счастливой улыбкой: Адам! Вот кто нас, конечно выручит.

Перед работой, толком не успев поесть, отправился пешком к нему домой, и он опять задержал мою руку в своих так надолго, что мне пришлось положить свою левую ладонь поверх его запястья:

– Спасибо, Адам, спасибо! Тоже очень рад нашей встрече.

– Всегда говорил и ещё повторю: тот, кто не только терпит нашу сестру, но бережет её пуще глаза, достоин самого великого уважения!

– Спасибо, Адам!

– Спасибо потом будешь говорить, когда мы решим дело, по которому ты пришел, – предупредил меня родственник с нарочитой важностью. – Что тебя в такой ранний час ко мне привело?

Объяснил я ему нашу ситуацию с ремонтом новой квартиры, и он, ещё не дослушав, сказал, словно о какой-то безделице:

– Только и всего? Считай, что эти две банки белой краски... как снег в наших горах... и одна голубая, как небо над ними, а?... уже стоят у тебя дома, сегодня же мы с тобой это провернем. Ночью дежурит мой напарник. Мой друг.

– Спасибо, Адам...

– Но в руках ты ведь её не понесешь, придешь с сумкой? Или что там у тебя?

– Конечно, с сумкой.

– С пустой вроде неудобно, а? По обычаю хоть клочок овечьей шерсти да брось в неё...

– Не знал, – сказал я простодушно. – Теперь буду знать.

– Вообще-то – пережиток прошлого, можно и без шерсти, – и Адам как будто задумался. – Лучше что там? Литр водки, само собой. Только хорошей, конечно. Не пробовал «Посольскую»?

– Как-то не пришлось, – виновато пожал я плечами. Бутылка «Лимонной» у меня всегда теперь стоит дома. «Ноль семь». Большая. Вдруг гости...

И Адам одобрил:

– Тоже неплохо. К этой можно прибавить и бутылку попроче.

– Какой разговор, конечно, прибавлю!

– Ну, и чтобы закуска нормальная...

– Конечно, – уверил я уважаемого родственника. – Это само собой.

– Жди меня дома поздно вечером, а там... ну, сколько там дойти?

– Всё-всё, буду ждать!

Весь вечер ушёл у нас с женой на то, чтобы собрать достойную замену «клочку овечьей шерсти». Несколько раз она даже вынимала из холодильника и

со вздохом ставила на прежнее место самое дорогое, что в её припасах имелось: крошечную стеклянную баночку красной икры. Икра эта, как понимаю, уже перебивалась в нашем Черкесске во многих домах, её месяцами передаривали друг дружке почти так же, как передают эстафету, но от этого она не делалась хуже, а как бы только набирала цены и вкуса.

Помните лозунг той поры: «Советское – значит отличное»? Это касалось не только наших промышленных товаров, но также всех самых дефицитных продуктов: чуть ли не годами они не портились!

Нам икру принесли неделю назад, на новоселье, и для придания столу определенного лоска хотели открыть, но почему-то она осталась нетронутой. Поэтому мы через два дня собрались отнести её друзьям на день рождения, но тут-то и стал ребром этот давно для неё назревший вопрос: продолжит ли она свое путешествие в стеклянной баночке из квартиры в квартиру или разойдется, наконец, по давно подстерегающим её людским желудкам?

– Адам наш родственник, – говорила жена. – И нельзя, чтобы мы обидели его своей черствостью.

– А он не должен ударить в грязь лицом перед своим напарником, – подерживал я наше общее с Адамом право на эту икру.

И всё-таки жена в очередной раз вынула стеклянную баночку из сумки, где она уже лежала между пересохшими кусками адыгейского сыра и сушеного поджаренного мяса, и снова определила её на полку холодильника:

– Сейчас я тут ещё что-нибудь такое поищу.

Вы не забыли, что в ту пору значил для семьи пусть даже самый простенький, пусть захудалый холодильник?

В продовольственных магазинах ничего такого особенного, никакой «вкусятинны» не было, полки «гастрономов» были сплошь уставлены пирамидами из консервов «Завтрак туриста», будто все мы, всей большой страной, собрались в какой-то коллективный поход. Думаешь теперь: а, может быть, так оно и было? Нас всех к этому общему походу тщательно готовили, а мы просто не замечали? И очнулись только теперь, когда оказались в иной стране, в ином времени...

Но это уже потом, потом станет ясно. Задним умом не только русский мужик крепок, но и черкес – тоже. А тогда...

Тогда, поди, мы это потому и не замечали, что магазины были пусты и скоро за ненадобностью их можно было вообще позакрывать, а оставить лишь склады. Зачем эта лишняя передаточная точка «под прилавком», если оттуда, прямо со склада, и можно всё брать и укладывать дома в свой хоть и не резиновый, но всё-таки безразмерный холодильник?

В конце концов, наш «гомyle»<sup>1</sup> был собран, и жену стала одолевать иная забота: может быть, уважаемого родственника надо угостить ещё и дома, перед походом за краской?

Она уговаривала Адама с таким жаром, что он было уже согласился обособиться за столом в единственной комнате, однако перед этим подошел к вместительной дорожной сумке, с которой я обычно ездил в аул за продуктами, попробовал приподнять её, и широкое лицо его расплылось в довольной улыбке:

– Я не удивлюсь, наша сестра, если отсюда вдруг заблест барашек!

Всё так: только живой овцы там и не хватало!

И что из того, что нам предстояло пройти несколько десятков шагов – жена провожала нас как настоящих наездников:

---

<sup>1</sup> Тормозок.



– Буду желать вам удачи!

Казалось, Адам этого и ждал:

– Это правильно, наша сестра! – и обернулся ко мне, спросил с оттенком тревоги в голосе: – Надеюсь, нана<sup>2</sup> своей в аул ты не сообщил, что мы с тобой идем сегодня за краской?

– Нет, – сказал я с невольной виной. – Не успел.

Но наш Адам вдруг одобрил:

– Это хорошо, что не успел. Нана об этом не должна знать!

– Почему же? – вырвалось у моей жены. – Ей надо непременно сказать о твоём добром поступке. Не только из уважения к тебе, наш родственник, но и к ней тоже!

– Вроде бы оно так, – проговорил Адам рассудительно. – Говорят, ключи от рая лежат в ногах у матери. Чем чаще будешь склоняться перед ней, тем быстрее Аллах откроет тебе потом ворота сада на небесах.

– Вот я и думала! – поторопилась жена поддержать его.

– Вроде бы так, но не совсем, – продолжил Адам многозначительно и даже приподнял вверх свою пухлую ладонь. – Дело у нас нынче особое. Недаром ты припасла для нас такой гомыле, наша сестра. В давние времена джигит, когда отлучался из дома за добычей, просил Аллаха: не делай так, как говорит мать, а делай так, как говорит жена!

И моя благоверная явно оживилась:

– А почему – жена?

– Вот так же удивился молодой спутник опытного наездника, – наставительно произнес Адам. – Как?! – он воскликнул. Разве кто-нибудь беспокоится о нас больше матери? Но опытный наездник ответил ему: вот в этом-то и всё дело, что мать слишком переживает за своих детей. Беспокойное материнское сердце только тогда и успокоится, когда сын вернется домой. А до этого: «Он упадет с обрыва! Утонет в бурной реке! Коварный враг на его пути устроит засаду! Горе мне, горе!». И разве джигиту не передается это волнение? Оно его лишает ловкости и бесстрашия! А с женой все наоборот. Она думает: «Нет силы, способной одолеть моего любимого мужа! Вот-вот он вернется с серебром и золотом для меня!».

Говоря это, Адам так вошел в роль, что жена моя явно растрогалась: сейчас он, и правда, был похож на одного из ведущих актеров кабардинского драмтеатра, который только что у нас гастролировал. Она даже переспросила:

– С серебром и золотом?

И я невольно поддел её:

– Да! С таким, которое даже в руках у растяпы не поржавеет!

Чего там, теперь-то уж, как говорится, дело в шляпе.

Заветная дверь открылась перед нами так стремительно, будто кто-то за нами пристально наблюдал ещё с того момента, когда Адам появился в нашей квартире. Не здороваясь, сторож первым делом навесил изнутри большой амбарный замок, выхватил у меня тяжеленную сумку, с облегчением вздохнул и коротко бросил:

– Теперь за мной!

«Лампочка Ильича» тускло светила в самом конце коридора, в темноте мы двинулись к ней, как на спасательный маяк. Я тут же зацепился за что-то

<sup>2</sup> Мать, бабушка.

штаниной, хотел отцепить её и ткнулся рукой в горячий собачий нос. Только тут различил в темноте и уголки глаз, и уши торчком.

– Эй, эй, штаны порвёшь! – сказал я как можно дружелюбней, а сторож отозвался ещё спокойней: – Штаны она не рвёт, нет.

– А что же она вцепилась?

Но мой родственник уже подхватил собаку под шею:

– Это она у нас так здороваётся.

– Ну, здравствуй, – сказал я. – Здравствуй.

– Умница моя! – погладил Адам собаку. – Верись, умней её нету во всей Черкесии.

– Да ты и в Кабарде поищи такую собаку – не найдешь, – поддержал напарник.

– Уник... как это там? – запнулся Адам. – Собака, конечно, уник-муник...

– Уникальная, что ли? – догадался я.

– Правильно, – нашелся Адам. – Уник-муник.

На втором этаже единственная в длинном коридоре лампочка светила куда ярче, и я первым делом попытался разглядеть «уникальную» собаку. Конечно, немецкая овчарка: темно-серая, чуть не с телёнка ростом. Снова глянула на меня: красная пасть полукрота, глаза блестят. Она словно улыбается: мол, слышал, что тут обо мне? А ты думал!

Обнохала меня и снова отошла к сторожам: то к одному носом сунется, то к другому. На ходу стала тереться о ногу Адама, и он потрепал её по загривку:

– Оставим тебе косточек, оставим!

– Она не только косточки любит, – счел нужным добавить напарник.

Собака завертела длинным хвостом и снова ко мне сунулась.

– Признала! – одобрил Адам. – Признала, погладь собачку.

Собак я не боюсь, погладил, и овчарка как будто длинно зевнула и клацнула зубами: почему я из этого сразу не сделал вывода?

В помещении, куда завел нас Амин, напарник нашего родственника Адама, держался густой дух свежей краски и древесных опилок. Всё это мешалось с запахами и рабочей одежды, и обуви – с длинной вешалки свисали заляпаные известкой черные куртки, синие тренировочные штаны, выцветшие комбинезоны, а под ними стояли в ряд либо валялись на полу резиновые сапоги, полуразбитые кирзачи, рваные ботинки...

Но как всё вокруг чудесным образом преобразилось, когда на доски, уложенные на козлах, Адам расстелил рядком две газеты «Правда», накрыл их чистой скатёркой (чтобы не отвлекались на поиски правды), которую не забыла положить нам моя жена, и стал из сумки выкладывать вареную, с блестками желтого жирка, домашнюю курицу, мамалыгу с соленым кефирчиком да чесночком, сушеное поджаренное мясо и брынзу с бастурмой... Мало того – когда моя благоверная успела сунуть в сумку и несколько розовощеких помидоров, и даже яблоки?

При виде всего этого богатства я понял, что на день рождения к другу мы с ней завтра понесем в две руки стеклянную баночку красной икры: выходит, она продолжит свой торжественный путь по нашему славному Черкесску.

А как смотрелась на фоне этого натюрморга моя большая «Лимонная»! Конечно же, она стала осью, вокруг которой вот-вот завертится наш неожиданный праздник.

Широко улыбающийся Адам потёр ладони, готовясь к привычной для него роли вечного тхамады. И правда, на этот счет о нем чудеса рассказывали.

А Амин открыл дверь и слегка приподнял ногу в ботинке, подталкивая к выходу овчарку:

– Пока тут тебе не место, уник-муник...

Потом-то я размышлял: почему он сказал тогда это своё «пока»?

Мы уже уселись вокруг нашего самодельного стола на перевернутых боком полурасшатанных ящиках, когда Адам негромко, но как-то уж очень выразительно ударил ладонью о ладонь и поднял обе над столом:

– Я уверен! – громко произнес.

Тоже как-то очень выразительно помолчал и ещё громче выкрикнул:

– Я больше чем уверен!

Мы с Амином невольно подались к нему с маленькими, до края налитыми стаканчиками в руках, и он, как будто дождавшись нашего знака внимания, заговорил уже чуть тише, но с возросшим значением в голосе:

– Что такое хлеб-соль, какой перед нами на этом столе? Такой хлеб-соль, какой устроил нам мой достойный родственник... в голодный год его хватило бы на хорошенькую свадьбу, ей-ей! И слава Аллаху, что сегодня другое время. Что добыча еды перестала быть для нас главным делом. Что главное – это дружеское обещание за щедрым столом. Распахнутая щедрая душа – вот что сегодня главное!

– За сказанное! – опередил меня Амин.

И я горячо поддержал:

– За сказанное!

Выпили и разом налегли на закуску, но я почти тут же оторвался от еды: наполнить стаканчики.

Дело в том, что в то время я находился под впечатлением одной истории, которая не давала мне покоя, можно сказать, ни днем, ни ночью. Один мой однокашник, вместе с которым мы учились потом и в педагогическом институте, любил повторять: «Пустой стакан вообще не должен стоять на столе, а налитому стакану стоять на столе тоже не положено». Он тогда учился уже в Москве, в центральной комсомольской школе, и когда впервые обнаружил эту поговорку в кругу старых друзей в нашем Черкесске, мы глядели на него с восхищением и чуть ли не с завистью.

Помню, как я чуть ли не первый спросил: а как же, мол, в таком случае сидящим за столом быть? Как вести себя? Прятать пустые стаканы?

– Думай! – ответил он. – Все думайте. Если хотите, это глубокая философия! Один из главных законов диалектики: борьба и единство противоположностей. Хочу на этом законе специализироваться, уже начал писать кандидатскую...

Такого с черкесами не бывает! Ну, просто не должно быть.

Позже, говорят, кто-то видел его на Казанском вокзале в самой дешевой забегаловке, где он тоже рассказывал собутыльникам об этой борьбе противоположностей. Слишком увлекся сложной городской наукой?

Однажды я рассказал эту историю в родном ауле, и Хазрет Курашинов, один из самых уважаемых старших, сказал мне с грустной улыбкой: «Запомни! На такой город, как эта Москва, не надо брать в набег «белого скакуна». Всегда бери работягу чалого – везде выручит».

Но тогда я недаром вспомнил о своем потерянном школьном дружке: станканчики, которые с такой надеждой положила мне в сумку жена, и в самом деле, не должны были оставаться пустыми. Несмотря ни на что, три банки краски – две белой и одна голубой – не выходили у меня из головы.

Когда в остаток «Лимонной» в стаканчиках мы долили «Столичной», которая тоже нашлась в заначке у нас дома, наш тхамата, то и дело поглядывая на меня, обратился к своему напарнику:

– Наш друг! Тост за хозяина, у которого находятся в гостях, за бысыма, поднимают последним, и мы это ещё успеем сделать. А пока выпьем за тебя как за человека, сумевшего собрать нас за этим щедрым столом. Пусть Всевышний даст нам великую возможность сохранить древний обычай братского застолья и никогда не даст повода не поднимать такие тосты, которые мы тут только что произносили. Я думаю, Амин, ты достойно продолжишь их...

Ящик под напарником Адама натужно заскрипел – сторож стал медленно приподниматься:

– Что это ты? – укорил Адам. – За столом сидят твои близкие!

И снова поглядывал на меня со значением.

– Ведь так?

– Я моложе вас, но тоже хорошо знаю, что это так, – поддержал я Адама. – Зачем вставать, если тебя и хорошо видно, и хорошо слышно?

Адам поощрительно кивнул мне: мол, правильно! И я вдохновился:

– Старший среди нас – это хлеб на нашем столе. Оказывая лишнее уважение сидящим, мы невольно принижаем его.

И Адам опять кивнул. Может, тут мне невольно захотелось тоже блеснуть знанием славной старины?

– Говорят, однажды уорки<sup>3</sup> сидели за столом, и тут вошел князь. Один из уорков вскочил перед ним, но князь выхватил шашку и одним ударом отсек ему голову. Остальные уорки закричали: за что, князь?! За то, ответил князь, что он поставил меня выше хлеба, за которым только что сидел с вами, и этим унизил и хлеб, и меня.

– Наши мудрые предки – наши лучшие учителя, – как бы в некотором раздумье произнес Адам. – Но дай сказать слово нашему тостующему.

Оказалось, только что рассказанная мной кровавая драма ничуть не напугала его: этот упрямец стал говорить стоя.

– Друзья! Дорогие мои! – начал он пылко. – Ради вас я готов принести себя в жертву. Покажите мне того, кто эту жертву примет, и я это тут же сделаю!

Мы с Адамом невольно один на другого поглядывали: не слишком ли?

Но напарник заговорил ещё горячей:

– Пусть будут всегда целыми и здоровыми ваши светлые головы, которые надоумили вас прийти сегодня ко мне. А трудности в вашей жизни пусть ограничатся работой ваших желудков за такими столами, как этот. Пусть вам всегда сопутствует удача, а если случится несчастье, то не большее, чем провести время в компании с таким человеком, как я. Великая благодарность Всевышнему, пославшему вас скоротать мой серый вечер, ставший благодаря вам не угрюмой работой, а ярким праздником!

Стыдно, конечно, но я пытался уловить в его словах хотя бы намек на краску: белую с голубой. Но Амин обо мне будто забыл – всё это время глядел только на моего родственника.

---

<sup>3</sup> Дворяне.

– Спасибо тебе, Адам! Ты – настоящий мужчина. Настоящий!

У меня промелькнула даже строчка из нартского эпоса: «Мужчина чёрный, железнотелый...»

– Младший сейчас нам снова нальет, – сказал Адам, и я спохватился: позор мне, конечно, позор, что я забыл об этом своем положении за нашим столом!

Выпили и снова горячо заговорили. И почему эта жидкость не заливает жар души, а лишь разжигает его?

Каких только животрепещущих вопросов мы ни коснулись: и летучих мышей, которые ночью вцепляются в подкинутый носовой платок вовсе не потому, что он белый, а испускает при полете с камнем внутри особые волны; и далёких звезд, на которых тоже люди живут: такие высокоразвитые, что считают ниже своего достоинства с нами, вроде не такими тупыми, связываться; и третьей мировой войны, которая начнется сразу же, как только Куба нападет на Америку: разве нам не придется Фиделю помогать, когда будет усмирять зарвавшего соседа – куда мы денемся?!

А я всё сидел и думал об этих несчастных трех банках краски. Может, я давно уже стал жалким мещанином, и все мировые вопросы нисколько меня не волнуют? И неужели моим детям, чтобы достать несчастную эту краску, так же вот придется развлекать сторожа рассказом о шестидесятилетнем китайце, в животе у которого обнаружили и при помощи кесарева сечения извлекли крошечного, но уже совершенно старенького брата-близнеца, которому в своё время так не повезло...

– Что имело хорошее начало, должно иметь и добрый конец! – сказал, наконец, наш родственник, и Амин понял это по-своему:

– Тут неподалеку есть небольшой магазин, в котором завмаг остается ночевать. Там можно достать даже в тот час, когда спят и собаки.

– Но этот час еще не настал, – откликнулся Адам.

– Тем быстрее он мне откроет!

– Ым-м! – проворчал Адам. – Ну что ж... ым! Можно и сходить... ты нашему младшему, так и быть, объяснишь потом, где это. Но сперва возьми вот эту большую сумку и положи в неё три банки краски. Ему.

Амин будто поперхнулся:

– К-какой краски?

– Две белой и одну – голубой, – посмотрел на меня Адам. – Так?

– Как снег в наших горах, – начало было я. – Как...

– Да вы что?! – изумился сторож. – Какая сейчас может быть краска? Откуда?!

– Как это? – больше него удивился Адам. – Вон из той комнаты!

– Валлахи, Адам, не смогу! Что ж ты не предупредил меня? Мастер перед этим вечером пересчитал и замкнул каптерку... да вы что?!

– И ты не сможешь открыть её?

– Как же я без ключа её открою? Если бы ты меня предупредил, я бы у него попросил... сам бы потихоньку вынес. А так, без спросу, Валлахи, не смогу! Без всякого предупреждения... кому это, скажи, может понравиться?!

– И ни запасного ключа, ничего?

Амин будто отмахнулся от него – заговорил со мной:

– Брат! Может, возьмешь два ведра цемента, я тут приготовил.

Я голову отпустил и промолчал.

– Потом пригодится, брат! Вот увидишь. А этот редко бывает: марки «портланд», да что ты, что ты! Прямо в сумку и высыпем. В конце концов, три ведра... бери-бери!

– Может, и в самом деле возьмешь? – поддерживает напарника Адам. – В крайнем случае, у кого-нибудь поменяем на краску... как там? Две белой...

– Доски! – кричит вдруг обрадовано Амин. – Это счастливые доски: не каждой выпадает, чтоб на ней лежал хлеб-соль, чтобы за ними сидели такие достойные люди. Они уже оструганные. Возьмешь?!

Мне стало крайне неловко, но всё же сквозь зубы еле слышно в сторону Адама вымолвил:

– Твоя сестра первым делом заглянет в сумку.

– А они у тебя на плече! – глубокомысленно изрек наш родственник.

– Пустую сумку можно на руку, а доски и на два плеча, – поддержал напарник...

– Спасибо, нет-нет. Ничего не надо... – стараюсь изобразить улыбку.

– Как это – нет? – искренно огорчился Амин. – Я за это время успел тебя полюбить как родного. Ну, что там эти краски, тыфу! Главное для нас – это человечность.

– Адыгагэ<sup>4</sup>, да! – поднял Адам обе руки. – Мы так великолепно посидели, пообщались, стали друг другу ближе и родней.

– Да разве я не понимаю? – стал я оправдываться. – Краска... ну, что такое краска... есть вещи поважней!

– Душа-а-а, вот что важнее всего!

– Конечно: посидели, вместе покушали хлеб-соль, поговорили, – стараюсь я размазать цель своего визита, чтобы они тоже не почувствовали себя неловко.

– Вот это правильно! Это по-нашему! – подтвердил Адам.

– Пусть твой хлеб-соль приумножится! – пожелал Амин. – В десять раз, в сто раз!

– Тут ещё маленько осталось, – Адам сам взялся выжимать из «Столичной» последние капли. – Нам просто нельзя не выпить за ту, которая приготовила нам эту вкусную еду. Пусть Всевышний пошлет ей долгую жизнь и пусть у неё в доме всегда всего будет вдоволь... Передашь это нашей сестре?

– Обязательно передам, Адам.

– Повезло тому, кто имеет такую сестру и такого зятя – приходи, буду ждать тебя! – снова пригласил Амин. И вдруг вдохновился. – Как говорится, стоп! Знаешь что? У меня есть друг-монтажник. Русский. Но душа-человек. Он тоже тут раздевается, я ему разрешаю. Ему я это смогу потом объяснить, он его не любит на себя цеплять... возьмешь? Подарок будет от меня. От нас с ним. Возьмешь?

Ткнулся куда-то в середину висевшей на вешалке старой одежды, вынырнул оттуда с монтажным поясом в руках.

– Вот, гляди... У кого ещё такой увидишь?

– Так, а что я с ним буду делать? – улыбнулся я.

Адам проговорил как бы с осуждением:

– Эти... с такими поясами. Шутят всегда: на ночь, мол, к кровати пристегиваюсь. Чтобы на пол не упал. А мой родственник – джигит, ему он вообще ни к чему.

---

<sup>4</sup> Адыгство (черкесский этикет).

Но Амина, видно, было уже не остановить. Может, я слишком мало наливал себе и слишком щедро – старшим за столом?

Сторож бросил пояс поперек старой скамейки под вешалкой и с него, словно змея в сухой траве, шурша сползла длинная цепь.

– Тогда я тебе вот что, брат! Тогда вот что!

И не успел я сообразить, что он собирается сделать, как он вытащил откуда-то из-под висевшего на вешалке тряпья желтую монтажную каску из металла, с краями, как у модной тогда на Кавказе «шляпы Косыгина», повертел ею передо мной, а потом неожиданно надел мне на голову и ловко застегнул под подбородком пластиковый ремешок.

– Смотри, какой молодец! Жаль, что зеркала нету!

Какой черкес допустит, чтобы на голову ему что-то натягивали или с головы стаскивали – я стоял ошарашенный, а в это время скрипнувшая дверь открылась, в комнату к нам вошла овчарка и плюхнулась под ногами у Адама.

– А ты не верил, что меня она любит больше! – обрадовано заговорил наш родственник.

– Это она сама тебе призналась? – усмехнулся недовольный напарник.

– Сама не сама, в этом ли дело? По-человечески она, конечно, не разговаривает, а так всё понимает, что передать невозможно.

– Так это я её как ребёнка воспитывал!

– Когда я не в настроении и сам себе жалуюсь, она так выразительно на меня смотрит!

– А сколько я её к тебе приручал?

– Тебе это удалось, Амин! Я и говорю: теперь так меня любит.

Они уже стоят друг напротив, и напарник предлагает запальчиво:

– Хочешь, проверим, кого больше?

– Давай!

– Хочешь?!

Я всё никак не могу одолеть эту застёжку на тугом ремешке, а им до меня и дела нет. Продолжая всё громче спорить, расходятся в обе стороны от собаки, как на дуэли, становятся напротив друг дружки:

– Только разом надо...

– Конечно разом! Напарник поднимает правую руку, какое-то время ждет и резко опускает её.

С разных сторон от меня слышатся громкие приказы:

– Фас!

– Куси его!

Их указательные пальцы направлены друг на друга, но мирно лежавшая до этого овчарка вдруг бросается на меня...

Вы, конечно, слышали эти рассказы о том, что человек в похожих случаях запросто перемахивает через трехметровый забор, который в спокойной обстановке ни за какие деньги не перепрыгнул бы?

Со мной случилось что-то похожее: я взвился в воздух и, словно японский ниндзя, перелетел через собаку.

На задних лапах она сидела напротив, и в глазах у неё виднелось явное недоумение, а я, упершись ладонями в колени и чуть пригнувшись, готовился к новому прыжку.

Исполнить его так же блестяще в этот раз мне не удалось. Собака тоже подпрыгнула и зубами поймала мою ногу.левой рукой я уцепил её правое ухо,

а правой решил схватить за горло... куда там! Вместо собачьей шеи в горсти у меня оказалось что-то похожее на толстый воротник богатырского тулупа.

От отца я когда-то слышал, что любую собаку можно усмирить, если у тебя в руках окажутся её уши. Правой рукой перехватил второе и оба взялся безжалостно выкручивать.

Недаром нас учили слушаться старших: овчарка сперва ослабила прикус, потом совсем отпустила ногу, и я уже придавливал её своим весом, а её раскрытая пасть боком лежала на бетонном полу.

Она и вправду стала, словно овца, беспомощной, а я, всё не отпуская уши, сидел возле неё в этой клоунской желтой каске, и металлический край сползал мне на лоб – ремешок под подбородком, пока мы боролись, лопнул. Что там ни говори, я ощущал себя победителем, и, как это случается, в голове вертелась дурацкая мысль: надо было, конечно, взять монтажный пояс! Глядишь, и обломала бы собачка зубы о железную цепь...

– Слушай, парень, отпусти собаку! – услышал над своей головой голос Амина. – Или ты собираешься задушить её?

И я чуть не взмолился:

– Ну, как же отпущу? Опять укусит.

Он поставил ногу на собачьи лопатки:

– Придавлю, а ты потихоньку отпускаяй.

– Как же она так? – жалостно говорил наш родственник. – Такой уникамумуникум...

Дверь за овчаркой закрыли, сторож уже виновато сказал:

– А ты все равно приходи.

– Глянь на его ногу! – укорил Адам. – Вся штанина в крови.

Напарник печально вздохнул:

– Младший теперь не сможет.

Адам сперва не понял:

– Что не сможет?

– Бежать, – коротко ответил Амин.

– Конечно, надо будет показаться врачу.

– Это потом... сейчас не сможет бежать. Придется мне самому

Адам спросил почти робко:

– А может, хватит?

Пожалуй, этой неожиданной робостью он своего напарника и спровоцировал!

– Ты подумал о своем родственнике?! – закричал Амин. – Ты подумал? Он нам только что устроил такой хлеб-соль... а мы... а мы...

Он вдруг всхлипнул, и Адам вскинулся:

– Что с тобой?

Сторож проговорил явно сквозь слезы:

– Со мной ничего. Это с ним, с ним... С твоим родственником. С моим новым братом! В больнице ему сделают укол от бешенства... Если собака укусит, это закон. И целый год ему нельзя будет ни капли взять в рот... Об этом ты подумал?

А у меня в голове крутилась мысль: мне надо показаться врачу не только для укола от бешенства.

– Ты – настоящий мужчина, Амин! – крикнул Адам уже ему вслед.



...Прости нам грехи наши, о, Всевышний!

Когда это было-то? Лет двадцать, а то уже и чуть больше назад.

Около тридцати.

В конце концов, подсчитать можно. Только зачем, зачем?

В пустой след.

Недавно меня случайно позвали на тусовку наших северокавказских предпринимателей. Были там и приезжие воротилы, известные только по громким фамилиям, и хорошо знакомые наши...

После завершающей речи крупного московского чиновника, которая была похожа временами на жестокий разнос, а временами на слёзную просьбу, поднялись в ресторан, но мы своей компанией в длиннющий банкетный ряд усаживаться не стали, стоя устроились скопом вокруг отдельного стола в углу зала.

Скоро раздался смех, сначала всё-таки сдерживаемый, и речи сделались громче.

Стали вспоминать странное это время, которое пережили в далёкой молодости, и я вдруг почему-то решил рассказать об этих трёх банках, в которые тогда была для меня упрятана моя радость.

– Представляете? – говорил я. – Тогда и вправду казалось: открыл первую банку – уже счастлив. А ведь ещё вторая банка. А третья? Три банки – и ты наверху блаженства!

– И никто в тебя почему-то не стреляет, – как-то уж очень грустно сказал один из старых моих товарищей.

К нам изредка тоже подходили, чтобы расчётливо поставить на стол единственную бутылку и одну большую тарелку с общей закуской.

Иногда кто-то приближался, чтобы поближе всмотреться в лица: видно, искал знакомых.

Потом меня тронули за локоть, я обернулся, и совсем ещё молодой и чрезвычайно вежливый юноша отвел меня в сторонку и протянул визитку:

– Карточка моего шефа. Мой телефон вписан от руки. Хозяина очень заинтересовало, что в наше непростое время вы смогли открыть три банка сразу. Ждите, вам позвонят.

Я сунул визитку в нагрудный кармашек и вернулся к своей тарелочке на столе.

Теперь я тоже был старшим. Мой сосед помоложе, когда я неловким движением опрокинул пустую рюмку, заботливо в меня всмотрелся:

– Что случилось? На тебе лица нет... Что-то не так?

Шел потом по осеннему городу, и часы мои тикали громче обычного: что-то-что-то-что-то-что-то.

И сердце вдруг заныло: что-то не так. Не так!

*Перевод с черкесского  
Гария Немченко*

## ЕГО ШУТКИ И САМ ОН БЫЛИ ОЧЕНЬ КРАСИВЫ



Талантливому писателю и драматургу, заслуженному деятелю искусств Кабардино-Балкарии Х. М. Дударову 15 мая 2016 года исполнилось бы 95 лет. Его смело можно назвать классиком сатиры и юмора в кабардинской литературе. Писал Хаути Мизович для взрослых и детей. Большой интерес у широкой читательской аудитории вызвали его книги «Мои усы», «Носатый», «Сатира и юмор», «Тройная радость», «Сказки» и другие.

Писатель активно занимался и переводческой деятельностью. Им переведены на кабардинский язык и изданы книги: «Повесть о греческом мальчике» Ф. Канонидиса, китайские сказки «Колокол», «Принц и нищий» М. Твена. Из-под его пера вышли переводы произведений известных балкарских писателей О. Этезова, М. Геттуева, Ж. Залиханова, А. Теппеева, Э. Гуртуева и других.

Особое место в творчестве Дударова занимала драматургия. Его пьесы «Тайная свадьба», «Два соседа», «Буря» и другие шли при полных аншлагах. Они имели зрительский успех не только в Кабардино-Балкарии, но и в Адыгее, Северной Осетии-Алании, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Башкирии, Дагестане, Чечено-Ингушетии. Также в Кабардинском театре имени Али Шогенцукова с большим успехом шли пьесы драматурга «Куйцук» и «Добряк и скряга», написанные по мотивам кабардинских народных сказок.

В содружестве с композиторами Хасаном Кардановым, Билялом Каширговым, Владимиром Моловым, Беталом Пшуноковым им создано более десятка песен. Они настолько популярны, что некоторые из них теперь считаются народными.

Творческое наследие Хаути Мизовича не забыто. Его произведения нередко звучат по радио и телевидению, на концертных площадках. Пьесы талантливого писателя и драматурга ставят на сценах театров.

*Из воспоминаний о Х. М. Дударове:*

### **Сафарби Хахов, писатель:**

«Хаути Дударов был человеком большого роста и такого же большого сердца. В его характере ощущалось что-то притягательное, и, конечно же, у него было много друзей, знакомых. Себя я тоже считал очень близким другом Хаути. Могу сказать, что из наших современных поэтов и писателей лучше меня никто его не знал. Кроме того, я хорошо был знаком с его творчеством. Нет произведений Дударова, которые я не читал.

Творческая деятельность писателя была плодотворной, он создал повести, юмористические рассказы, стихи, пьесы, сказки, песни. Хаути работал во многих жанрах и во всех добился успеха. Но больше всего он преуспел в жанре юмора и сатиры. Без всякого преувеличения могу сказать, что в адыгской

литературе в этом жанре Дударов сделал больше всех. Именно благодаря его творчеству я понял, что значит, когда мыслей много, а слов мало.

В один прекрасный майский день на свет появился человек, красивый как внешне, так и внутренне, и в такой же светлый день он от нас ушел. Думаю, что имя Хаути Дударова еще долго будет жить в нашем народе».

***Хамиша Шекихачев, народный писатель КБР:***

«На театральном небосклон Хаути Дударова вывела его пьеса «Тайная свадьба». Хорошо помню, какой был вокруг нее ажиотаж. Театральные и литературные критики набросились на пьесу и автора, утверждая, что это не художественное произведение, а легковесная, дешевая комедия, которую вряд ли стоит показывать нашим зрителям. Какое непростительное заблуждение! «Знатоки» не могли правильно определить жанр произведения. На самом деле это был водевиль, причём первый кабардинский водевиль. И с данной позиции весь ход событий в пьесе оправдан. Это поняли в театре, поставили и не ошиблись. Пьеса имела огромный успех, она просуществовала на сцене Кабардинского театра дольше всех драматургических произведений.

Вспоминаю такой случай. Как-то мы с Хаути гуляли по парку и встретили писателя Аскерби Шортанова. Он от души поздравил драматурга и сказал: «Так держать!» – «Не знаю, Аскеби Тагирович, – выразил сомнение Дударов, – после стольких критических высказываний в адрес пьесы стоит ли писать?» – «Знаешь, Хаути, я только что вернулся из Махачкалы. Кумыкский театр поставил «Тайную свадьбу». Народная артистка СССР Байрат Мурадова сказала мне: «За многие годы, что играю на сцене, если я испытала радость, сегодня у меня – вторая». Она играла в твоей пьесе роль Быбы. Но дело даже не в этом, пьеса всем очень понравилась. Твори дальше, никого не слушай».

И он творил, работал много, самозабвенно. Публика восторженно встретила вторую пьесу драматурга «Два соседа». Она была эмоциональна, правдива. Зритель увидел на сцене две семьи, живущие по соседству, с разным отношением к жизни. В одном из селений Урванского района во время спектакля вскочил мужчина лет пятидесяти и крикнул актерам: «Ложь! Что вы там показываете?!» Оказалось, он был кладовщиком колхоза. Сидевший со мной по соседству зритель шепнул мне: «Не слушайте его. Таких, как Хапот, развелось много, бездельников, дебоширов, хулиганов. Спасибо автору, в точку попал».

Впоследствии появились новые пьесы, которые с успехом шли на сцене Кабардинского театра и сельских домов культуры: «Буря», «Куйцук», «Знахарка», «Добрряк и скряга», «Миниатюры»... Непоставленными остались пьесы «Ненасытная супруга», «Суд идет», «Зятя министров» и другие.

Можно много говорить о произведениях писателя, о художественных достоинствах, стиле юмористических и сатирических рассказов. Но все это я оставляю на суд критиков и литературоведов.

Не могу точно вспомнить, кто из классиков русской литературы сказал, что писатель с черствым сердцем и грязной душой не может создать произведение, которое стало бы достоянием народа.

Все знакомые и друзья Хаути могут подтвердить – такой нежнейшей, чистой души человека трудно было найти. Писатель был очень высоким, его рост составлял два метра. Такими же большими были его душа, доброта и человечность».

**Валерий Балкизов, заслуженный артист РФ:**

«Об этом человеке у меня остались самые теплые воспоминания. Хаути Дударов имел щедрую душу, излучал светлую энергетику. Но особенно он запомнился мне тем, что беспредельно любил театр и актеров. К нам он относился всегда по-отечески.

Его произведения одинаково интересны и для постановок, и для художественного чтения. Им присущ ярко выраженный адыгский колорит.

Юмор писателя не злой, а добрый. Его внутренняя и внешняя красота всегда находили отражение в его творениях. Помню, с каким удовольствием я играл в его «Миниатюрах». Это была одна из моих первых работ в театре имени Али Шогенцукова. Она оставила глубокий след в моей душе».

\* \* \*

**Хаути ДУДАРОВ**

*Юмористические сценки*

**КАК ПОБРИЛИ ДЕДУШКУ**

Действующие лица:

Д е д у ш к а с окладистой бородой и большими густыми усами.

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р.

Б о л а т, парень.

*Действие происходит в парикмахерской. Б о л а т сидит в кресле и смотрит на себя в зеркало. На нем синий пеньюар, он ждет Д е в у ш к у - п а р и к м а х е р а. Открывается дверь, входит Д е д у ш к а, опираясь на трость.*

Д е д у ш к а (*озираясь по сторонам*). Салам алейкум!

Б о л а т (*услышав приветствие, оглядывается*). Алейкум салам! (*Проявляет уважение к дедушке, встает и здоровается с ним за руку.*) Добро пожаловать, дедушка.

Д е д у ш к а. Спасибо, дорогой.

Б о л а т (*снимая с себя пеньюар и кладя его на кресло*). Не ожидал вас здесь увидеть, дедушка. Вроде бы не в ваших правилах ходить в парикмахерскую.

Д е д у ш к а. Главное, сделать это в первый раз, тогда и стану завсегдаем.

*Во время их разговора входит Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р, держа в руках бритву.*

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р (*с удивлением смотрит на Дедушку*). Добро пожаловать, дедушка.

Д е д у ш к а (*с улыбкой*). Спасибо, дорогая.

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р (*обращаясь к Болату*). Болат, ты что... уже встал? Ведь я ещё тебя не обслужила.

Б о л а т (*мягко взяв за локоть Дедушку, подчеркнуто уважительно произносит*). Сначала обслужи дедушку.

Д е д у ш к а (*протестующе машет рукой*). Нет-нет, я не согласен. Сначала пусть с тобой разберётся.

Болат. Я хоть и пришёл раньше, но вы старше меня. Вы же не забыли про намыс<sup>1</sup>?

Дедушка. Нет, конечно. Как такое возможно!

Болат (*подводя Дедушку к креслу*). Садитесь, дедушка.

Девушка - парикмахер (*поддакивает*). Садитесь, пожалуйста.

Болат. К тому же вы – друг моего отца.

Дедушка (*кряхтит, усаживаясь в кресло*). Ладно, уговорили.

*Болат идёт к журнальному столику, садится, берёт журнал и начинает читать.*

Девушка - парикмахер (*прилаживая к шее пеньюар*). Слушаю вас, дедушка.

Дедушка (*поворачивая голову в её сторону*). Дочка, сбрей мне пожалуйста, бороду и усы, сделай меня на пятьдесят лет моложе.

Девушка - парикмахер (*взяв в руки бритву и готовясь к бритью*). Думаете, так будет лучше?

Дедушка. А кому это не понравится?

Девушка - парикмахер (*начинает брить*). Хорошо. Как скажете.

Болат (*продолжая разглядывать журнал*). Сколько лет тогда вам будет, дедушка?

Дедушка. Мне сейчас семьдесят пять лет. Вычти пятьдесят. Сколько останется?

Болат. Двадцать пять!

Дедушка (*расплываясь в улыбке*). Вот именно. Как сейчас помню, в этом возрасте я взял в жёны красивую девушку. А сейчас... моя любимая старушка ждёт меня домой.

Девушка - парикмахер (*оторвавшись от бритвы, с удивлением*). Так получается, вы уже пятьдесят лет женаты.

Дедушка (*погружён в воспоминания*). Да, именно сегодня пятьдесят лет, как мы поженились. Вот что меня и привело к тебе.

Девушка - парикмахер (*продолжая брить*). Поздравляю вас, дедушка.

Дедушка. Спасибо, миленькая.

Болат. Чтобы вы с женой в полном здравии ещё столько же прожили.

Дедушка (*вздыхает*). Может, мы столько и не проживём. Пусть столько проживёте вы, молодые и красивые.

Болат. Не волнуйся, дедушка. Ещё...

Дедушка (*перебивает Болат*). Что заведёшь за правило, то и будет в порядке вещей. Дети и внуки покою не дадут.

Болат. А в чём дело?

Дедушка. Раз вы пятьдесят лет живёте с бабушкой, говорят они, то мы хотим вам золотую свадьбу справить.

Болат. Так это замечательно, дедушка!

Девушка - парикмахер. Какая большая радость!

Дедушка (*продолжает*). Не знаю, с чего бы вдруг? У нас, кабардинцев, нет такого обычая. Но, похоже, теперь появится. Главное, подать пример.

---

<sup>1</sup> Намыс – комплекс этических требований, включавший в себя честь, добропорядочность, правдивость, умение вести себя в обществе, уважение к старшим и т. д.

Б о л а т. Думаю, дедушка, тому причиной дружба народов, живущих в нашем крае. Вот мы и обмениваемся обычаями. Это же хорошо.

Д е д у ш к а. Пожалуй, ты прав.

*Небольшая пауза. Болат читает, Девушка - парикмахер бреет бороду. Дедушка понемногу начинает дремать и, наконец, засыпает. Иногда во сне всхрипывает, постанывает. Девушка - парикмахер часто отвлекается на пустые разговоры по телефону, неоднократно ранит клиенту лицо, вскрикивает: «Ой, пять!», каждый раз мажет ранки йодом, потом крест-накрест заклеивает их пластырем. Через некоторое время она заканчивает бритьё.*

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р (снимая пеньюар. Говорит с невозмутимым видом, слегка повысив голос). Всё готово, дедушка.

*Прыскает на дедушку одеколоном из пульверизатора.*

Д е д у ш к а (сонно, с закрытыми глазами). А? Что? Чем ты на меня прыскаешь?

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р. Одеколоном.

Д е д у ш к а. А почему он так сильно жжёт? (Резко открывает глаза и в ужасе смотрит на себя в зеркало.) Что ты со мной, стариком, сделала? Общипала, как курицу!

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р (виновато потупив глаза, говорит, растягивая слова). Прости-и-и-те меня-я-я-я, пожа-а-а-луйста, дедушка.

Б о л а т бросает журнал на столик, вскакивает с места и быстро подходит к креслу. Испытывая сильное волнение, разглядывает лицо дедушки.

Б о л а т (сокрушается). Как нехорошо получилось.

Д е д у ш к а (нервноичает). Как я в таком виде предстану перед своей старушкой?!

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р. Подумаешь. Ничего страшного не случилось.

Д е д у ш к а (продолжает). А что я гостям, которые сегодня придут, скажу?

Б о л а т. И надо же случиться... В такой важный день!

Д е д у ш к а. Вот почему больше всего и обидно.

Б о л а т (вздыхая). Что теперь... Ничего не поделаешь. Нет худа без добра. Не принимайте близко к сердцу.

Д е д у ш к а (бросая осуждающий взгляд на Девушку - парикмахера). И сколько же я должен за это... (Показывает рукой на лицо.)

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р. Десять рублей!

Д е д у ш к а (доставая деньги). Возьми. (Достаёт еще деньги и протягивает.) Ещё столько же держи... Это магарыч.

Д е в у ш к а - п а р и к м а х е р (недоумевая). Зачем, дедушка, вы мне ещё даёте?

Д е д у ш к а (с хитринкой в глазах и поднимая указательный палец). Ты, милая, большего достойна. Пока не могу предложить. Пойду домой, обрадую

старушку. Попрошу её, чтобы она тебе ещё и хороший отрез на платье принесла.

*Девушка - парикмахер.* Ей-богу, что-то не пойму я вас, бабушка.

*Бабушка (поднимаясь с кресла и беря трость).* Всё, что могла хорошего для меня сделать, ты сделала.

*Парень и Девушка - парикмахер стоят неподвижно и смотрят вслед Бабушке, направляющемуся к входной двери.*

*Пауза.*

*Прежде чем выйти, Бабушка, стоя на пороге, оборачивается.*

*Бабушка (вздыхнув).* Спасибо, что не зарезала. *(Выходит.)*

## ПРОДАЙ ЕЩЁ РАЗ!

Действующие лица:

*Мартин.*

*Марят, жена Мартина.*

*Фатима, соседка.*

*Действие происходит в доме супругов Мартина и Марят.*

*Мартин один в зале, сидит в кресле, смотрит телевизор. На коленях Мартина лежит, вытянувшись, маленькая собачка, которую он гладит. Собачка тоже смотрит телевизор.*

*Мартин (ласково).* Барсик!.. Славный Барсик!.. Черноглазенький мой!..

*Марят (входит с тяжёлой сумкой, нагруженной продуктами, пыхтит. Возмущённо).* Ну и жизнь у него! *(Ставит сумку, затыкает нос.)* Фу, что за жуткий запах. *(Ворчит.)* Только и знает, как с этой собачонкой возиться. Как будто больше дел нет!

*Мартин (продолжая гладить. Спокойно).* Не выдумывай. Никакого запаха от неё нет. Купаю каждую неделю.

*Марят (опускает глаза, пристально разглядывает пол, тычет пальцем).* Посмотри, что она опять наделала!

*Мартин.* Что?

*Марят.* Трудно догадаться?!

*Мартин.* Пожалуйста, Марят, не кричи.

*Марят.* Клянусь Аллахом, пусть хоть всю жизнь лежит – не дотронусь. Хочешь, сам убирай. Твоя собака.

*Мартин (возмущённо).* Почему это моя? Не ты ли говорила: «Купи мне точно такую же собачку, какую купили соседи»? И заставила меня купить.

*Марят (надув губы).* Если и говорила, то теперь не говорю. Убери то, что лежит на полу, пока мы не задохнулись.

*Мартин (достаёт бумагу, убирает).* Хорошо, хорошо. Уберу, только не кричи.

М а р я т (с лукавой улыбкой, ласково). Мартин.

М а р т и н. Что, Марят?

М а р я т. Или я, или она. Ни дня не останусь в доме, если не унесёшь её.

М а р т и н. И куда я должен деть бедняжку?

М а р я т (с раздражением). Куда хочешь, туда и девай. Кстати, семья Хамида давно хочет купить у нас Барсика. Вот им и отнеси.

М а р т и н (вздыхая). Давай не будем...

М а р я т (делает вид, что собирается уйти). Ах, так! Тогда оставайся с Барсиком вдвоём, а я с тобой развожусь. (Рыдает.)

М а р т и н. Хорошо, Марят, хорошо! Только не плачь. Сделаю, как ты хочешь. Отнесу Барсика Хамиду и продам. (Уносит собачку.)

Ф а т и м а (входя). Марят, что ты такая печальная? Что случилось?

М а р я т (утирая носовым платком слёзы, всхлипывая). Сейчас у нас с Мартином чуть до развода не дошло.

Ф а т и м а (всплеснув руками). Что ты говоришь?! А в чём причина?

М а р я т. Собачка ... Нет от неё житья. Вот и не ладим.

Ф а т и м а (умиляясь). У нас такая же, и мы довольны. Она же – как маленький ребёнок. И такая спокойная...

М а р я т. Может, оно и так. Только от её запаха хоть из дома беги.

Ф а т и м а (зовёт собачку). Барсик!.. Барсик!.. (Озирается по сторонам.)  
Марят, а где Барсик?

М а р я т. Только по этой причине я здесь, что его нет.

Ф а т и м а. Ну и куда же вы его дели?

М а р я т. Мартин понёс продавать Хамиду.

*М а р т и н входит, держа купленные в киоске свежие газеты и журналы. Из-за пазухи достаёт деньги и отдаёт М а р я т.*

М а р т и н. Держи. Продал я Барсика, купишь себе отрез на платье.

Ф а т и м а (возмущённо). И как только вы на это решились? Я свою собачку ни за что на свете не продам.

М а р т и н. А что мне делать? Тогда я остался бы один в пустом доме, сидел бы, надувшись, как сыч.

Ф а т и м а (спохватившись). Ой, надо же, забыла, зачем пришла. (Суетится.) Марят, выручи, дай, пожалуйста, немного муки. Стала готовить шипс<sup>2</sup>, а мука, оказывается, закончилась.

М а р я т. У нас тоже мука закончилась. Хотела сейчас купить, да сумка и так уже слишком тяжёлая стала.

Ф а т и м а (встает и уходит, бормоча). А мы свою муку вчера закончили... Ну, ладно.

*Мартин садится на диван, кладёт газеты и журналы на журнальный столик.*

М а р т и н (протягивает одну газету Марят). На, скандалистка, читай, развейся немного. (Переворачивает страницы другой газеты, что-то ищет.)  
Наконец-то! Марят, смотри, в этом номере есть таблица «Спортлото».

---

<sup>2</sup> Шипс – название белого соуса у адыгов.



М а р я т (*с интересом*). Правда? Хотя бы один из наших трёх билетиков оказался счастливым.

М а р т и н *вскакивает, достаёт из «стенки» лотерейные билеты, опять садится на диван, кладёт газету на стоящий перед ним журнальный столик, начинает сверять с тиражной таблицей.*

М а р я т (*садится рядом, тоже смотрит в газету. С нетерпением*). Ну, давай же, Мартин, смотри быстрее.

М а р т и н (*сверяет номера лотерейных билетов с таблицей*). Так... Билет, на котором я написал твоё имя, ничего не выиграл... (*Откладывает в сторону*.) На этом я написал своё имя, тоже ничего не выиграл... (*Опять откладывает в сторону*.) Теперь билет нашей горемычной собачки... Этот тоже... А ну-ка, погоди... (*Кричит*.) Марят!.. Марят!.. Барсик выиграл крупную сумму! (*Показывает Марят таблицу и билет, чтобы она убедилась. Начинает выплясывать исламей<sup>3</sup>, напевать мелодию.*) Три тысячи!.. Три тысячи!..

*Посмотрев на газету, М а р я т озирается по сторонам, словно ищет собачку. Вдруг ни с того, ни с сего плачет навзрыд.*

М а р я т. Барси-и-ик!.. Барси-и-ик!.. Иди быстрее!.. Беги быстрее!

*От неожиданности М а р т и н стал суетиться, затем метнулся в сторону входной двери, потом вернулся назад.*

М а р т и н (*в глазах недоумение*). Куда я должен идти?

М а р я т (*кричит*). Барси-и-ик!.. Душа моя!.. (*Возвращает мужу деньги, вырученные от продажи собачки.*) Возьми эти деньги и выкупи нашу собачку, как можно быстрее.

М а р т и н (*бежит к входной двери*). Я мигом.

М а р я т (*вскакивает, бежит к двери, кричит вслед*). Мартин!.. Мартин!.. (*М а р т и н возвращается. М а р я т опять протягивает ему деньги. Деловым тоном.*) На, возьми столько же. Вдруг Хамид заломит цену. Смотри, без Барсика не возвращайся.

М а р т и н. Хорошо.

М а р я т (*разговаривает сама с собой*). Барси-и-ик... Барси-и-ик... Душа моя... Без тебя мне жизнь не в радость... Хороший мой, счастье нам принёс... Ты же такой симпатичный... (*Берёт газету, ещё раз сверяет с билетом. С довольным видом.*) Всё правильно... Твой билет выиграл три тысячи.

*Вдруг в глазах вспыхивает огонёк злой радости. М а р я т с газетой и билетом устремляется к входной двери.*

М а р я т (*тряся газетой и билетом*). Сейчас покажу соседям, своим недругам, пусть обзавидуются! Пусть колет им глаза!

*В дверях сталкивается с забегающей Ф а т и м ой, которая с трудом переводит дыхание. Она тоже держит газету и лотерейный билет.*

<sup>3</sup> *Исламей* – адыгский народный танец.

Ф а т и м а (*кричит*). Марят!  
М а р я т (*кричит*). Фатимаша!  
Ф а т и м а (*кричит*). Марят!  
М а р я т (*кричит*). Фатимаша!.. Держи меня! (*Падает на диван. Делает вид, как будто падает в обморок.*)  
Ф а т и м а (*кричит*). Марят! И меня держи!.. (*Тоже падает на диван, словно падает в обморок.*)  
М а р я т (*обнимая Ф а т и м у*). Наша собачка три тысячи выиграла!  
Ф а т и м а (*тоже обнимает М а р я т*). А наша пять выиграла.

*Вскакивают с дивана. Марят поднимает Ф а т и м у, кружит её.*

М а р я т. Ур-р-ра!..  
Ф а т и м а (*в свою очередь, поднимает М а р я т и кружит её*).  
М а р я т (*ставит Ф а т и м у на пол. Опомнившись*). Погоди, погоди...  
Сколько, ты говоришь, выиграла ваша собачка?  
Ф а т и м а (*показывает М а р я т газету и лотерейный билет*). Вот смотри. Пять тысяч.  
М а р я т (*впившись глазами, смотрит*). Пять тысяч, говоришь?..

П а у з а

*М а р т и н залетает с Барсиком подмышкой.*

М а р т и н. Вот Марят. Я принёс его назад.  
М а р я т (*кричит*). Унеси туда, откуда принёс! Чтобы глаза мои его больше не видели. Такую маленькую сумму выиграл, зловедный! Продай ещё раз!

*Литературный перевод  
с кабардинского языка  
Милены Муратовой*



**Амур БАКИЕВ**

Бакиев Амур Шодиевич. Родился 20 сентября 1961 года в пос. Янтак (Таджикистан). Выпускник средней школы № 9 города Нальчика 1978 года. В 1983 году с отличием окончил историко-филологический факультет КБГУ. В 1998 году защитил диссертацию на тему «Адыгская цивилизация». Кандидат исторических наук. Автор исторического романа «Легионы идут за Дунай» (изд. 1991, 1995, 1997 гг.), пьесы «Глаза наших друзей» (изд. 2009 г.), юмористических, лирических рассказов. В настоящее время работает генеральным директором ООО «Управляющая компания «Порядок».

**ЖЕЛЕЗНАЯ СТАВКА САТАНЕЙ****Часть 1****У истоков иных времен**

«И полюбил пастух прекрасную  
Сатаней – белую телом Мазитху».

*Кабардинский фольклор*

«Прискакал альп к дому матери Сосрена-Бороды, отдал хозяйке тело сына и вместе сорлук, полный вражьей крови. Мать взяла тот сорлук, выпила всю кровь».

*Кабардинский фольклор*

**1**

– Большой, совсем большой уже мальчик! И усы и бородка славные. И мясо, наверное, вкусное. Вороны не нахвалятся!

Чарующий грудной голос отчетливо и громко прозвучал над тропой. Передовой нарт закрылся шитом и выставил длинное двурогое копьё. Соратники, гуськом шедшие за ним, с хрустом натянули луки и устались в заросли по левую сторону тропы.

– Вы гогуажевские или гылахстеновские? <sup>1</sup> А, горемыки? – снова прозвучал тот же насмешливый женский голос.

– На том берегу! Справа! – рявкнул на своих командир нартского отряда.

Бронзовые, самшитовые и кожаные шишаки разом повернулись в указанном направлении.

– Белая Мезитха...<sup>2</sup> – зачарованно, с суеверным ужасом прошептал молодой нарт с двумя дротиками. По одному в каждой руке.

<sup>1</sup> *Гогуажи Гылахстен (Джилахстан)* – персонажи нартского эпоса. Главы родов или объединений мужских союзов нартов.

<sup>2</sup> *Белая Мезитха* – богиня лесов в архаических, восходящих к матриархату текстах нартского эпоса. По преданиям, появлялась нартам в виде полуобнаженной женщины неописуемой красоты верхом на золотошетиной свинье. Эпитет Сатаней.

На правом берегу потока, между замшелых стволов самшита на огромной, невероятных размеров свинье сидела полуобнаженная белотелая красавица. Мягкая оленья шкура, застегнутая на правом плече массивной золотой фибулой<sup>3</sup>, прикрывала ее спину и левый бок. Щетина свиньи, осыпанная золотым порошком, переливалась на солнце. Зрелище завораживало. Наступила неправдоподобная звонкая тишина. Мужчины на тропе замерли, сжимая в мгновенно вспотевших ладонях оружие.

Женщина на свинье сжала пятки, и животное подошло к самому краю обрыва. Теперь она была видна во всей притягательности ее наготы. Но воинам на противоположном берегу было не до страсти. Свинья и ее хозяйка внушали им ужас.

Предводитель отряда, стоявший в середине колонны, бросил беглый взгляд назад. Последние нарты, перепрыгивая с камня на камень, подошли к остальным и тоже остановились. Сорок шесть рослых статных мужчин и юношей, по горло налитых бьющей через край жизнью. Мускулы на плечах и ногах бугрились от расправившей их чудовищной физической силы. Той страшной мужской силы, что дается человеку от рождения и вскармливается грудным материнским молоком в течение пяти или даже семи лет. И которую не заменишь потом никакими физическими упражнениями и нагрузками. Они были порождением этих поросших тысячелетними тисами гор. Кровь и кость своего народа. Его гордость. Его слава.

А та, наверху, склонив голову к правому плечу, продолжала рассматривать вооруженных до зубов мужчин. Ее черные блестящие густые волосы, заплетенные в две длинные косы, змеились по груди, прикрывая наготу и разительным контрастом цвета подчеркивая алебастровую белизну кожи. И только глаза... Нет, нет. Эти блестящие глаза цвета спелой терновой ягоды с белками снежного отлива были так же прекрасны. Полны задора и огня. Но этот огонь не сулил ничего доброго. Они сверкали, как пламя набирающего силу лесного пожара.

– Что вы забыли в священном лесу Тхашага?!<sup>4</sup> Как вы посмели войти в мои владения, жалкие щенята?! Или у тебя две жизни, Жинду-Жаке?!<sup>5</sup>

Старший среди нартов – богатырь с густой бородой и пышными бакенбардами – насупился. Бронзовые бляхи его панциря, наклепанные на куртку из воловьей шкуры, тускло блеснули. Не отвечая на заданный вопрос, он громко бросил своим воинам:

– Чего испугались?! Или вы не узнали суку-Сатаней<sup>6</sup>?!

Колонна пришла в движение. Шишаки и щиты заволновались. Послышались голоса:

---

<sup>3</sup> *Фибула* – металлическая застежка для одежды в виде булавки, заколки с щитком, обычно богато украшенным. Бронзовые фибулы-булавки – постоянные атрибуты северокавказских могильников эпохи бронзы.

<sup>4</sup> *Лес Тхашага* – по нартским преданиям священный лес – место пребывания богини леса Белой Мезитхи, где ей приносились жертвы.

<sup>5</sup> *Жинду-Жаке* – мужское имя (букв. «с бородой как у совы» (нартск.)) – изредка упоминающийся «старший» нарт из ранних, не сохранившихся сказаний нартского эпоса, один из мужей Сатаней.

<sup>6</sup> *Сатаней* – (нартск. «лютик» – название цветка). Главный женский персонаж нартского эпоса. Другой ее эпитет «мать нартов». Состояла в полиандрическом браке со многими нартами. Как богиня и верховная жрица культа приносила в жертву (бросала в огонь) всех своих рожденных младенцев-мальчиков, оставляя в живых только девочек.

---

– Она Сатаней, когда она в платье и на своем подворье. Но сейчас она Белая Мезитха. Не навлеки на нас беды, Жинду-Жаке!

– Он уже навлек на вас беду, – как эхо отозвалась Белая Мезитха на золотошетиной свинье. – И пощады вам не будет! Я съем ваше мясо и выпью вашу кровь! А кожа с ваших голов пойдет на коврики для входных дверей! – и, не дожидаясь ответа, она испустила громкий залиvistый визг, переходящий в завывание. Усиленный горным эхом, он заставил нартов на тропе содрогнуться.

– Бейте их! Бейте!! Бейте!!! – кричала жутким голосом, в котором уже не было ничего человеческого, злобная женщина с искаженным от ярости лицом. И так же истошно визжа, ее золотошетиная свинья попятилась назад и, метнувшись вбок, скрылась в зарослях столетних самшитов.

И тогда... С высоты, по левую сторону тропы, полетели огромные камни. Глыба, размером с хорошего быка, ударила по замыкающим воинам. Пять или шесть человек, изувеченные, покатались вниз, в пенящийся горный поток. Опытные вояки, не раз принимавшие участие в боях в горах нарты бросились под защиту обрыва. В ответ на середину колонны покатались вывернутые деревянными рычагами каштановые бревна.

Жинду-Жаке, прошедший десятки схваток, не потерял головы:

– Прижмитесь к откосу! Встаньте рядом и поднимите щиты! Упритесь ногами!

Первое бревно, крутясь и подпрыгивая, прогремело по окованным медными полосами щитам из самшитовых досок и полетело дальше в поток. Второе, стукаясь о камни, подлетело вверх и стоймя ударило в щит одного из нартов, поразив его насмерть. Третье также взлетело над самым краем обрыва и во всю длину обрушилось на стоявших внизу людей. Стоны и проклятья изломанных и израненных воителей заполнили лес и ущелье.

Наверху, среди буков и зарослей густого орешника замелькали бронзовые бляшки доспехов. Чужие нарты с густыми висячими усами и косичками на макушках<sup>7</sup>, натянули тугие луки и обрушили на уцелевших воинов Жинду-Жаке дождь стрел. Снова на тропу и с тропы вниз упали и покатались убитые и раненые. Оставшиеся в живых воины из отряда Жинду-Жаке сплотились вокруг своего предводителя в самом широком месте горного подъема. Не больше двадцати человек. Имевшие щиты прикрыли товарищей. Другие, достав из колчанов стрелы, начали отстреливаться.

В том месте, куда скрылась Белая Мезитха, появились новые воины. Эти были в высоких шлемах из кожи и доспехах из самшита. Деревянные пластинчатые панцири и налокотники прикрывали их руки и тела. Круглые щиты из плотно пригнанных досок висели за спинами. Прячась за стволы деревьев, они тоже потянули из колчанов стрелы и прицельно, на выбор, начали поражать нартов на тропе.

Прикрывая своих уцелевших лучников большим медным щитом, Жинду-Жаке лихорадочно соображал, как вырваться с остатком отряда из западни. Стрелы, оставляя вмятины, отлетали от его прочного щита, не причиняя ему вреда.

---

<sup>7</sup> Косички на темени у нартов назывались «акя» (нартск.). Они символизировали зрелость воина-нарта и его готовность победить или умереть в бою. В случае победы над врагом победитель, взявшись за «акя», или снимал с убитого скальп, или отрубал голову побежденного, как трофеем.

– Выйди вперед насколько можешь, Жинду-Жаке! Мало места. Мы не можем натянуть луки в полную силу! – просили предводителя стрелки.

– Сколько у вас осталось стрел? – прохрипел в ответ командир.

– По три-пять у каждого, Маруко<sup>8</sup> не может стрелять, у него разбита рука.

– Мы долго не продержимся! Ах, сучки, что делают! – выругался Жинду-Жаке. – Ну, Сатаней-шлюха, я с тобой еще посчитаюсь!

Сказанное относилось к врагам, обстреливавшим его нартов справа через реку, со стороны укрытия Белой Мезитхи. Часть стройных изящных воинов забросили свои луки за спину и, достав из поясных сумок отполированные зеркала, начали слепить зажатых на тропе нартов.

Лучники Жинду-Жаке со слезящимися глазами вообще прекратили стрельбу. Солнечные зайчики скользили по щелям, между краями щитов и козырьками шлемов, не давая нартам на тропе видеть, что делают их противники.

Тем временем воины Белой Мезитхи, в своих легких доспехах, прыгая, начали спускаться ближе к растерявшимся врагам на том берегу потока. Теперь было видно, что это женщины. С красивыми, но злыми и сосредоточенными лицами. За поясами у многих были заткнуты бронзовые топоры.

Справа сверху также послышался треск сучьев, и посыпались камешки. Метнув широколезвийные дротики в скучившихся, зажатых на тропе врагов, нарты с косичками на макушках устремились на воинов Жинду-Жаке. Близилась развязка боя.

– Слушай меня! – скомандовал Жинду-Жаке своим соратникам. – Кто не хочет, чтобы кожа с его башки пошла потаскухам на ножные коврики, стреляйте в мужиков-служанок Сатаней! Бросайте все тяжелое и прыгайте в реку! На подходе Гогуаж и Пануко<sup>9</sup>! Они нам помогут! Маруко, держись за меня!

Вслед за этим предводитель отбросил свой тяжелый щит, вытащил из-за пояса боевой топор, изо всей силы метнул его в несущихся сверху усатых вояк Сатаней и, схватив за пояс раненого Маруко, прыгнул с ним в пенящийся горный поток.

– Маржэ-э-э-э!<sup>10</sup> – заорали нарты на тропе и так же, швырнув, почти в упор, копыя во врагов, бросились в реку.

– Маржэ-э-э! – растерянно отозвались достигшие тропы нарты с косами на макушках.

– Даханэ!<sup>11</sup> – кричала сверху своим воинам Белая Мезитха. Ее золотощетинная свинья с возмущенным недоумением таранилась вниз. Маленькие злобные глазки подслеповато выискивали уплывавших нартов. – Не дайте им уйти! Стреляйте по всем, кто в реке!

– Имыс!<sup>12</sup> – приказывала она уже командиру усатых. – Все к реке! Добивайте их, когда они начнут выползать на берег! Вперед!

Самшитовые воительницы и бойцы Имыса рванулись вниз, вдоль берега реки. Было видно, как струи крутили и переворачивали стремительно уносящихся по течению нартов Жинду-Жаке. Двоих раненых ослабевших пловцов сильно ударило головой о камни, и они, окрасив кровью пену на перекатах,

<sup>8</sup> *Маруко* – персонаж нартского эпоса.

<sup>9</sup> *Пануко* – персонаж нартского эпоса.

<sup>10</sup> *Маржэ* – (нартск.) – боевой клич.

<sup>11</sup> *Даханэ* – «красивые глаза» (нартск.) – женское имя.

<sup>12</sup> *Имыс* – персонаж нартского эпоса, один из мужей Сатаней.

стукаясь друг о друга, то погружаясь, то всплывая, безжизненные неслись вслед за остальными.

Жинду-Жаке не терял силы духа в любых обстоятельствах. Держа за пояс раненого Маруко, предводитель нартов в своем тяжелом бронзовом панцире, загребая правой свободной рукой, направлял себя и товарища в самую стремнину потока. Вода, несущаяся с огромной силой и скоростью, просто не давала им обоим утонуть. Остальные по примеру начальника тоже выгребали на спасительную середину.

– Сибильши<sup>13</sup>! – кричал Жинду-Жаке. – За белой скалой, возле упавшего граба, цепляйтесь за ветви и вылезайте на берег, все кто сможет! Запасайтесь камнями! Будем отбиваться от «змеев» Тлепша<sup>14</sup>! Кричите «маржэ» громче! Отряд Гогуажа должен быть уже там!

– Вылезаем у поваленного дерева! Будем лупить нартов Сатаней! – захлебываясь и отплевываясь, еще громче, чем командир, орал плывущим сзади товарищам Сибильши. Его бронзовый шлем пошел на дно, и толстая косичка на макушке обритой головы мокро лоснилась на солнце, как спасительный боевой значок, который указывает воинам направление движения или место сбора.

Река сделала поворот. Показался длинный перекал из крупной известняковой гальки. Огромный лежащий граб естественным мостом перекрывал в этом месте течение. Вода бурлила, перехлестывая через ствол толщиной в два обхвата, с почти догола ободранной корой. Даже с вывернутыми корнями он был великолепен. Как неукротимый воин Земли, стоявший против стихии Воды и Ветра до конца. Сраженный, но непобежденный.

Хватаясь снизу за ветви, помогая один другому, бойцы Жинду-Жаке выбирались на левый берег потока. Один, два, три... шесть, семь... одиннадцать, двенадцать... пятнадцать. Все. Обессилевшего Маруко положили на камни у самой воды. Командир не терял ни мгновения.

– Сибильши! Бери пять человек и – наверх! Швыряйте в нартов Сатаней всем тяжелым, что найдете! Остальные – со мной! Запасайтесь камнями! Живо!

Откуда только брались силы? Избитые о скалы, исхлестанные бешеными волнами воины, цепляясь за траву и кустарники, в мгновение ока взобрались по обрыву и исчезли в зарослях.

Оставшиеся, подавая товарищам из русла реки увесистые булыжники, так же быстро сложили несколько куч камней для метания. Двое подобрали в реке намокшие тяжелые жерди. Несколько ударов бронзовыми топорами, и они превратились в наскоро заточенные примитивные копья. Псабыда<sup>15</sup>, молодой, но уже заматеревший в набегах и походах кряжистый нарт выворотил там же здоровенный сук и, держа его как дубину, встал на тропе.

– Все, кто в панцирях, – в первый ряд! Помните, что вас ждет, если они победят! – сурово сказал Жинду-Жаке и встал рядом с Псабыдой. К ним примкнули двое бойцов с самодельными копьями. Оставшиеся выстроились за ними,

<sup>13</sup> *Сибильши* – изредка упоминающийся «старший» нарт из ранних, не сохранившихся сказаний нартского эпоса.

<sup>14</sup> *Тлепш* – первоначально искусный литейщик, кузнец и врач, один из мужей Сатаней. Впоследствии нартский бог, покровитель кузнечного ремесла и врачевания. «Старичок-змея» – один из эпитетов Тлепша.

<sup>15</sup> *Псабыда* – (дословно «крепкая душа», «живучий» – нартск.) – персонаж нартского эпоса.

держа по камню в каждой руке. Трое с камнями в руках и мечами на поясе за-таились за корневищем рухнувшего исполина, в качестве резерва.

– Фью... Быг! Быг! – свистя, прилетели и воткнулись в раскоряченные корни первые стрелы. Стреляли с другого берега подоспевшие к перекату лучницы. Нарты Жинду-Жаке не обращали на них внимания. Их взоры были прикованы к скальному выступу на повороте тропы.

– Имыс! Они на тропе! Не приближайтесь, метайте в них копья! – советовали своим нартам, подойдя к самой воде, женщины в самшитовых доспехах. Две из них, рослые и широкоплечие, с щитами за спиной и мечами на поясе, цепляясь за оголенные ветви, полезли на ствол. Несколько их боевых подруг, держа наставленные стрелы на луках, начали спускаться ниже дерева, заходя стоявшим на тропе в тыл.

Увесистые камни с шуршаньем рассекли воздух. Нарты Жинду-Жаке за-севшие за корневищем, не промахнулись. Первый булыжник ударил в плечо одной из советчиц с такой силой, что она, выронив лук, отлетела на два шага от воды и упала без сознания. Второй камень жажнул по шлему подбиравшейся по стволу передовой воительницы. Войлочный подшлемник и ременная люлька внутри шлема спасли ее от пролома черепа. Ноги охотницы подкосились, и она, с шумом подняв фонтан брызг, рухнула в воду. Не медля ни мгновенья, вторая, кравшаяся за ней следом, прыгнула в поток спасать тонущую приятельницу.

В ответ раздался свирепый вой вперемешку с бранью. Градом застучали стрелы. Сраженный в висок, присел, чтобы уже никогда не подняться, один из тех нартов, что бросали камни. Еще двое, во второй шеренге, позади Жинду-Жаке были ранены. Стиснув зубы, они обломили торчавшие стрелы и остались в строю, отбрасываясь камнями от лучниц по ту сторону потока.

– Не будем ждать дротиков от Имыса! Нападем на «змеев» сами! – жутким шепотом отчеканил Жинду-Жаке и бросился вперед, к скальному выступу на повороте тропы. Восемь его бойцов, все как один, рванулись за ним.

Впереди раздался грохот каменного обвала. В бой вступили вояки Сибильши сверху. Спасаясь от гибели, нарты Имыса выбежали навстречу атакующим. Булыжники нартов Жинду-Жаке полетели в ошарашенных врагов. Напор был столь стремителен, что бойцы Белой Мезитхи не успели метнуть копьа. Сам Имыс, с рассеченным камнем лбом, упал под ноги своим воинам. На тропе началась свирепая мужская драка. Палица Псабыды, бронзовые топоры, мечи завертелись в яростной схватке. Не было никаких боевых кличей. Только звон бронзы, гулкое буханье щитовой меди, хриплое дыхание и шмякающие звуки ударов по живому.

За скалой тоже шел бой. Сибильши и его нарты накиннулись на уцелевших под обвалом «змеев» Сатаней.

Вооруженные женщины с противоположного берега смотрели на происходящее с невыразимым удовольствием. Глаза их блестели, лица покраснелись. Их поощрительные крики и восторженные вопли, казалось, заполнили небо и землю. Бейте! Рубите друг друга отточенной бронзой топоров и мечей! Дерутся нарты. Мужчины. Самцы.

Кто бы ни победил там, на тропе, победили они – воительницы Сатаней! Победили женщины! Победила Белая Мезитха!



– Похоже, Жинду-Жаке и Сибильши приходится туго. – Квадратный, почти такой же в ширину, как и в высоту, Тлебыца-жей<sup>16</sup>, высвободив ухо из-под сдвинутого набок шлема, вслушивался в близкие звуки камнепада и поощрительные крики.

– Похоже, – невозмутимо согласился стоявший впереди высокий, но нескладный нарт в великолепном бронзовом доспехе. Чешуйчатый панцирь, высокий шлем с перьями фазана на навершии, бронзовые поножи на ногах и налокотники на руках делали этого воителя почти неуязвимым для вражеского оружия.

– Чего ты ждешь, Гогуаж? – Тлебыца-коротышка низко нахлобучил свой шлем и обернулся. На лицах стоявших за ним воинов было написано осуждение.

Два отряда почти в сто прекрасно вооруженных латников, стоявшие раздельно друг от друга, напряженно ловили каждый звук из происходящего впереди вверху.

– Я не верю, что Сатаней встретит Жинду-Жаке только вояками Тлепша и своими кан-девками. Подлая колдунья обязательно должна была позвать еще и головорезок Псыхогуаши<sup>17</sup>.

– Это, конечно, очень страшно, – с еле скрытой иронией отозвался Тлебыца-жей. – И не дай того Псатха<sup>18</sup>, если к ним присоединились самшитовые людоедки Хадагуаши<sup>19</sup> и Хыпагуаши<sup>20</sup>.

– А уж вот этих там нет наверняка, Тлебыца, – уверенно сказал Гогуаж. – Иначе я не сунулся бы в ее лес всего с полутора сотнями даже самых прославленных героев.

Сзади послышалось нарочитое покашливание. Загорелый нарт в потемневшем от времени медном панцире вопросительно смотрел на обоих предводителей. Гогуаж выдержал его взгляд и громко, чтобы слышали смотревшие на него и застывшие за ним колонны копьеносцев, ответил:

– Пануко должен на том берегу ударить раньше нас и отогнать от берега кан-девок Сатаней. Без этого они засыпят нас стрелами, когда мы будем подниматься по тропе.

– Чего же он столько возится? От нартов Жинду-Жаке не останется даже костей! А если бы на их месте были мы?! – раздалась злые нетерпеливые голоса.

– Это надо спросить у Пануко, – жестко отрезал Гогуаж.

Нарт в медном панцире приблизился к военачальникам и, не обращая ни к кому из них конкретно, тихо предложил:

– Я возьму тридцать человек и пойду по тому берегу.

– А Тлебыца возьмет двенадцать оставшихся и пойдет назад. А я возьму своих пятьдесят три нарта и устрою здесь танцы. Стой там, где стоишь, Жамада<sup>21</sup>! – Гогуаж не договорил. В перевитых колючими лианами густых

<sup>16</sup> *Тлебыца-жей* – «жей» – «коротышка» (нартск.). Полный дословный перевод имени – «богатый шерстью мужчина-коротышка». Персонаж нартского эпоса.

<sup>17</sup> *Псыхогуаши* – богиня вод речных в нартском пантеоне.

<sup>18</sup> *Псатха* – бог жизни в нартском пантеоне.

<sup>19</sup> *Хадагуаши* – богиня цветущих садов в нартском пантеоне.

<sup>20</sup> *Хыпагуаши* – богиня вод морских в нартском пантеоне.

<sup>21</sup> *Жамада* – персонаж нартского эпоса. Родственник Тлебыцы-жея.

зарослях орешника на правом берегу что-то сверкнуло. Кто-то сигнализировал нацищенным бронзовым щитом. Раз. Еще раз. Потом еще два раза.

Тлебыца-коротыш сделал шаг в сторону и, сойдя с тропы, громким голосом отдал приказ:

– Храбрецы Гогуажа, вперед! Выручайте Жинду-Жаке и Сибильши! Нарты Пануко поднялись на гору и готовы к атаке на пожирательниц мужчин! Маржэ!

– Маржэ-э-э! – многоголосо, но приглушено раздалось в ответ.

Гогуаж аж заскрипел зубами от злости. Хитрый коротышка подставил его дружину под первый удар.

Завякали бронзовые пластины панцирей. Густая щетина одинарных и двурогих копий мерно заколыхалась вперед по тропе. Дождавшись, пока последний боец из отряда Гогуажа пройдет мимо, Тлебыца торжественно принял из рук оруженосца большой выпуклый мэух<sup>22</sup> и взмахом руки подал своим воинам знак: «Вперед»!

Тропа опустела. Через некоторое время справа, на самом верху склона, из-за ствола полуторатысячетелного высоченного тиса показалась огромная фигура и, бесшумно переступая ногами, обутыми в чувяки из сырмятной кожи, спустилась вниз. В руке у гиганта была обожженная на концах самшитовая дубина. Спереди, на поясе висел бронзовый кинжал, размером с хороший нартский меч. Обликом гигант напоминал человека. И в то же время в нем не было ничего от нарта. Черты его лица были грубы, но выразительны и по своему привлекательны. Светло-карие глаза с зеленоватым отливом светилась настороженностью и затаенной злобой. Густые рыжеватые волосы и борода косматились. Кисти рук и предплечий, перевитые жилами, похожими на ветви двухсотлетнего платана, говорили о чудовищной силе его владельца. Великан подошел к самой воде и... словно что-то начало меняться вокруг. Медленно оглядевшись по сторонам, он извлек из-за пазухи деревянную чашку и, зачерпнув ею из реки, принялся пить. Он пил, и поначалу невнятно, а потом все явственней проступало то смутное, иное, принесенное им и связанное с ним.

Когда на тропе стояли нарты Гогуажа, там, в звонких переливах струй, пахло нагретым на солнце сланцем, выделанной кожей ноговиц, суконной тканью одежды. Пахло бронзой и мужеством. Коварством и трусостью. Бравадой и насмешками. Дружбой и подвигами. Верностью и предательством. Пахло новолуньями и вареным просом.

С приходом гиганта грохот реки будто стал сильнее. Казалось, воздух струился над ним, принимая призрачные очертания огромных домбеев<sup>23</sup> и гигантских львов. Возникло гнетущее ощущение жестокой бессмысленной силы. И на смену запаху грабов и орешника пришел запах могучих красных тисов и многовековых темных сосен. Серый запах мокрых меловых и известняковых глыб. Запах полнолуний и дымный коричневый угар целиком зажаренных на огне звериных туш. Чудились горьковатый привкус просверленного камня и кислая тяжесть расплющенной красной меди.

Это был запах другого Времени. Неповторимый аромат Начала Мира. Запах Былого. Запах Ушедшего. Запах Вчера. Внушающий животный ужас, но слабеющий, уходящий и... беззащитный.

---

<sup>22</sup> Мэух – щит (нартск.).

<sup>23</sup> Домбей, или домбай, (нартск.) – кавказский зубр.

Напившись, великан спрятал чашку и, в три прыжка перескочив по камням бурлящий горный поток, начал подниматься к тому месту, откуда отрядам Тлебыцы-жея и Гогуажа просигналили начищенным щитом.

Он еще не достиг вершины, как раздался отдаленный, отраженный эхом, перекатывающийся крик «маржэ-э-э!». И было непонятно, кто ударил по врагу раньше – отряд Пануко или колонна Гогуажа. Второй, еще более громкий крик «маржэ-э-э!» развеял сомнения: бойцы Гогуажа подоспели на помощь первыми. Крик сверху был дольше и громче, но не было слышно грохота сталкивающихся щитов и звона мечей. Это нарты Пануко кричали, чтобы отвлечь на себя лучниц Саганей. Гигант понимающе ухмыльнулся, энергичным движением ухватился за свисавшую толстенную лиану, взобрался по ней на самый гребень горы и исчез в зарослях. Немного погодя там с фырканьем взлетели два фазана и все стихло.

Чуть позже застрекотала сорока, отмечая путь движения загадочного одинокого следопыта. Потом усилившиеся звуки боя и еще один громовой клич «маржэ-э-э-э-э!» переполошили такое количество птиц, что обнаружить пробиравшегося по лесу великана было уже невозможно.

А он тщательно скрывал свое присутствие. Его длинная суконная рубаха бурого цвета, выкрашенная луковой шелухой и доходившая до колен, делала его незаметным в зарослях высоких кустарников и перевитых лианами деревьев. О, он хорошо знал, как надо пробираться среди растительности горного леса. Обутый в сыромятные чуваки, незнакомец почти бесшумно ступал по зеленому сплетению лиан и трав под ногами, каким-то неуловимым змеиным движением скользил между ветвями. Его высокий рост позволял ему видеть очень далеко.

Временами рослый охотник замирал, наклонял голову и вслушивался в звуки, доносившиеся отовсюду. Его ноздри трепетали, втягивая воздух, а дремучий, но постоянно менявшийся взгляд говорил о том, что он понимал значение сотен оттенков запахов, источаемых этой местностью. В одном месте он задержался и очень внимательно стал рассматривать землю под ногами. Потом взял значительно правее и, пройдя довольно большое расстояние, вышел к месту, где деревья и кусты начали редеть.

Спрятавшись за ствол раскидистого грецкого ореха, он отдышался. Осторожно прислонил самшитовую дубину к дереву рядом с собой. Задрал рубаху с правой стороны и завернул ее за тонкий кожаный ремешок. С левой стороны этого очень прочного ремешка были подвешены в трех мешочках: огниво, состоявшее из кремня и куска железного колчедана, точильный брусок и дорожный припас в виде смеси из хорошо прожаренной ячменной муки, меда и топленого свиного сала.

А справа... Справа, на пояском ремне штанов, под поднятой рубахой, висела широкая кожаная кассета на шесть метательных, отточенных до остроты бритвы бронзовых ножей<sup>24</sup>. Он был опасен. Очень опасен... этот тайный знаток горных троп, существо неимоверной силы и ловкости, крадущееся за спиной боевых нартских отрядов. И любому, увидевшему его в этот момент, было бы сразу понятно, что это враг. Враг нартов. Любому, кто увидел бы его! Но горы и лес молчали. Они умели хранить свои и чужие тайны.

<sup>24</sup> Бронзовые метательные ножи в виде небольших прямых кинжалов, с ушком на короткой рукоятке, частые находки в северокавказских мужских погребениях эпохи бронзы.

Гигант подвесил дубину за ремennую петлю на запястье руки и играючи взобрался на орех. Поднявшись выше середины ствола, он аккуратно, чтобы не качнуть листву, уселся на толстый прочный сук и принялся наблюдать. Отсюда, сверху, ему хорошо было видно все, что происходило по обоим берегам реки.

### 3

– Дышаца, вперед, моя золотая! – Сатаней шпорила свою любимицу все сильней и сильней. Свинья, привыкшая к безопасным играм и скачкам под тенлистыми кронами деревьев, с опаской бежала вниз по открытому склону. Сзади слышался грузный топот. Тридцать восемь нартов в бронзовых, медных и самшитовых доспехах, все с длинными двурогами копиями и большими круглыми щитами, старались не отстать от живой богини леса. Уазырмес<sup>25</sup> – рослый светловолосый воин необыкновенной красоты и стати командовал ими. В бой шла самая преданная личная гвардия Сатаней.

– Маржэ-э-э! – отчаянно и громко раздалось снизу справа от реки. Нарты Гогуажа, подбадривая уцелевших вояк Жинду-Жаке, спешили на помощь.

– К реке, Уазырмес! К реке! – закричала Сатаней и остановила запыхавшуюся Дышацу.

В ответ он указал копьем на вторую группу воинов позади бойцов Гогуажа:

– Там еще один отряд.

– Это Тлебыца-жей! Вон он! Проклятый коротышка! Я узнаю его по ноговицам из красной кожи и золотым накладкам на колчане! – добавил подошедший латник из отряда Уазырмеса.

– И что теперь? Стоять и смотреть, как они перебьют храбрецов Имыса?! – Сатаней задыхалась от ярости.

Вместо ответа Уазырмес подозвал молодого воина, почти мальчика, с турьим рогом.

– Труби отход!

Не успел трубач приложить к губам рог, как прямо впереди грянуло новое, еще более громкое «маржэ-э-э-э!», и, высыпав из леса, вверх по склону, прямо на Сатаней и отряд Уазырмеса начали подниматься воины Пануко, на ходу выстраиваясь в неровный просторный квадрат.

– Всем отход! – еще раз командовал трубачу Уазырмес.

Низкий, сильный звук рога поплыл над ущельем.

Внизу, на тропе, воины Гогуажа ударили по строю сильно поредевших латников Имыса. Сам Гогуаж, с фазаными перьями на шлеме, не уступая никому в храбрости, бился в первых рядах. Трое уцелевших в бою, среди которых был Сибильши, с воем ползли вперед, старясь зубами ухватить отступающих врагов за ноги.

«Змеи» Белой Мезитхи не зря носили это прозвище. Искусно сделанные Тлепшем чешуйчатые бронзовые панцири и кольчуги из медных колец хорошо защищали вояк Сатаней в рукопашной схватке. Подхватив на руки контуженого Имыса и волоча за собой на веревках израненных и полузадушенных Жинду-Жаке и Псабыду, «змеи», подчиняясь призыву рога, принялись отходить, яростными наскоками отбиваясь от наседавших нартов Гогуажа.

---

<sup>25</sup> Уазырмес – персонаж нартского эпоса, один из мужей Сатаней. Родной брат-близнец нарта Имыса. По женской линии оба – внуки Псыхогуаши и Хыпагуаши – богинь вод речных и морских.

Тропа позволяла наступать не более чем двум воинам в ряд. С другого берега потока почти в упор стреляли натренированные лучницы Даханэ. Матерые кан-девушки Белой Мезитхи, прикрытые подвешенными на шеях щитами, прицельно поражали незащищенных с правого бока мужчин. Отряд Гогуажа нес потери.

– Луки! – взревел подошедший к месту боя Тлебыца-жей и скомандовал своим дружинникам: – Отгоните головорезок от берега!

На том берегу Даханэ засвистела в костяной свисток, указывая соратникам новую цель. Клацая самшитовыми плашками панцирей, стрелки Сатаней отступили от берега реки и начали перебираться на другую позицию, вверх по склону.

Зло, по-шмелиному, прогудел рой стрел, выпущенных лучниками Тлебыцы.

– Ток! Ток! Ток! – медные и бронзовые наконечники были бессильны пробить прокаленную на огне, полированную самшитовую древесину панцирей и щитов воительниц. Но несколько метко пущенных стрел беспощадно впились в неприкрытую пластинами плоть. Не меньше десятка жертв – раненые и убитые скатились со склона к реке.

Новое «маржэ-э-э-э!» донеслось сверху, и вслед за ним, уже требовательно, провыл турий рог.

Не обращая внимания на сигнал рога и разящие стрелы нартов, неописуемой красоты, под стать самой Сатаней, кан-воительница с тонкой осиной талией бросилась со склона к одной из сраженных стрелой подруг.

– Лашин<sup>26</sup>, назад! – прокричала, как проплакала, Даханэ.

Прикрываясь щитом, та, которую назвали Лашин, подскочила к лежавшей навзничь, с оперенным древком в правом боку, девушке. Раненная мучительно и тяжело дышала. Глаза ее уставились на Лашин с благодарностью и нежностью.

– Ты пришла за мной, Лашин? – рот был полон крови. Хуже раны нельзя было и придумать. Стрела пробила печень.

– Мне не страшно... – умирающая вдруг улыбнулась. – Я хотела смерти, Лашин.

– Не говори так, услышит Псатха! – Лашин не замечала катившихся по щеке слез.

– Тот, что оглушил камнем нашу Жан, был Каширгэ<sup>27</sup>. Я убила его... Стрелой в висок. Сначала выстрелила, а потом узнала. Убила своего любимого. Разве я смогла бы жить после этого? – последние слова раненая произнесла четко и не задыхаясь.

– Ток! Ток! – Две стрелы ударили в щит и шлем Лашин и отлетели в сторону.

– Какие мы воительницы, Лашин? – укоризненно и печально спросила подругу лежавшая девушка. – Может, когда-то это и было...

– Не говори так, я отомщу им за тебя! – красивое лицо Лашин исказила гримаса ненависти.

– Не надо никому мстить, ведь я теперь без всяких помех встречаюсь со своим Каширгой. О чем я могу еще мечтать? Как больно... как мне больно, Лашин, – голос раненой стал тише. – Мне душно... разрежь... завязки панциря...

– Еще залп! – кричала наверху Даханэ. – Лашин, что ты возишься, бери ее и – вверх!

<sup>26</sup> *Лашин* – женский персонаж нартского эпоса.

<sup>27</sup> *Каширгэ* – «сокол» (нартск.) – мужское имя.

Кан-девушки не нуждались в приказе. Они с такой злобой и меткостью начали метать стрелы, что Тлебыца-коротыш сразу недосчитался убитыми и ранеными восьмерых воинов.

Лашин кинжалом разрежала намокшие от крови кожаные шнурки сбоку и на плече умирающей. Стараясь не дотрагиваться до торчащей стрелы, откинула переднюю часть доспеха подруги.

– Дыши, Нашхо!

– Живи долго, кан-пшаша<sup>28</sup> – благодарно сказала та, которую назвали Нашхо, – потом перевела уже замутившийся взгляд на свои упругие девичьи груди и добавила: – Если бы ты знала, Лашин, как я хотела кормить грудью ребенка... Сына... Каширгэ и моего. Когда ты родишь... назови ребен...

– Лашин, – голос сзади оторвал взгляд Лашин от лица затихшей навсегда боевой подруги. – Лашин, помоги мне!

Раненая стрелой в ногу кан-воительница в упор смотрела на здоровую соратницу. Жестким самшитовым налокотником Лашин смахнула с запачканной щеки слезы и, не глядя больше на Нашхо, отползла к той, что позвала ее.

– Держись за меня. Идти сможешь?

Раненая перекинула свой щит за спину и, ухватившись за руку Лашин, привстала. Лицо ее исказила гримаса боли:

– Смогу.

Они поднялись, и Лашин, с неженской силой, буквально понесла хромающую, обессилевшую кан-девушку вверх по склону. Усы Тлебыцы злобно ошетинились. Забросив щит за спину, он натянул свой тугой, не знающий промаха лук и скомандовал:

– Приготовиться!

Но Гогуаж, стоя среди облитого металлом строя мужчин-нартов, при виде всей разыгравшейся на его глазах сцены вдруг громко, на все ущелье закричал:

– Опустите луки! Не стрелять!

– У меня больше десяти убитых и раненых! Их убили эти злобные суки Сатаней! – Бешенству Тлебыцы не было предела.

– Опустите луки! Все. Не стрелять! Закройтесь щитами! Это просто раненые женщины и ничего больше.

И сам Гогуаж, и остальные, стоявшие на горной тропе, закованные в медь и бронзу нарты даже представить себе не могли, какая необратимая сила Истории прозвучала в его словах.

Мстя за Нашхо и убитых подруг, лучницы Даханэ, взбираясь по склону, дважды останавливались и давали залпы. Ответом было молчание. Подняв щиты над головой, стрелки Тлебыцы тронулись по тропе вслед за отрядом Гогуажа.

#### 4

Поднявшись наверх к речной террасе, Дахэнэ замерла. На расстоянии выстрела, прямо на нее двигался большой нартский мужской отряд. Предводительница перевела взгляд выше и увидела Сатаней верхом на Дышаце и копейщиков Уазырмеса за нею. Воинов Белой Мезитхи было почти в два раза меньше. Оттуда еще раз протрубил рог. Откликаясь ему, Даханэ пронзительно засвистела в свою костяную свистульку, поторапливая оставших воительниц.

---

<sup>28</sup> *Кан-ниаша* (нартск.) – кан-девушка. Кан-девушки были воспитанницами в семьях уважаемых женщин. В данном случае – Сатаней.

Девушки поднимались запыхавшиеся, усталые, перепачканные землей. Многие были ранены.

– Всем отходить к отряду Уазырмеса! Быстро!

– Фью, фью, ток, ток, ток, – просвистели первые стрелы приближавшихся лучников Пануко и застучали по самшитовым щитам её кан-девушек.

Наконец показалась Лашин, в паре с такой же видной, до неприличия красивой сорвиголовой с нахальными глазами. Они волокли под руки сильно хромавшую третью кан-пшашу.

– Уходим! – приказала Даханэ, и в тот же миг рука ее непроизвольно уронила свисток. Она увидела опустевшие колчаны своих лучниц. Лишь у нескольких оставалось по одной стреле.

– Быстро поднимайтесь к Белой Мезитхе! Скажите ей, что у вас закончились стрелы! Пусть Уазырмес и его нарты идут сюда и прикрывают наш отход. Бафо<sup>29</sup>, мчись изо всех сил, скажи Сатаней, что я зову ее! Только она сможет остановить эту свору! Лашин, Дыгэ<sup>30</sup>, Ваго<sup>31</sup>, и все, у кого есть мечи, останьтесь со мной!

Та, которую назвали Бафо, – самая молодая, тоненькая и изящная – забросила лук за спину и со щитом на руке проворно, почти бегом, начала взбираться по склону. Следом за ней потянулись остальные.

– Не кучиться! – крикнула им вслед Даханэ. Рядом с ней остались одиннадцать воительниц. Среди них особенно выделялись тугогрудая брюнетка Лашин с бровями, как крылья ласточки, блондинка Дыгэ с кожей молочного оттенка и дерзкими бирюзовыми глазами и крутобедрая, с чувственным ртом и длинными косами шатенка Ваго.

Медленно отступая назад, кан-пшаша вытянулись неровной редкой линией. Воспитанные в традициях женской исключительности и полного пренебрежения к мужчинам, прошедшие жестокие тайные обряды служения женским божествам, они ожидали подхода нартов Пануко, прикусив свои нижние губы белоснежными зубами. Смелые, надменные, презрительные. Обреченные. Красивые до слез.

Расстояние между передовыми бойцами Пануко и изготовившимся к бою отрядом Белой Мезитхи стремительно сокращалось. Глаза девушек недобро прищурились. Со змеиным свистящим шорохом потянулись из ножен длинные бронзовые мечи-гятэ. Даханэ бросила взгляд вправо-влево. Остро отточенные клинки в руках ее воспитанниц сверкали, как солнечные лучи. И только меч Ваго из темной мышьяковистой бронзы тускло отсвечивал недобрым серо-зеленым блеском.

В топот ног наступающих нартов спереди резко и звучно вплелся другой. Сзади. Все двенадцать воительниц непроизвольно разом оглянулись. Нарты Уазырмеса неслись к ним по склону со всей возможной скоростью. Подгоняемая ими, как цепью загонщиков, Дышаца, роняя с щетины золотую пыль, мчалась впереди, будто заправский альп<sup>32</sup>.

Сатаней с побелевшим напряженным лицом: «Только бы не упасть!» – вцепилась обеими руками в ее нарядный ошейник. Но эта бешеная скачка и была

<sup>29</sup> *Бафо* – «Медовый поцелуй» (нартск.) – женское имя.

<sup>30</sup> *Дыгэ* – «Солнце» (нартск.) – женское имя.

<sup>31</sup> *Ваго* – «Звезда» (нартск.) – женское имя.

<sup>32</sup> *Альп* – легендарная порода нартских скаковых коней.

тем, что нужно в такой момент. Такой и только такой должна была предстать перед врагами, вошедшими в ее лес, Белая Мезитха.

– Маржэ-э-э! – рывкнули на бегу вояки Уазырмеса, подбадривая девушек Даханэ.

Подстегнутая этим криком, золотощетинная свинья так наподдала по склону, что вынеслась сбоку от линии обнаживших мечи кан-пшаш, под самые наконечники копий бойцов Пануко. Они остановились одновременно – наступавший отряд мужчин и Белая Мезитха на злобно пыхтящей большущей кабанихе. По звяканью бронзы сзади Сатаней поняла, что латники Уазырмеса поравнялись с шеренгой девушек. Наступила тишина.

\* \* \*

Друг перед другом стояли два мира. Две эпохи. Их эстафета была неизбежна, как заход луны и восход солнца.

За спиной у одного из этих миров были жаркий огонь костра и устилающие пол турлучного жилища свежеччищенные шкуры. Вылепленные вручную горшки и вкусная мучная болтушка с кусками вареного мяса. Крохотные поля проса и ячменя, возделанные ручными мотыгами, и роговые серпы с кремневыми вкладышами. Несколько свиней с поросятами или коза с козленком возле большого длинного дома под камышовой крышей. Непререкаемый авторитет и власть Матери. Матери растений и животных. Матери людей. Матери всех богинь и богов. Иррациональная женская логика личной привязанности. Канибализм и бесконечные истребительные войны по любому поводу и без повода. Многомужество и бросание в огонь новорожденных мальчиков. Лунные перепады настроения и слезливая ненависть. Мелочные заботы и бытовая ненасытность. Халцедоновые бусы и украшения из золота. Кованая медь и первые робкие струи расплавленной бронзы из тигеля в формы. Запах сушеных лекарственных трав. Гадания на бобах и по скрипу ножиц. Магия и заговоры.

Другой мир надвигался в бешеном гуле копыт могучих полудиких коней. За ним виделись большие гурты свиней, отары овец и коз, стада коров под присмотром вооруженных бронзовым оружием пастухов. Тяжелые деревянные плуги с металлическими сошниками, запряженные восьмью парами волов. Большие поля золотистого проса и ячменя. Рациональная логика при принятии решений. Бешеная жажда славы и война ради грабежа и обогащения. Тяжелый физический труд и торжество силы. Парный брак и счет родства по отцовской линии. Мужские боги. Мужская дружба и союзы воинов. Ритуальное застолье и игры. И бесконечная страсть к поиску каких-то смыслов и обоснований.

В кузнице Бытия, на наковальне Времени молот Истории ковал исполнскую Цепь Свершенний. Желтые бронзовые звенья, сменившие кольца из красной меди, уже подходили к концу. И невидимая во мраке Космоса рука уже приготовила следующее звено из сине-серого кованого железа.

\* \* \*

– Белая Мезитха, – на разные голоса прозвучало в разных концах строя, и неровная линия больших круглых щитов прогнулась назад. Нарты Пануко были смущены. Золотощетинная свинья и ее полуобнаженная хозяйка вызывали у них благоговейный трепет. Дышаца глубоко, с хрипом, вздохнула и недовольно хрюкнула. Щиты и шишаки попятились еще дальше назад.



Сатаней молча рассматривала стоявших перед ней мужчин. Наступила решающая минута. Одного ее слова и жеста было достаточно, чтобы победить или потерять все. И именно в этот момент вдруг послышался призывный волчий вой. Не жалобный и тоскующий – свирепый, скликающий всех волков в округе на большой пир. Ему ответили несколько волков по ту сторону реки. Маленькие глазки Дышцы стали еще меньше. Лодыжками Сатаней почувствовала, как напряглась ее любимица.

В строю нартов произошло движение. Пожилой бывалый воин в безрукавке из оленьей шкуры поверх пластинчатого доспеха приблизился к Пануко и тихо, чтобы не слышали другие, прошептал:

– Это не волки, Пануко. В лесу на той стороне реки прячутся иныжи<sup>33</sup>. Их наблюдатель где-то за нами. Я хорошо знаю их сигналы.

## 5

Сложенные рупором ладони поднялись ко рту. Сидевший на ореховом дереве великан осторожно, чтобы не всколыхнуть ни одного листочка, повернулся влево, в сторону реки, и издал длинный заливистый волчий вой, выдержал паузу и потом еще два раза – короче и громче. Оттуда почти сразу же донеслись три коротких, твякающих с привизгами завывания, и потом – длинный злобный перелив, переходящий в рёв. Гигант подтвердил услышанное двумя краткими, постепенно стихающими завываниями и, бесшумно переступая с ветки на ветку, спустился с дерева.

Правой рукой он вытащил из кассеты на бедре одно, заточенное до адской остроты метательное лезвие и, сжимая в левой свою самшитовую дубину, быстрым шагом устремился через заросли – в глубь леса от реки. С дерева он видел, где наступавший отряд Пануко оставил своих сигнальщиков, и теперь иныж направлялся прямо к ним. Последние тридцать шагов, отделявших его от цели, охотник крался, медленно переходя от дерева к дереву.

Два нарта – пожилой опытный воин и с ним совсем юный оруженосец – на разных концах небольшой поляны бронзовыми кинжалами срезали траву. Старший уже нарезал копну свежего разнотравья и лиан и шел прямо на притаившегося следопыта, с большой охапкой, прижатой к груди. Молодой, выкашивал белесые стебли высушенного прошлогоднего травостоя. Его стожок был меньше, и он работал, не разгибаясь, стараясь догнать товарища. Прямо посреди поляны был сложены нарубленные сучья для большого сигнального костра. Рядом с ними весело потрескивали ветки разгоравшегося запального костерка.

Иныж, бросая взгляды во все стороны, обдумывал увиденное. Зеленая мокрая трава, брошенная в огонь, давала тяжелый сизо-белёсый дым. Это могло быть сигналом тревоги или просьбой о помощи. От сухого сена поднимались плотные клубы белого дыма. Сигнал – «все в порядке».

Великану для его целей был нужен столб белого дыма. Приходилось ждать, когда молодой нарт закончит работу. Иныж поискал глазами оружие косарей и выругался про себя. Ни старый, ни юный не сняли с себя ни луков, ни колчанов со стрелами. Кинжалы были у них в руках. Слева на поясе у старшего

<sup>33</sup> *Иныжи, ины* – «гиганты», «большие» (нартск.). По нартским преданиям – рослый, иногда свыше 2-х метров, физически очень сильный народ, оттесненный нартами в верховья гор и находившийся с ними в состоянии вражды или шаткого мира.

висел меч. У младшего за ремень сзади был заткнут боевой бронзовый топор. Их окованные медью самшитовые щиты лежали возле костра. Там же было воткнуто длинное двуругое копьё.

Иныж переложил из руки в зубы первое метательное лезвие и достал из чехла второй нож.

– Поторопись! – приказал на поляне старший нарт.

Оруженосец вложил кинжал в ножны, собрал все накошенное сено, принес и сложил его возле груды дров.

– Что там наши? – спросил наставник.

Молодой сделал несколько шагов к краю поляны и долго всматривался.

– Остановились. Перед ними Белая Мезитха и ее кан-пшаши.

Более удачного момента нельзя было и представить. Враги были разделены расстоянием и смотрели в одном направлении, стоя спиной к дереву, за которым прятался гигант. Он не медлил.

Великан бесшумно вышел из-за дерева и с немыслимой скоростью один за другим метнул оба ножа.

– Хруг!.. Вхок!

Первое лезвие ударило старшего нарта в шею сзади, ближе к голове и, разрубив шейный позвонок, вышло спереди под подбородком. Молодой воин успел обернуться, и нож вошел ему в левую глазницу.

Тела еще падали, а иныж уже действовал. На бегу он затолкал горевшие ветки под большую грудку приготовленных дров. Потом подскочил к лежавшим нартам и по очереди обрушил два страшных удара своей самшитовой палицы на их головы. Подхватив двумя руками сразу оба мертвых тела, подтащил и швырнул их у разгоравшегося костра. Злобно ухмыляясь, извлек из жертв свои ножи и, обтерев об их же одежду, вставил обратно в кассету. Потом, не теряя ни мгновения, снял ремни с колчанов убитых и примотал к нартскому копыю короткий поперечный сук. Подняв труп старшего нарта, поддел двуругим накопником шею сзади под головой и, уперев древко, поставил мертвеца стоймя. Вторым колчаным ремнем привязал его плечи подмышками к палке на копьё. Телу оруженосца придал сидячее положение.

Теперь убийца мог, скрываясь за спинами своих «дозорных», подать нужный сигнал.

Он вернулся к дереву, за которым прятался, и с ловкостью дикой кошки взобрался на него. С высоты ему было видно, как Пануко вышел навстречу Белой Мезитхе. Иныж заметил, что нарты, стоявшие в последней шеренге, несколько раз оглянулись на разгоравшееся пламя костра и на своих оставленных сигнальщиков. Но, по-видимому, ничто не вызвало их подозрений.

Неожиданно громко каркнул ворон. За ним еще и еще. Схватка в ущелье и валявшиеся там мертвые тела взбудоражили аппетит падальщиков. По шуршанию крыльев над головой следопыт прикинул, что на окрестные деревья село не меньше тридцати птиц. «Только бы не начали подбираться к моим куклам», – подумал притаившийся великан и с ненавистью посмотрел на непрошенных гостей. Один из воронов, поблескивая бусинками глаз, не отрываясь, смотрел прямо на иныжа. И вдруг уверенно каркнул два раза. В тот же миг несколько иссиня-черных птиц сорвались с ветвей и, покружив над поляной, сели неподалеку от неподвижных «дозорных». Какое-то время вороны выжидали, а потом, прыгая боком, осторожно начали приближаться к подпертой копьём фигуре, с запекшейся на шее кровью...

**Елена СТЕЛЬМАХ,**  
член Союза писателей Белоруссии,  
член Союза писателей России



## ЛЕНКА И ГЕНКА

*Рассказ*

Дорожный ритм отдаленной железнодорожной станции вовсе не тот, что почти круглосуточная сутолока торопливых пассажиров в лабиринтах громады столичного вокзала. Он такой же размеренный, как и спокойный ритм жизни районного центра, где каждый его житель на виду. А вот свежие новости здесь распространяются в мгновение ока. Их исключительная оперативность не уступит скоростному интернету. Местные слухи нередко обрастают всечасными подробностями, благодаря чему и процветает безлимитная «сарафанная связь». Бывает и такое: в центре скажут – человек женился, около милиции – с тещей не помирился, возле церкви – Богу душу отдал. Когда вдруг при передаче «горячего» факта случится осечка – собеседник неловко пожмет плечами, разговорчивые местные жители тут же, как на картах, разложат, чей кум, сват или сосед стал причиной нашумевшей истории, и сразу станет понятно, кого «ласкают» чужие языки.

Тот, кто изведal наслаждение жизнью в таком вот тихом городке, обжил-ся в нем, в шумный мегаполис выбирается только по особым случаям. Зачем себя утомлять столичным шумом, когда и на месте всего в достатке. Хотя легкая на подъем молодежь приловчилась ежедневно курсировать на учебу – цена железнодорожного билета особо не бьет по скромному студенческому карману.

Пассажиры дисциплинированные: приходят заблаговременно, расходятся по всей длине перрона, заранее выбирают, в каком вагоне ехать. Притопывая, поглядывают в сторону блестящего на солнце рельсового полотна, ожидая, когда из-за поворота выскользнет юркая змейка голубых вагонов.

Опаздываю. Знаю, что весь перрон волнуется, видя спешащего рискованного пассажира. Сама не однажды таких «летунов» в мыслях ругала крепким словом: ну куда тебя под самые колеса лихо несет?! Еще несколько стремительных шагов – и я в числе ждущих электричку пассажиров. Невольно вырывается вздох облегчения, исчезает общее напряжение. Как вдруг воздух сотрясает громогласный возглас. До слуха десятков двух испуганных пассажиров долетает:

– Ленка, тебя же вся тюрьма знает!

Словно над рельсами оборвался высоковольтный электрический провод, и мощный заряд пронзил тело от макушки до пят – так на меня обрушилась неожиданная радость.

Сзади приближается электричка, выстукивая ритмичное «так-так». А впереди сияет радостное лицо, которое издали узнаю не сразу. Хотя и в облике, и в бравой фигуре одетого в элегантное черное пальто мужчины улавливаю знакомые черты. Да и в возгласе признаю сходство с победными криками индейцев, игра в которых была любимой, когда школой ездили на картошку.

– Это же я, Генка! Неужели так изменился?– напоминает о близком знакомстве бывший одноклассник.

Люблю дорогу за такие вот мимолетные встречи. Внезапно, словно из-под земли, возникнет тот, о ком и думать забыл. Только что сверлила голову мысль, чем занять себя во время поездки, а уже захватывают в плен воспоминания, льется разговор, и мелькают за окном столбы, словно пролетевшие годы Бог весть откуда взявшегося рассказчика. Всего в какой-то час уложится весь жизненный путь, все пройденное, пережитое за солидный отрезок времени. В такие минуты собеседник особенно открытый, общительный, откровенный в своих душевных признаниях. Наболевшим – и о радости, и о горе – проникновенно делится с родственной душой. Когда еще повстречаемся, поведем душещипательный разговор? Домчит нас поезд до вокзала, облегченно вздохнет, и снова разбредемся по своим жизненным стежкам-дорожкам.

Только встреча разбередит душу, услышанное долго не будет выходить из головы ...

Генка весь в отца: рослый, широкоплечий, с привлекательной внешностью. Девчонки, особенно из младших классов, задерживают взгляды на таких заметных кавалерах. «Давно бы бросил все буквари», – покуривая сигаретку, бравировал Генка перед сверстниками своей самостоятельностью. Его взрослые устремления сдерживала упрямая система образования, в соответствии с которой восемь лет, от звонка до звонка, должен отбыть в школе.

Уже с первых дней обучения стало понятно: педагогика от нового ученика поплачет. Не сказать, чтобы Генка с кем-то задибался, был хулиганистым. Возмущало его настойчивое нежелание учиться и завидное стремление юного лоботряса периодически исчезать в неизвестном направлении. В классе четвертом искали пропажу почти месяц, пока не сняла милиция бродягу с поезда где-то под Москвой.

Используя весь имеющийся арсенал методов воздействия на «трудного» подростка, новаторы школьной педагогики изобрели новый способ воспитательного влияния – направили отряд отличников к Генке домой.

Семья жила на первом этаже двухэтажки, наспех возведенной в послевоенное время и рассчитанной на четырех хозяев. Отец, человек не без талантов (одно время работавший в районной газете), твердо обещая в очередной раз с выпивкой завязать, не поддавался исправлению, рьяно топил свои способности в бутылке. И Генка, и такой же сорванец – младший брат Костик, с детства не знали строгости отцовского ремня. Достаток в квартире, как и вообще благосостояние всей семьи, старалась изо всех сил, создавала мать.

После уроков (последний из которых он обычно не досиживал) Генка болтался во дворе, где друзья возились с летательным аппаратом, сокрушаясь,

что тот никак не взлетал. Когда Генка увидел одноклассников, настроенных решительно и даже воинственно, порадовался своей осмотрительности: ему хватало времени, чтобы исчезнуть незамеченным. Крадучись, он пробрался за угол дома.

На требовательный звонок напористых гостей двери открыла мать. Женщина смутилась под взглядом пяти пар острых детских глаз. Ее поблекшие, некогда голубые глаза уже давно не светились радостью. Она была самоотверженной хранительницей домашнего очага, растворившейся в троих бессовестных разгильдяях – потребителях ее беззаветной доброты. И что с того имела? Пионеры – непримиримые борцы с бездельниками и двоечниками, тщательно выполняя наказ учителей, наперебой срамили женщину за бездельника-сына, угрожали исключить его из своих рядов. Мать молча слушала успешных сверстников сына, даже пыталась удержать на лице улыбку, но она была такой же грустной, как и ее поникшая в печали измученная душа.

Назавтра на первом уроке Генка настойчиво тянул руку вверх. Непривычный к такому его старанию учитель одобрил ответ и, пусть и авансом, вывел в дневнике большую пятерку. Но такого горячего рвения к учебе закоренелому двоечнику хватило лишь на один день...

В конце восьмого класса Генка все же задумался, будто примирился со школьным порядком, почти перестал прогуливать уроки. Как знал, что получит первый и последний в своей жизни официальный документ об образовании. После торжества, на котором выдали свидетельства об окончании восьмилетки, Генка на прощание махнул рукой и с облегчением о законченном наконец-то изрядно надоевшем учении будто бы между прочим бросил: «Я – в свободное плавание...» В тот момент, несмотря на неоперившийся возраст, он чем-то был очень похож на ставших классическими проходимцев.

...Молодая весна, обласканная благодатным солнечным теплом, утонула в девственной белизне разомлевших от счастья садов. По стране бодро шагала окрыленная перестройка. Главным ее признаком стали длинные хвосты очередей, и не только в самих магазинах – их цепочки захватывали и прилегающие дворы. Настойчивые покупатели самоотверженно проводили часы, а то и дни, делая отметки на руках, в надежде дожидаться какого-нибудь «выброшенного» товара. За безнадежное на первый взгляд дело шустренько взялись неожиданно возникшие так называемые коммерсанты, цепко ухватились за «халяву» торговать. В народе их явно невзлюбили, раньше таких спекулянтов лишали свободы. Да деваться было некуда – ноги сами вели к наспех сколоченным, но таким соблазнительным ларькам с невесть откуда добытым товаром. Известие об открытом на «лобном» в городе месте – у церкви – ларьке мгновенно попало на «канал» местной «связи». Всезнающие горожанки быстро прознали, что за безбожник, не боясь греха, в святом месте разводит коммерцию. Не сомневались в хорошей «подмазке» властям, раз те дали такое рискованное разрешение. Разочарованно кивали головами: зачем в душе вера, если в кармане деньги?..

Ко всеобщему удивлению, ларек оккупировал Генка. Если бы это не был родной город, где знали всю подноготную возвращенца, его приняли бы за молодого перспективного бизнесмена. Которым, между про-

чим, он, раздувая щеки, и представлялся. Но это был Генка! Из него бурным фонтаном вырывалась затаенная еще в детстве в самой глубине души обида, не давало покоя долгожданное: отомстить своим обидчикам – подняться выше над всеми. И пробирался он к этому своим избранным путем. До заметного издали ларька и без того подходили любопытные. Однако вороватый Генка, имея из окошка широкий обзор всей площади, пристально выслеживал знакомых и сильным, как рупор, голосом зазывал к себе. Острой занозой сидел в нем соблазн зацепить за живое, доказать всем, кто теперь хозяин жизни. Мягко стелился перед школьными учителями, якобы ублажал их. «Разве такое на талоны купишь? – со знанием дела рассуждал новоявленный богач и тут же гордо добавлял: – Слышал, заработки ваши совсем никчемные. Но ничего, на мои гостинцы денег хватит». Намекал: «Вам уступлю», – и тут же услужливо раскладывал перед покупателем жвачки, «Марсы», «Сникерсы».

Его компаньоном был ни кто иной, как возмужавший Костик, который, чтобы не идти в армию, изловчился заиметь двух наследников. Привычный к легковесной жизни Генка, теперь уже как настоящий Остап Бендер, не мог долго усидеть на одном месте и, удовлетворив свое самолюбие, в один из дней бросил малоодоходный по его меркам бизнес, черкнул на бумажке дефицитным на то время фломастером: «Технический перерыв» и исчез. Несчастным листок долго трепала непогода, от дождя потекли буквы, пока заброшенный ларек не убрали с площади...

То, во многом детское, наигранное, ветреное стало достоянием своего времени. Спустя годы такое обычно вспоминается с легким юмором. Бывший Генка уже стал Геннадием Петровичем, важным и самодостаточным мужчиной. Именно таким он казался на первый взгляд. Вызвал уважение и тогда, когда женщин по-джентльменски пропустил в вагон. По всему было видно – ему не терпелось быстрее начать рассказ, а мне тем более хотелось узнать, как в тюрьме ко мне пришла непрощенная слава. «Ты в университете сколько лет училась? Пять? – начал Генка издали и тут же, как опытный проходимец, перевернул на свой лад: – И я столько же времени гранит науки грыз, от звонка до звонка. Без экзаменов приняли, – нервно расхохотался. – Даже наручники надели, чтобы не передумал». Как выяснилось, за решетку бизнесмен попал, когда после торговли всякой всячиной с такими же умниками, как и сам, пытался перевести на «левые» рельсы железнодорожные вагоны с сырьем. Его подталкивало желание «рисануться» особыми талантами, приобретенными в неволе. Еще более бесстыдный, метил и уколоть, мол, кто из нас сейчас более грамотный? Но то, что я заработала среди его криминального окружения авторитет абсолютно законным способом, превзошла самого Генку, не давало ему ехидствовать.

Сейчас, когда сидели вот так, лицом к лицу, можно было рассмотреть бывшего одноклассника не только снаружи, но и заглянуть в его гниловатую душу. Настороженно-недоверчивые и в то же время льстивые глаза смотрели мимо меня, скользили как по тонкому ледку, будто что-то искали, по всему вагону. За редкие зубы крепко ухватился темный налет от специфического напитка, популярного среди заключенных. То, что он с лихвой отведал казенного хлеба, больше всего выдавали посиневшие руки, тщательно исколотые со всех сторон

по определенным тюремным правилам. Подумалось: вот так диплом выписала ему жизнь, несмыываемый, с особой отметкой.

«Популярности» своего имени в тюрьме я, безусловно, была обязана Генке. Когда-то он прочитал в чрезвычайно востребованной среди заключенных «Детективной газете» материал за моей подписью, возгордился. Не каждый водил дружбу в журналистских кругах, тем более, близкую – с одноклассницей. Такое знакомство в стенах, ограниченных решеткой, имело высокую стоимость.

Вот оно, слово печатное, как аукнется... Хотя и прислали гонорар – не ровня другим газетам, больше писать о криминале не стала, не по мне смакование ужасов, дешевая в действительности такая строка. Генка выдавал себя за везунчика, хвастался, что богат, что умом и без корпения над книгами блещет. Женился на дочери большого начальника в Подмоскovie, тот ему во всем способствует. На остановке мой попутчик ловко спрыгнул со ступеньки вагона, и вновь его подхватили бурные волны жизненных перипетий... А меня не покидало приторное чувство от вывернутой наизнанку судьбы близкого с малых лет человека... Лет через семь, на той же остановке, случайно вдали заметила фигуру одноклассника. Непотопляемый раньше Генка имел нездоровый вид, заставил себя улыбнуться. Передо мной прятал лицо в воротник того же, только изношенного пальто, несчастный горемыка. Криминальный мир – его стихия и образ жизни – превратил самоуверенного фраера в немощного калеку. Генка с какой-то детской невинностью признался: те, с кем братался, порезали так, что врачи сшивали по частям, едва оправился. Он не пошел садиться в вагон, задержался в тамбуре, незримо растворился в людях, во времени, в иллюзиях... В каком фаворе он сейчас у судьбы? Надежды на то, что встретимся, по-приятельски радушно обнимемся, стало меньше. На маршрутке мне ездить удобнее.





## ВОЛК

Лужайка. Снег. Шум дня умолк,  
и нет живой души окрест.  
Из логова выходит волк,  
хозяин дикий этих мест.

И, сон нарушив и покой  
собак, что дремлют в конурах,  
разносится протяжный вой,  
в сердца их поселяя страх.

Из дома, заспан и сердит,  
выходит человек с ружьем.  
Собака льнет к нему, скулит,  
себе защиту видя в нем.

Но человек, пальнув во тьму,  
уходит, чтобы снова спать...  
И вновь собака в конуру  
спешит, чтоб до утра дрожать.

Лужайка. Голоден и зол,  
роняя под ноги слюну,  
свирепый волк, могучий волк  
протяжно воет на луну...

О, своры борзые щенят,  
готовы вы обляять льва,  
коль знаете, что защитят  
вас с ружьями хозяева.

Бессильна злоба и глуха  
псов, лающих до хрипоты:  
их жалок лай для пастуха  
стад легконогих Апсаты.

Да, человек мне тоже враг,  
он нас привык пускать в расход,  
но ненавижу я собак,  
что от волков ведут свой род.

Со мной не примете вы бой,  
но помните, что по ночам  
мой будет раздаваться вой,  
выматывая душу вам.



(Я – тот же волк, в норе своей  
мне не забыться сладким сном:  
все кажется, в груди моей  
туман, и стынет сердце в нем.

И все ж, нахмуривши чело,  
главы покорно не склоню,  
и никого и ничего  
я в мире этом не кляню.

Все – тленно. Что там человек? –  
ведь даже звездам в небесах  
исчислен и отмерен век,  
и скалы превратятся в прах.

Но нет несчастней на земле  
тех, кто, забыв про божий страх,  
от жажды денег ошалев,  
талант свой меряет в рублях!

Жизнь принимая за базар,  
стоят смиренно у лотка...  
О, сколько их – священный дар  
распродающих с молотка!

Но и у этих скорбен путь,  
в конце их будет дело дрянь:  
Самих продаст их кто-нибудь,  
как на блошином рынке рвань.

Снег – злой, холодный, как печаль,  
все не перестает идти.  
Меня в дорогу манит даль,  
но все заметены пути...)

Я дик и зол! Я – зверь! Я – волк!  
От злости кровь кипит моя!  
В кровавых битвах зная толк,  
со львом готов сразиться я!

Да, никого я не боюсь.  
Придите же, примите бой,  
в мгновенье ока, я клянусь,  
расправлюсь с вашей гурьбой!

...Но кто же примет вызов твой?  
Молчи, о глупый волк, молчи.  
Протяжный дикий вой в ночи  
тревожит лишь туман густой.

\* \* \*

Жизнь не часто подарками радует нас,  
но влечет от рожденья куда-то дорога,  
ищем счастья вдали от родного порога,  
дни и ночи проводим, за ветром гонясь.

Так в бесплодных метаниях годы идут,  
ожиданья – пусты, эфемерны – желанья.  
Лишь одно несомненно: в родном Гирхожане  
ожидает меня мой последний приют.

К этой мысли пора бы привыкнуть давно,  
и хотя перед смертью нисколько не грущу,  
эта мысль временами тревожит мне душу,  
ледяным холодком обдавая чело.

Несть порокам числа, от адамовых дней  
мир погряз во грехе, не меняясь веками.  
И пусть даже убьет меня брошенный камень,  
но люблю я здесь все: от людей до камней.

\* \* \*

Отобрали белые вершины,  
Из родимых мест навек изгнали.  
Гибли, но пока мы были живы,  
Наши песни оставались с нами.

Нынче же все села, как немые,  
Не услышать песен, хоть ты тресни.  
Что поделатъ, времена иные:  
Отбирать умеют даже песни.

\* \* \*

Зима. Засыпан снегом двор.  
Белым-бело...  
Сквозь марево на склоны гор  
глядит село.

Припомнилось: кружился снег,  
шла урза...  
Седой старик-сосед навек  
закрыв глаза.

Сегодня тоже снег густой  
валит, кружит.  
Под выбеленной им плитой  
старик лежит.

В тот день на кладбище мело,  
нам застыл взор.  
Смотрело грустное село  
на склоны гор.

### СТАРАЯ ПЕСНЯ

Крестьянин, от трудов коряв,  
работал, не жалея сил.  
Но, урожая не собрав,  
безвестно умер, как и жил.  
В последний миг подумал он:  
«Одно и то же: жизнь – и сон».

Воитель грозный и тиран,  
увитый лаврами кумир,  
гроза и бич соседних стран  
в урочный час покинул мир.  
Перед кончиной понял он:  
«Одно и то же: жизнь – и сон».

«Спасет вас лишь любовь одна!» –  
учил он, а каков итог?  
Смотрела грустная луна,  
как на кресте страдал пророк.  
И в смертный час подумал он:  
«Одно и то же: жизнь – и сон».

Меня могила не страшит,  
уверенно гляжу вперед.  
Еще звезда моя горит,  
но знаю я, что в свой черед  
я мир покину, убежден:  
«Одно и то же: жизнь и – сон».





## ТАЙНА ДОЛИНЫ ЗАМАНКУЛА

Повесть

*События, о которых говорится в этой исторической повести, происходили в 40-х–60-х годах XIX века в селении Астемирово. Речь идет о молодом и храбром унауте (слуге) Едыга Астемирова по имени Куаргот, убитом царскими солдатами в долине Заманкула.*

*У подножья хребта в долине речки Заманкул есть поле, которое ежегодно засеивается тружениками селения Верхний Акбаи. Эта долина с 60-х годов XIX столетия называется долиной захоронения Куаргота (КӀуэргъуэт и кхъэ лъэгъу).*

*С тех пор прошло много лет. Мало кто из современников слышал о храбреце Куарготе. Да и места его захоронения никто уже не знает.*

\* \* \*

Хашок и Зауль Астемировы в сопровождении своих уорков-шаутлугусов возвращались домой после набега на кумыкские земли. «Улов» на этот раз был небогатым – с десяток лошадей, которых они увели прямо из-под носа табунщиков. Обошлось и без погони – после нескольких беспорядочных выстрелов в воздух, произведенных малокабардинцами, кумыки не решились на преследование.

Возвращались степью, держась в стороне от населенных мест. Летнее солнце клонилось к закату, когда всадники подъехали к реке Сунже.

– Смотрите! Что это? – воскликнул вдруг кто-то из уорков, показывая в сторону грушевого дерева, одиноко выросшего на берегу реки недалеко от брода.

Подъехали ближе и видят: лежит женщина, еще не старая, в нищенской одежде и без признаков жизни. А возле нее сидят двое детишек в изодранной одежонке, смугленькие, с заплаканными и черными как смоль глазенками, испуганно смотрящими на подъехавших незнакомцев. Всадники спешили. Женщина, вероятно мать этих детей, была мертва. Возможно, она умерла от голода или от какой-то болезни.

– Что будем делать? Жалко оставлять детей, пропадут, – сказал Зауль, обращаясь к Хашоку.

– Помрут с голоду или волки съедят, – добавил Касей Тенов, протягивая детям чурек и сыр.

Исхудавшие, измученные дети ели, как голодные волчата. Мальчику было не более пяти лет, а его сестренке – года три. Похоже, они были из Дагестана и шли в чужие края в поисках куска хлеба.

– Вот что, друзья, – начал после некоторого раздумья Хашок. – Оставлять здесь детей нельзя. Их родственников нам также не найти. Поэтому детей мы возьмем с собой, а ее тело надо предать земле по нашим обычаям, как мусульманку. Похороним здесь, под этим деревом. Пусть оно будет ей над-

гробным памятником. Когда они вырастут, может, придут сюда, к этому грушевому дереву, чтобы поклониться праху своей матери, так рано ушедшей из жизни.

Урки одобрили решение предводителя. Орудя кинжалами, они вырыли могилу глубиной немного выше колена. Затем сделали дуа. Дети испуганно наблюдали за происходящим. И когда малокабардинцы подняли тело покойной, чтобы опустить в могилу, дети уцепились своими маленькими ручонками за одежду безжизненной матери и стали бить мужчин по рукам, по ногам, кусаться... Двое из урков взяли их на руки и унесли подальше от этого места. Отбиваясь от них, дети рыдали, звали мать, беспомощно протягивая свои ручонки в сторону, где хоронили ее. Не раз видавшие смерть воины не выдержали, прослезились, отворачиваясь в сторону, они тайком вытирали глаза. Когда все было закончено, малокабардинцы, перейдя Сунжу вброд, продолжили путь домой.

Аул Кудаберда Астемирова располагался на правом берегу Терека недалеко от впадения в него речки Курп. Вблизи от него находился и аул Темрюка Хапцева. Они поселились в этих местах после того, как были изгнаны в начале XIX века с берегов Сунжи (район речки Гремячая) войсками генерала Булгакова. Засушливый климат здешних мест доставлял астемировцам немало хлопот в ведении хозяйства, основной отраслью которого было скотоводство. И нынешнее лето 1842 года нельзя было назвать дождливым. Июльские дни стояли жаркие. Луга и пастбища давно уже выгорели...

Всадники шли вдоль берега реки Терек, обходя казачьи станицы. К ночи жара спала, дышать стало легче, измученные и уставшие дети уснули на руках несших их урков. Хашок и Зауль решили подарить их своему племяннику, сыну правителя села Кудаберда Астемирова. Прапорщик Едыг Астемиров, находящийся на военной службе в русской армии, недавно женился, и такой подарок молодой семье был бы очень кстати.

Всадники ехали «в сопровождении» стаи волков, которые временами издавали страшный вой. Лошади испуганно фыркали, настораживались. Из темноты послышался лай собак. Село было близко. Волки отстали. Вскоре урки въехали в свой аул. Было около полуночи. Аульчане отдыхали после трудового дня. попрощавшись, урки разъехались по домам.

На следующий день Хашок и Зауль поделили добычу, как было принято по обычаю. Как тлехотлешам, им досталось по две лошади, две – их старшему брату – правителю аула хаджи Кудаберду Астемирову, и по одной уркам-шаутлугусам. А мальчика и девочку, как было решено еще в пути, подарили снохе Кудаберда – молодой гуаше (госпоже) Суратхан. Она осталась очень довольной подарком своих влиятельных родственников. Поскольку никто не знал имен этих детей, молодая гуаша дала мальчику имя Куаргот (Куаргъузт – «найденный в пути»), а девочку назвала Аслижан. Их воспитание она решила поручить своей унаутке (служанке) Лях (Лаху).

– Лях, ты одинокая женщина, – стала наказывать Суратхан своей унаутке, позвав ее к себе. – Поэтому я поручаю тебе воспитание этих детей. Они – брат и сестра, сироты. Пусть живут у тебя. Говорят, что родом они из Дагестана, языка нашего не знают. Мальчика зови Куаргот, а девочку – Аслижан. Научи их говорить на нашем языке, и пусть познают обычаи. Из них должны вырасти послушные, трудолюбивые унауты.

– Бедненькие, какая жалость, – всхлипнула Лях, поглаживая девочку по голове. – Хорошо, что они попали к вам, в добрые руки. Я сделаю все, как вы скажете, моя гуаша.

Лях взяла детей за руки и увела к себе, в свой небольшой дом. Она выкупала их, накормила, приготовила места для сна. А вечером, уложив детей в постель, заштопала их одежку и постирала, чтобы к утру она высохла.

Дети не сразу привыкли к новым условиям жизни и быта, к чужим людям, говорящим на непонятном языке. Но они чувствовали ласку, доброту и нежность, которые проявляли к ним Лях и эти «чужие» люди. Новая «мама» выводила их каждый день на улицу поиграть с соседскими ребятами. Первое время новенькие держались настороженно, не проявляя ни малейшего желания общаться с ними. Да и местная детвора тоже не обращала на них никакого внимания.

Но со временем в глазах Куаргота и Аслижан загорелись искорки радости, на их лицах снова появилась улыбка. Они постепенно втягивались в эти интересные игры соседских ребятшек.

Шли годы, Куаргот и Аслижан подрастали. Дети свободно говорили на кабардинском языке. Они стали прекрасными помощниками Лях в большом хозяйстве Астемировых. Лях была довольна ими. Были довольны и хозяйева. Дети никогда не спрашивали Лях, кто у них родители. Да и повода для этого не было. Напротив, дети очень привязались к ней и, похоже, очень любили ее, особенно Аслижан. Лях и Аслижан спали вместе, и часто в обнимку. Утром, бывало, проснется Лях, а на ее шее висит рука Аслижан. Чтобы не будить, она тихо и нежно высвобождалась из-под ее руки, и, поцеловав дочку, а затем поправив сыну одеяло, принималось за работу по хозяйству. Дети стали для нее больше, чем родные. Она теперь не мыслила жизни без Куаргота и Аслижан, не чаяла в них души, любила их больше жизни и благодарила каждый день Аллаха за то, что он ниспослал ей утешение в ее одиночестве.

Но как-то днем Аслижан пришла домой с заплаканными глазами и, грустная, уселась на крыльце. Увидев ее, Лях спрашивает:

– Что с тобой, моя девочка? Почему такая грустная?

– Это правда, что ты мне неродная мать? Это правда? – спросила Аслижан дрожащим голосом и заплакала.

В глазах Лях потемнело, вся обмякла, стало тяжело дышать, будто кто-то душил ее, сжимал ей сердце. Она потихоньку села рядом с Аслижан, обняла ее и тоже заплакала, заплакала горько...

Когда, наконец, они успокоились, Лях вытерла чистым краешком своего фартука влажные от слез глаза Аслижан, погладила ее по голове и сказала:

– Не верь злым языкам, Аслижан. Ты мне дочь и Куаргот мой сын. Вы оба мне родные, самые что ни есть родные дети. Ближе и дороже вас у меня никого нет на свете. И живу я на этой земле ради вас. Помни об этом всегда. А теперь пойдем, дочка, помоги мне немного.

Женщины поднялись. Прижимаясь друг к другу, шли самые близкие на земле люди: пожилая Лях, которая после услышанного, казалось, еще больше постарела и сторбилась, и двенадцатилетняя Аслижан, засиявшая снова от теплых, самых дорогих сердцу материнских слов.

Куаргот в этот день находился на пастбище, вместе с взрослыми мужчинами пас коров, овец и коз. Ему это нравилось. В свои пятнадцать лет Куаргот

заметно вытянулся, повзрослел. Он уже давно оставил улицу, детские игры-забавы и больше тянулся к серьезным делам. Особенно он любил лошадей, мог целыми днями возиться с ними и не упускал возможности поскакать по полям. Вечером, уставший, он возвращался домой, поужинав, заваливался и спал, как убитый.

Между тем жители селения Астемирово готовились к переселению на новое место жительства. Они собирались поселиться на берегу речки Заманкул, у подножья Сунженского хребта. Так решил правитель аула хаджи Кудаберд Астемиров, который побывал там вместе с другом Темрюком Хапцевым, правителем соседнего аула. Кудаберд уже отправил на Заманкул людей, чтобы они обживали это место до прибытия туда всего аула, опередив Хапцева, который тоже был не прочь поселиться у подножья хребта, богатого плодородными землями, пастбищами и лесными угожьями.

Первыми переехали на новое место жительства – на Заманкул – сами Астемировы со своими унаутами. Они расселились на самых удобных, выгодных местах. Затем в течение нескольких дней перебрались туда и остальные жители села. Так, летом 1853 года аул Астемирова, третий раз за свою бытность, поменял место своего расположения. Оно оказалось очень удобным для проживания. Речка, обширные пастбища и плодородные земли давали прекрасные возможности для ведения хозяйства, а здешние леса обеспечивали астемировцев строительным материалом и дровами на зиму. А сколько в этих лесах ягод, плодов и орехов! Куаргот иногда поднимался на хребет, углубляясь в лес, чтобы собрать лесных лакомств для Лях и Аслижан.

Последнее время Лях часто болела, сказывались возраст и изнурительная работа в хозяйстве Астемировых. Несмотря на это, она старалась поменьше привлекать к работе детей и самой управляться со всеми делами. Это не нравилось Суратхан, хозяйке дома. Она была строгой и требовательной правительницей. Суратхан настаивала, чтобы Лях рано поднимала детей с постели и заставляла их работать. Гуаша следила за тем, чем занимаются молодые унауты днем.

– Не надо их жалеть, – предупреждала она Лях. – Они унауты, поэтому должны хорошо работать, а не зря есть хлеб.

В семье поручика Едыга Астемирова росли две дочери. Сам он находился на службе в русской армии, дома бывал редко, в году один-два раза приезжал в отпуск на недельку-другую. Поэтому все дела по хозяйству ложились на плечи Суратхан. А когда внезапно умер Кудаберд, отец Едыга, забот прибавилось еще больше. И, надо сказать, она справлялась с ними неплохо. Правда, после смерти отца Едыг чаще стал навещать семью, да и родные его дядья, Хашок и Зауль, всегда приходили на помощь хозяйке большого двора.

Прошло десять лет с тех пор, как астемировцы поселились на берегах речки Заманкул. Они освоили здешние земли, разводили скот и выращивали хлеб, растили детей и жили в мире и согласии с соседними ингушами. Выросли и повзрослели Куаргот и Аслижан. Куаргот стал уже старшим табунщиком Едыга Астемирова. Он целыми днями находился со своими двумя помощниками на пастбище, пас астемировских лошадей. Едыг разрешил им оседлать по одному жеребцу из своего табуна, а Куарготу, как старшему табунщику, дал винтовку. Парень особо гордился этим оружием. В свои двадцать пять лет Куаргот стал видным в ауле молодцем, был умен и красив, храбр, имел много друзей, но был немногословен и застенчив, краснел при встречах с девушками. Он редко ходил

на свадьбы и вечеринки. Другое дело Аслижан. Она была веселая и общительная девушка. Смуглая, черноволосая и красивая Аслижан не упускала возможности сходить со своими туда, где было веселье, музыка, танцы. Стройная и грациозная, она превосходно танцевала. И у нее было немало поклонников среди сельских парней.

Но последнее время Аслижан никуда не выходила, ухаживала за больной матерью. Уже месяц, как слегла Лях. Целыми днями Аслижан работала во дворе хозяйина, а в свободное время и вечерами находилась возле нее. Молча, опустив голову, вечерами сидела около матери и Куаргот. Дети видели, как она мучается, страдает, понимали безысходность, понимали, что она доживает последние дни, и ничем не могли ей помочь.

Вечером, когда Куаргот пришел домой, Лях ослабшим голосом позвала детей, усадила их рядом с собой. По ее щекам текли слезы, дышала она тяжело, с хрипом.

– Что с тобой, мать? Почему ты плачешь? – спросила Аслижан и тоже заплакала.

– Дети мои, – начала Лях, немного успокоившись. – Мне помирать скоро, отжила я свой век. Перед смертью хочу поведать об одной тайне, которую скрывала от вас все эти годы. Я не могу унести ее с собой в могилу... Мне тяжело говорить, но вы должны знать об этом...

Брат и сестра встревожились. О чем мать хочет рассказать им? О какой тайне?

– Помнишь, Аслижан, – продолжала Лях, тихонько вытирая слезы, – много лет назад, когда мы жили на Тереке, ты была еще девчушкой, спросила меня, родная ли я тебе мать? Я сказала тогда неправду, боялась потерять вас... Прости, дочка. И ты прости, Куаргот... Ваша настоящая мать, та, которая родила вас, умерла, когда вы были еще маленькие... Вы не могли помнить ее... Она скончалась на берегу Сунжи, на той стороне реки... На том же месте ее и похоронили. Но где именно, мне неизвестно... Слышала от гуаши, что ваша родина Дагестан... Вас подобрали братья Астемировы, привезли в село и подарили Суратхан, молодой тогда гуаше. Она отдала мне вас на воспитание, хотела, чтобы я из вас сделала хороших, трудолюбивых унаутов. Я жила одна, из родных у меня никого уже не было... И тут появились вы... Я благодарна Аллаху, судьбе за это... Вы выросли, здоровы, красивы. Самое дорогое, что у меня есть, – это вы... Куаргот, береги сестру, любите друг друга, вы от одной матери, одной крови...

Лях пыталась еще что-то сказать, но умолкла, тихонько закрыв глаза. Аслижан плакала навзрыд, схватив обеими руками, целовала охладевшую руку старой унаутки, которая в эти минуты стала для нее еще дороже. Плакал и Куаргот.

– Ты наша мать, мы другую не знаем, – заговорили в один голос брат и сестра. – Ты нас кормила, ты воспитала... Слышишь, мать?

Но Лях эти слова уже не слышала... Ее похоронили на следующий день. Похоронили в той части кладбища, которая по традиции была отведена для «простых». Куаргот и Аслижан часто приходили сюда, к могиле Лях, ставшей для них самым дорогим на земле человеком, приходили, чтоб поклониться ее праху.

Прошло больше года, как ее не стало. Куаргот, как и прежде, пас астемировских лошадей, а Аслижан работала в доме своей госпожи. Молодым было



в пору обзавестись семьями, но гуаша непреклонна, не разрешает, говорит, что для этого не настало время. Еще при жизни Лях пыталась уговорить Суратхан, чтобы она не мешала их счастью...

– Рано лишившись своих родителей, они остались сиротами, несчастными, – говорила она гуаше. – И когда они выросли, стали красивыми, умными и настало для них время обзавестись семьей, позволь им это сделать, будь к ним добра и великодушна, не лишай их счастья второй раз, судьба молодых – в твоей власти. Всю жизнь я честно служила этому дому, у меня не было своей семьи, и знаю, что такое одиночество. Мне было далеко за пятьдесят лет, когда вы отдали их мне на воспитание. Если бы не они, я бы давно уже не жила. Суратхан, я стара, скоро помирать мне. Пообещай, что разрешишь им обзавестись семьями.

– Мы двадцать лет кормили их, одевали. Пускай отработают, а потом я дам им согласие на брак, – был ответ госпожи.

Лях умолчала тогда об этом разговоре и не стала рассказывать Куарготу и Аслижан. Но она всегда подчеркивала в беседах с ними, что они уже выросли, у них будут свои семьи, свои дети, внуки...

Друзья Куаргота Мси и Нашхо, были уже женаты, и не раз они твердили ему:

– Куаргот, почему не женишься? Ведь сколько девушек сохнет по тебе!

И каждый раз он старался отделаться шутками. Но когда ему стало невозможно от вопросов надоедливых друзей, он с грустью произнес:

– Я бы, может, и женился, но мне нельзя этого делать без разрешения моей госпожи. А я не осмелюсь об этом говорить. Была бы жива мать, может, она уговорила бы ее...

– Да разрешит она, мы ей скажем...

– Не переживай, Куаргот, мы все уладим.

На следующий день друзья отправились к Астемировым. Суратхан стояла во дворе, давая указания прислуге. Друзья вежливо поздоровались с ней. Когда унауты ушли выполнять указания госпожи, Мси, смущаясь, начал разговор:

– Не знаю с чего начать, Суратхан. Вообще, мы по поводу нашего друга Куаргота...

– Что-нибудь случилось с ним? – спросила она.

– Нет, с ним, слава Аллаху, ничего не случилось. Мы пришли просить за него, – поддержал друга Нашхо. – Вы знаете, что мы друзья Куаргота, росли вместе. Мы просим, чтобы вы разрешили ему жениться. И возраст у него уже...

– Сам он не решается сказать вам об этом, стесняется, – продолжил разговор Мси.

– Я знаю. Он уже взрослый, пора жениться, – согласилась с ними гуаша. – Об этом мне намекали и другие. Сегодня позволь ему жениться, а завтра пожелает замуж и Аслижан. А я не собираюсь терять хорошую унаутку. Поэтому, если Куаргот хочет жениться, пускай возьмет ее в жены.

– Вы, наверное, шутите, Суратхан, – не понял Мси.

– Они же брат и сестра, родные, – возмущился Нашхо.

– Да, но они мои унауты, и я буду поступать с ними так, как захочу, – сказав, Суратхан пошла в дом.

Друзья никак не ждали от нее такого ответа. Они стояли посередине двора одни, не зная, что делать и как поступить дальше.

– Что стали, как вкопанные, – «разбудил» их старый Хащица, один из унаугов Суратхан, все это время наблюдавший за ними. – Не смогли ее убедить?

Опомнившись, Мси и Нашхо покинули астемировский двор, пожелав старику здоровья и долголетия.

– Как у нее язык повернулся сказать такое? – не унимался Нашхо.

– Какая жестокость и бессердечие! Что мы скажем Куарготу?

Мси шел молча. Всегда спокойный и рассудительный, он тоже думал об этом.

– Вот что, – произнес, наконец, Мси. – Пока не надо говорить ему об этом. Делай вид, что ничего не произошло, будто мы не ходили к ней.

– Как так? Он же узнает, что мы были у Суратхан. А если спросит?

– А если спросит, расскажем все, как было, – закончил Мси.

Прошло несколько дней. Мси и Нашхо старались избегать встречи с Куарготом. Да и ему было некогда: рано выгонял лошадей на пастбище, поздно возвращался. Прошло еще два дня. Никогда не случалось, чтобы столько времени друзья не встречались. Аслижан тоже заметила это.

– Что-то давно не видать твоих друзей. Поругались, что ли? – спросила она брата, собиравшегося на работу.

– Да нет, просто некогда. Вечером загляну к ним.

Куаргот знал, что они ходили к госпоже Суратхан и ушли от нее расстроенными. Старый Хащица поведал ему об этом. Поэтому нетрудно было догадаться, почему Мси и Нашхо «исчезли». Три дня, как он уже знает о визите его друзей к Суратхан. Все это время он думал о том, что же она ответила им. И, по правде сказать, не торопился услышать слова, от которых они ушли от гуаши расстроенными. И все же, вечером, закончив все дела в хозяйстве, Куаргот пошел к Мси. Из его друзей он был самым старшим. Проводив Нашхо перед его приходом, Мси собирался спать. На лай собаки он вышел во двор.

– А-а, это ты, Куаргот? Только что мы с Нашхо говорили о тебе, – сказал Мси, поздоровавшись с другом. – Что-то ты совсем пропал.

– Да, никак не выберусь, – стал оправдываться Куаргот. – Кстати, мы с сестрой тоже говорили сегодня утром об этом. Она интересовалась, почему вы исчезли.

Куаргот не стал заходить в дом. Друзья расположились на бревне, лежавшем во дворе у плетня. Ночь стояла лунная, кругом было тихо. Умолкли лесные птицы. Лишь крик совы, доносившийся изредка, да свежий ароматный ветерок напоминали о близости леса. Приятно убаюкивала своим шуршанием и речка Заманкул, которая протекала рядом. Реже стали квакать лягушки, приутихли жучки-светлячки...

Друзья, казалось, не замечали всего этого. Они оживленно рассказывали друг другу о своих делах, новостях и многом другом. Но ни словом не обмолвились о том, что у каждого было в мыслях. Наговорившись, друзья приутихли.

– Я слышал, вы ходили к Суратхан, – начал первым Куаргот.

– А кто тебе сказал, что мы были у нее? Небось, старый Хащица?

– Что она вам ответила?

Мси сидел молча, опустив голову. Он не знал, что ему ответить, не решался передать другу слова госпожи. Как жаль, что Куаргот не застал здесь Нашхо. Тот бы запросто смог рассказать ему обо всем...

– Ну, что она вам ответила? – настаивал Куаргот. – Судя по тому, как вы прятались от меня, разговор получился неприятный.

– Да, разговор был очень неприятным. В общем, она не хочет, чтобы ты женился. Вернее, она сказала: «Если Куаргот хочет жениться, пускай возьмет в жены свою сестру. Я не желаю терять хорошую унаутку, отдав ее замуж за кого-нибудь в чужой дом».

– Что? Она так и сказала? – переспросил Куаргот.

– Да. Мы с Нашхо были возмущены ее наглостью и жестокостью. Она не захотела выслушать нас до конца. Сказала свое и пошла в дом...

Куаргот уже не слышал Мси. В душе он оплакивал свою несчастную судьбу и участь сестры. Он невольно вспомнил слова Лях: «Не давай сестру в обиду, любите друг друга, вы от одной матери, одной крови...».

«Да, – подумал Куаргот, – бедная матушка Лях, тысячу раз она была права. Настало время постоять за себя, уже не дети...»

Он решительно поднялся. Пора домой, время уже за полночь. Да и сестра, наверное, ждет, переживает. Друзья попрощались.

– Ты не очень-то расстраивайся, Куаргот. Подождем еще. Я думаю, все уладится, – сказал Мси, провожая друга до калитки.

– Я не тороплюсь, Мси. Спокойной ночи.

Куаргот направился домой. Стоя у калитки, Мси провожал его взглядом, пока друг не растворился в темноте. Мси искренне переживал за него и был готов сделать все, чтобы к нему вновь вернулись покой и радость. Но, похоже, они покинули его надолго. Куаргот шел домой, не чувствуя под собой земли, все думал: «Как она смогла сказать такое? Что мы – животные? Как нам жить здесь после этого? Как смотреть ей в лицо?..» Весь следующий день он ходил мрачный, ни с кем не разговаривал, на вопросы табунщиков отвечал коротко или кивком головы. Его не покидала мысль: «Как она смогла сказать такое?.. Надо все бросить и бежать, забрать сестру и сбежать. Но куда? Может, в Дагестан? Перед смертью бедная матушка Лях говорила, что там наша родина. Но в Дагестане мы никого не знаем, нам незнаком даже их язык... Да какая разница, куда идти, хоть в Чечню, в Осетию, в лес, и куда угодно, лишь бы не жить здесь. Тут нам не будет ни покоя, ни счастья. Но прежде, чем покинуть этот аул, надо «отблагодарить» гуашу за «добрые» нам с сестрой пожелания. А потом идти, куда глаза глядят...».

Вечером, расставаясь, Куаргот предупредил своих помощников, чтобы утром они без него выгнали лошадей на пастбище, ему будет некогда. Поужинав, он лег спать. Заснул быстро. Возможно, оттого, что немного успокоился, приняв твердое решение завтра же уехать из села. Утром он встал раньше обычного, собрал свои вещи, завернул их в бурку и связал. Поднялась и Аслижан.

– Хорошо, что ты проснулась, – сказал Куаргот, обращаясь к сестре. – Собирайся, мы скоро уедем из этого села.

– Как уедем? Куда? Насовсем?

– Да, навсегда.

– Почему? Что случилось?

– Потом расскажу, Аслижан, сейчас некогда. Слушай меня. Собери свои вещи и, как только взойдет солнце, иди к речке, будто собралась на стирку. Жди там, пока я не подъеду. Да, не забудь взять с собой что-нибудь поесть.

Взяв бурку с вещами и винтовку, Куаргот ушел. Ушел, чтобы больше сюда не возвращаться, никогда. Уходя, он обернулся, глянул последний раз на свой дом – мазанку, где прожил юные, самые счастливые годы своей жизни. В одно мгновение перед глазами предстала матушка Лях с ее любимым темно-коричневым в полоску платком на голове, всегда добрая, улыбающаяся, чуть сторбившаяся, с грубоватыми, шершавыми от тяжелой и грязной работы руками... Такой она запомнится ему на всю жизнь. Вновь вспомнились ее предсмертные слова: «Не давай сестру в обиду, любите друг друга, вы от одной матери, одной крови...». Сдерживая наворачнувшиеся на глаза слезы, он решительно зашагал в сторону конюшни. Табунчики собирались выгонять лошадей на пастбище. Куаргот оседлал коня и уехал, сказав, что скоро догонит их. Он выехал из аула, затем объехал его с другой стороны и остановился в орешнике на берегу речки. Здесь Куаргот оставил коня. Недалеко отсюда, на возвышенности, располагался астемировский двор. Взяв винтовку, он поднялся ближе к нему и засел в зарослях терна. Ждать пришлось недолго. Поднялось солнце, и вскоре показалась госпожа Суратхан, как обычно, в сопровождении унаутки, которая несла кубган. Куаргот, не спеша, прицелился и нажал на курок. Выстрел был метким. Вскинув руки, она рухнула на землю. Унаутка не сразу поняла, в чем дело. А когда увидела кровь на ее груди, в ужас бросила кубган и побежала назад, крича во весь голос: «Гуашу убили!..»

Куаргот вскочил на коня и умчался к речке, к тому месту, где ждала его Аслижан. Перейдя речку, брат и сестра поднялись на хребет и ушли в лес.

– Куаргот, куда мы идем? Почему мы должны покинуть аул? Что случилось? – Аслижан засыпала вопросами своего брата.

Куаргот молчал. Она понимала, что брат не зря сбежал от Астемировых. Суратхан была очень строгой, порой жестокой правительницей. Ее муж, Едыг, был куда добрее, чем она. Но, к сожалению, он редко бывал дома, все время проводил на военной службе. Говорят, он получил высокий военный чин, командует солдатами. После смерти Лях гуаша стала строже относиться к ним, придиралась по всяким пустякам. Аслижан видела это, чувствовала. Но что делать? Жить-то надо. Видать, такова судьба. Как бы ни было трудно, Аслижан не хотела покидать родное село. Здесь все-таки подруги, друзья, здесь все знакомо. Но брат так решил, ему виднее.

– И где мы будем жить? – спросила Аслижан, мысленно смирившись с тем, что они навсегда покидают родной аул.

– Сам не знаю, думаю, – ответил Куаргот. – Но ты пока поживешь у моего знакомого осетина. Его зовут Зураб, он тоже табунщик. Сейчас мы идем в село, где он живет. Это недалеко отсюда. Побудешь там некоторое время, потом я заберу тебя. Все будет хорошо, Аслижан, не переживай.

Аслижан немного успокоилась. Спустившись вниз по ту сторону хребта, они направились в осетинское село, которое кабардинцы называют Берд-куаже (Бердкѳуажѳ). Не доходя до села, путники остановились на отдых. Торопиться было некуда. Куаргот знал, что Зураб вернется домой только вечером, а днем он на пастбище – пасет лошадей.

Зураб и Куаргот впервые встретились года два тому назад. В поисках пропавшего жеребца Зураб приезжал к астемировским табунщикам. Тогда они и познакомились. После этого они виделись еще несколько раз: то во время перегона лошадей с одного места на другое, то случилось так, что они рядом

пасли животных и просто навещали друг друга. Зураб почти вдвое был старше Куаргота, немного говорил по-кабардински. Этим он гордился.

Перекусив слегка из скудного запаса еды, Куаргот прилег. Уставший за день, он вскоре заснул. Стояла жара, в тени под деревом и то было душно. Но после обеда подул ветерок. Стало легче. Аслижан сидела рядом с отдыхающим братом и смотрела вдаль. На душе ее было беспокойно, терзали мысли: «Что будет с нами? Куда податься? Где жить?..». Затем успокаивала себя, глядя на спящего рядом брата: «Куаргот сказал, что все будет хорошо. Ему виднее». Аслижан старалась избавиться от грустных дум, но ей это не удавалось, мысли все лезли и лезли в голову, будь они неладны.

Куаргот зашевелился, открыл глаза и спросил:

– Я долго спал?

– Да нет, недолго, – ответила сестра. – Хотя, уже вечереет.

Погруженная в свои думы, она не заметила, как прошло время. Солнце скрылось за горизонтом. Куаргот поднялся, поправил на себе одежду и стал собираться. Поднялась и Аслижан. Ведя коня на поводу, брат и сестра направились в Берд-куаже. Куарготу раньше не приходилось бывать дома у осетинского друга, не знал, где он живет. Но табунщика Зураба в этом небольшом ауле знали все, поэтому найти его дом не составило большого труда. Первый же встречный в селе, услышав имя знаменитого табунщика, показал незнакомцам, где он живет.

На улицах аула было шумно: скотина возвращалась домой – мычание коров, блеяние овец и коз, крики пастухов – все перемешалось. Пыль стояла столбом. Куаргот и Аслижан шли по улице незнакомого аула, держась подальше от всего этого, и, казалось, никто не обращал на них внимания. Пройдя еще немного, они остановились у ворот дома, в котором живет, как им объяснили, семья табунщика Зураба. Ворота были открыты, и возле них стояли женщины, одна постарше и две молодые, и несколько детей разных возрастов. Видать, они вышли навстречу животным, возвращающимся с пастбища. Куаргот подошел к женщинам, поздоровался с ними кивком головы и спросил: «Здесь живет Зураб?» Услышав имя хозяина дома, женщина, которая была постарше, кивнула утвердительно и показала рукой в сторону, где он в данное время находится и откуда должен вернуться.

– Да, это дом Зураба, – сказал Куаргот сестре, которая стояла чуть в стороне. – А эти все, наверное, его семья: жена, дети, внуки. Сам он еще не вернулся с пастбища, будем ждать его здесь.

Женщины смотрели в их сторону и о чем-то говорили. Запустив во двор возвратившийся с пастбища скот, они закрыли ворота. Затем та, которая была постарше, подошла к ним и стала что-то говорить, показывая в сторону дома. Видимо, приглашала в гости. Куаргот поблагодарил за приглашение и дал понять ей, что Зураба они подождут на улице. Женщина ушла. После этого она несколько раз выглядывала. Вероятно, переживала, что они ждут мужа не в доме, а на улице. Стало темнеть, на небе появилась луна, подул свежий ветерок. Послышался размеренный топот коня. Вскоре показался и всадник. Это был Зураб. Он подъехал к воротам, спешил. Зураб не сразу разглядел стоящих возле ворот людей. Куаргот подошел к нему поближе и произнес:

– Зураб, это я, твой приятель – табунщик Куаргот. Помнишь такого?

– Конечно, Куаргот, – обрадовался знакомому голосу хозяин дома. – Добро пожаловать. Почему ты здесь, на улице? Пошли в дом. Ты не один?

– Я не один. Со мной моя сестра, Аслижан.

– Очень хорошо, идемте в дом. И коня давай во двор заводи.

– Зураб! Я к тебе по делу...

– Пошли в дом, там поговорим.

За ужином Куаргот рассказал Зурабу обо всем.

– Да, плохи дела. Но можешь на меня положиться. Что я должен для тебя сделать? – сказал хозяин дома, выслушав его внимательно.

– Я прошу тебя, Зураб, об одном: пусть сестра поживет у тебя некоторое время. Потом я заберу ее. Вдруг случится так, что я не вернусь, поступай с ней, как хочешь, по совести. Можешь отдать замуж или в унауты. Лишь бы она была жива и здорова. Наш разговор должен остаться между нами. Даже моя сестра не знает о причине нашего бегства. И не должна знать.

– Все будет так, как ты хочешь, Куаргот. О сестре можешь не беспокоиться. У меня две дочери, добавится еще одна, и будет их у меня три. В обиду никому не дам.

– Спасибо, Зураб. Я этого никогда не забуду. А теперь поеду, скажу только вот сестре...

– Нет, поедешь утром. Отдохни, торопиться тебе некуда.

– Хорошо, поеду утром. На самом деле, торопиться некуда.

Утром, когда Куаргот проснулся и вышел во двор, Зураб и его сыновья возились по хозяйству, а хозяйка дома готовила завтрак. Пожелав доброго дня, Зураб пригласил гостя к небольшому круглому столу. Жена быстро накрыла стол. И пока мужчины ели, она собрала в котомку продукты Куарготу на дорогу.

Прощавшись с добрыми хозяевами, Куаргот уехал. Вышла провожать брата и сестра. Аслижан долго смотрела ему вслед, будто знала, что видит его в последний раз. Сердце ее невольно наполнилось предчувствием большой беды. Куаргот направлялся к Заманкулу. Что-то тянуло его в родные места. Он не мог, как и Аслижан, смириться с тем, что оставляет навсегда все самое близкое и дорогое, с чем связаны его детство и юность. Да и не успел он тогда попрощаться с Мси и Нашхо, которые стали для него больше, чем друзья. Он всегда делился с ними последним куском хлеба и считал их своими братьями. И, наконец, Куаргот хотел еще раз поглядеть на родные места, прежде чем покинуть их навсегда. К полудню он уже был в знакомых с детства лесах Сунженского хребта.

Расседлав коня, Куаргот перекусил немного и прилег отдохнуть. Под нежное шуршание листьев и разноголосое пение птиц он вскоре вздремнул. В этот день хоронили Суратхан. Правитель аула хаджи Хакаяша Астемиров отправил гонца в округ с сообщением о случившейся беде и просьбой направить в село солдат для поимки убийцы. Хакаяша также просил начальника округа вызвать домой майора Едыга Астемирова – мужа убитой госпожи. В ауле уже знали, что гуашу убил Куаргот. Трудно было в это поверить, но брат и сестра исчезли и не появлялись уже вторые сутки, и это давало жителям аула повод для подозрений. Очень переживали о случившемся Мси и Нашхо, переживали за друга. Мси винил и себя в случившемся: «Не надо было обо всем говорить Куарготу». Затем успокаивал себя: «Я же не знал, что он на это пойдет». Он ходил настолько опечаленный, что не мог смотреть людям в глаза.

Друзья знали, что правитель села вызвал солдат. Они должны появиться в Астемирово со дня на день. Надо бы предупредить Куаргота. Но как? Как узнать, где скрываются брат и сестра? Может, в лесу? Они не могли далеко уйти. Да и идти-то им некуда. Но в лесу оставаться опасно. Куаргот это понимает. Он слишком умен, чтобы не знать это. Долго оставаться в лесу он не станет. Может, Куаргот подался к ингушам или осетинам? У него есть знакомые среди них. Мси и Нашхо решили завтра с утра начать их поиски, побывать в лесу, в тех местах, куда они любили ходить в детстве.

Куаргот вздремнул ненадолго, вскоре проснулся. Он решил выйти из леса и посмотреть, нет ли кого из друзей, знакомых поблизости, на сенокосе или на пастбище? Не стал он идти с хребта по известной всем жителям аула тропинке, осторожность не помешает. Куаргот понимал, что его уже ищут, и старался быть незамеченным. Он спустился с хребта в том месте, где обычно люди не ходят. Здесь же перешел речку Заманкул, сполоснув в холодной воде руки и лицо. Куаргот остановился на окраине леса и стал разглядывать прилегающее к нему поле. Людей не было видно, но на склонах возвышающегося над долиной небольшого хребта паслись коровы, козы, овцы. «Пастухи, наверное, отдыхают где-нибудь там, в тени», – подумал он. Затем сам прилег на траву под деревьями и решил подождать немного, понаблюдать, может, кто из знакомых появится? Куаргот догадывался, почему нынче так безлюдно кругом. По обычаю, в день похорон людей княжеского или тлекотлешского происхождения никто из жителей аула не работал, все они должны были быть в трауре. По всему видно – сегодня хоронят гуашу. К вечеру пастухи «зашевелились». Сначала один, потом показались второй и третий, и начали сгонять скот, чтобы отправить домой. Куаргот встал и пошел к ним. Это были пастухи Ельмурзы Астемирова. Куаргот хорошо знал старшего из них. Его звали Хамид. А двое других были подростки, его помощники.

Хамид растерялся, увидев Куаргота. Он не мог предположить, что беглец все еще здесь, поблизости. Жители аула считают, что брат и сестра уже далеко отсюда. Куаргот поздоровался. Придя в себя, Хамид пожал ему руку и начал разговор с расспросов:

– Ты еще здесь? Тебя же ищут. Говорят, вызвали солдат. Тебе лучше уехать, а то не ровен час...

– Я скоро уеду, Хамид, – перебил его Куаргот. – Ты мне лучше скажи, сегодня хоронили Суратхан?

– Да.

– У меня к тебе просьба. Найди вечером кого-нибудь из моих друзей, Мси или Нашхо, и передай, что я жду их завтра в долине. Пускай придут косить сено. Но никому другому ни слова о нашей встрече. Хорошо?

– Хорошо, Куаргот, можешь не беспокоиться, я найду их. Но лучше бы ты уехал.

– Спасибо, Хамид. Я буду всегда помнить о вас.

Попрощавшись с ним, Куаргот ушел в лес, в свой «лагерь». Он отвел коня к речке, напоил водой. Затем сам поел немного и лег спать, положив винтовку рядом. «Значит, вызвали солдат... Скоро они будут в ауле и начнут нас искать. Надо уехать. Прощаюсь с друзьями и покину эти края, уеду навсегда...». С этими мыслями он заснул.

На следующий день Куаргот снова пошел к долине, куда должны были прийти Мси и Нашхо на заготовку сена. Он не сомневался, что Хамид выполнит его просьбу.

Куаргот осторожно вышел на опушку леса. На небольших склонах хребта, в разных местах долины работали косари, то там, то здесь по полю носились пастухи, погоняя скотину. Где-то недалеко застучал в лесу топор лесоруба. Всюду кипела работа. Как он хотел сейчас оказаться снова со своими помощниками-табунщиками, Али и Хадисом, на пастбище, скакать по полям... Среди косарей, что на склоне хребта, он разглядел своих друзей. Куаргот не спеша направился к ним. Друзья обнялись.

– Что ты наделал, Куаргот, – начал Мси, – я же просил тебя подождать, не торопиться с выводами. Теперь все уже потеряно. Оставаться тебе здесь нельзя.

– Мы думали, что ты уехал к соседним ингушам или осетинам. А где Аслижан? – спросил Нашхо.

– С ней все в порядке. Она в безопасном месте, – успокоил его Куаргот. – Все эти разговоры, Мси, уже ни к чему. Я уеду сегодня же. Просто не мог этого сделать, не попрощавшись с вами.

– Ладно, Куаргот, – продолжил Мси. – Торчать тебе здесь долго нельзя, иди в лес. Увидимся завтра утром на опушке, не выходи в поле. Мы принесем тебе продукты и прощаемся. Надо уехать, пока солдаты не прибыли в село. Все. Теперь иди.

– Хорошо, до завтра.

Куаргот вернулся в лес. К вечеру отряд из пятнадцати казаков въехал в аул. Хаджи Хакяша Астемиров, ставший правителем села после смерти Кудабера, с нетерпением ждал их. Ему недавно стало известно, что Куаргот с сестрой скрывается в здешних лесах и появился сегодня в долине. Прибытие казаков было очень кстати. Ельмурза Астемиров, владевший неплохо русским языком, объяснил ситуацию командиру отряда. Было решено выступить сегодня же ночью, устроив в лесу засаду. Казакам в подмогу присоединялись несколько уорков во главе с Ельмурзой, хорошо знавшим местность. Предписание начальника округа командиру отряда гласило: «...Подозреваемого в убийстве госпожи холопа доставить в округ живьем, при невозможности оного применить оружие...» Таким образом, у казаков имелось четкое указание начальства: арестовать или убить Куаргота.

Правитель аула распорядился накормить прибывших казаков и расположить их на отдых. Предусмотрительный Хакяша распорядился также выставить из числа своих уорков дозор на дорогах, ведущих к лесу. Он не исключал возможности, что друзья Куаргота попытаются сообщить ему об опасности. И на всякий случай Астемиров велел предупредить всех сельчан, чтоб они не уходили этой ночью за пределы аула во избежание неприятностей. После полуночи казаки в сопровождении уорков пешим порядком выступили к лесу. План засады был прост: на расстоянии двадцати шагов друг от друга затаиться вдоль леса, углубившись в него на тридцать шагов, и ждать появления беглеца. Если в течение суток он не выйдет из леса, начать поиск.

Наступило утро. Вместе с первыми лучами солнца проснулся и Куаргот. Спалось удивительно хорошо. Ему не хотелось вставать. Когда еще представится такой случай: лежать вот так, беззаботно, и слушать пение птиц в родных лесах, слушать, как дятел неустанно стучит своим «железным» клювом



по твердому стволу, доставая из него всяких червяков, наблюдать за жучками, муравьями и другими насекомыми, занятыми с раннего утра своими повседневными делами. А какие здесь растут деревья! Они стоят, самые разнообразные, не шелхнутся, будто не проснулись еще. И листва на них самых разных форм и оттенков зеленого, как и сами деревья. И до того густая, что лучи солнца пробиться не могут. Пахло свежестью, неповторимым ароматом...

Куаргот разбудил встревоженный чем-то конь, стоявший неподалеку. Он быстро встал и подошел к нему. Причиной тревоги, как оказалось, был еж, который, ошетилившись, лежал перед носом его скакуна. Куаргот взял ежа осторожно, чтоб не уколоться, отошел с ним подальше и отпустил. Конь успокоился. Хозяин погладил его, похлопал по шее и стал собираться в дорогу. С рассветом на опушке леса его будут ждать Мси и Нашхо. Взяв винтовку, Куаргот направился к долине по «своей» тропинке. Кругом было тихо. Лишь пение птиц да шуршание речки Заманкул оживляли тишину. Он подошел к окраине леса, глянул на поле. Кругом ни души: ни людей, ни скота. Он не успел осмыслить, в чем дело, как сзади что-то хрустнуло, послышались шаги. Куаргот резко обернулся, присел и стал всматриваться. «Не может быть! Казаки! Засада!» – быстро сообразил он, увидев сбегающих к нему солдат. И в это время зазвучал голос Ельмурзы Астемирова:

– Брось оружие, собачий сын. Сдавайся, ты окружен.

– Ты сам собачий сын, арестуй, если сможешь, – ответил ему Куаргот и первым же выстрелом уложил здорового казака, попытавшегося перебежать от одного дерева к другому.

Куаргот сам встал за дерево, а рядом в двух-трех шагах начиналось поле.

«В лес сейчас не пробиться, на пути казаки, – стал он быстро соображать, как поступить дальше. – Надо действовать хитростью: выманить их в долину, а затем попытаться прорваться туда...»

– Последний раз говорю: бросай оружие и сдавайся, если хочешь жить, – снова прогремел голос Ельмурзы.

«Как бы не так, – думал про себя Куаргот. – Если я сдамся, завтра же расстреляете. Поэтому и хотите взять живым. Ну, раз так, значит, убивать сейчас не будут. Надо воспользоваться этим и выманить их в поле. А там посмотрим».

– Ельмурза! Если хотите, чтоб я сдался, выходите из леса, идите за мной на поле, – ответил Куаргот, и прежде чем выйти в поле, он прострелил голову казаку, высунувшемуся из-за дерева.

Куаргот устремился в поле. В трехстах метрах за долиной на пригорке росли деревья, терн. Успеть бы туда. Тогда можно спастись и снова уйти в лес. Сзади послышались крики на непонятном ему языке. Это казаки бежали за ним. Кричал и Ельмурза, требовавший немедленно остановиться. Куаргот преодолел половину пути до заветной цели. Казаки начали стрелять. Несколько пуль просвистело над его головой. Он бежал без оглядки и, обернувшись вдруг, выстрелил. Казаков стало еще на одного меньше. Но и сам был прошит несколькими пулями. Потемнело в глазах, горело все тело. Ноги стали подкашиваться, и он упал на колени. Казаки были близко. Превозмогая боль, собрав все силы, Куаргот произвел еще один выстрел. Но он не увидел, как рухнул подстреленный им четвертый казак.

Куаргот лежал на мягкой росистой траве посередине долины, истекая кровью. Глядя на чистое, безоблачное небо, он умирал безмолвно. Он думал в

предсмертной агонии о своей сестре, которая осталась в чужом ауле и ждет его. Он обещал вернуться и забрать ее. «Бедная Аслижан, теперь ты совсем одна на этом свете. Что теперь будет с тобой? Как несправедливо все это. О Аллах, будь великодушен к ней, помоги ей выжить...»

Казаки обступили умирающего табунщика и закололи его шашками. Веки его так и остались открытыми. А устремленные в небо глаза будто выражали его огромное желание жить...

Забрав тела убитых сослуживцев, казаки в тот же день покинули аул. Вскоре жители Астемирово узнали о смерти Куаргота. В долину Заманкула, где разыгралась трагедия, никого не пускали. Тело убитого лежало в поле. Уорки не знали, что с ним делать. Правитель села хаджи Хакяша Астемиров запретил хоронить его на кладбище.

– Тело этого собачьего сына надо выбросить волкам на съедение в лесу, – предложил Ельмурза Астемиров.

Хакяша согласился с ним. Однако жена покойного Кудаберда Астемирова, мать Едыга, возразила.

– Нельзя так поступать с покойным мусульманином. Не берите грех на душу. Он был хорошим работником, храбрым молодцем. Похороните его на том же месте, где был убит, – настояла она.

Так и поступили. Куаргота похоронили посреди поля в долине Заманкула. К вечеру в долину стали приходить жители аула. К месту захоронения Куаргота пришли его друзья, знакомые. Мси и Нашхо долго стояли у могилы друга, оплакивая его смерть.

– Прости, друг. Мы не смогли помочь тебе, не смогли предотвратить твоей гибели. Прости... – произнес Мси, вытирая слезы.

– Мы никогда не забудем тебя, Куаргот. Наши дети, внуки и правнуки будут знать о тебе, о твоей трагической смерти. Долину эту будут знать, как долину гибели знаменитого табунщика по имени Куаргот, – сказал Нашхо.

– Да, Нашхо. Мы назовем эту долину долиной захоронения Куаргота...

Прошло больше месяца, как похоронили Куаргота. Астемировы запретили ставить на его могиле памятник. Но простые сельчане стали с уважением относиться к месту захоронения знаменитого табунщика. Жители аула, как и прежде, пасли скот в долине речки Заманкул, косили сено, ездили в лес за дровами через эту долину. А посреди поля стояла одинокая могила...

Бедная Аслижан. Если бы она знала... Но она чувствовала беду. С того самого дня, как он вернулся на Заманкул, в душе она хоронила его каждый день, оплакивала ночами. Зураб, да и все в доме, видели, как она мучается, изменилась в лице, похудела. Они искренне жалели ее. Зураб старался утешить ее: «Все будет хорошо, Аслижан. Твой брат скоро вернется». Но его старания были напрасны. Она угасала с каждым днем. Зураб решил отправиться на поиски Куаргота, съездить на Заманкул, встретиться с астемировскими табунщиками. Он немного успокоил Аслижан, сказав ей о своем решении.

Рано утром, с первыми лучами солнца, Зураб уехал на Заманкул. Он знал, в каких местах обычно пасутся астемировские лошади. Около полудня он увидел их у подножья хребта. Узнал издали и табунщиков. Зураб подъехал к ним. Отдыхавшие в тени под деревом Али и Хадис встали и пошли навстречу гостю. Они тепло поздоровались, затем все трое сели под деревом. Разговорились. Зураб, как бы невзначай, спросил:

– А где Куаргот? Что-то его давно не видно.

Табунщики вдруг замолчали. Потом Хадис с грустью ответил ему:

– Куаргот умер. Его убили казаки... с помощью Астемировых. Он захоронен в долине. Хозяева не разрешили на кладбище...

Зураб загрузил. Али и Хадис, дополняя друг друга, рассказали ему, как это произошло.

Попрошавшись с ними, Зураб уехал. По дороге домой он все думал: «Как преподнести Аслижан весть о смерти брата. Она не перенесет этого. Может, умолчать об этом? Или сказать, что на Заманкуле его давно никто не видел. Но она не успокоится, пока не узнает, где брат. Лучше сказать правду».

Погруженный в эти думы, он въехал в свой аул. У ворот стояла Аслижан. Бедная, весь день она прождала его на улице, глядя на дорогу.

– Почему ты здесь, Аслижан? Пошли в дом, – сказал Зураб, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Зураб, вы узнали о нем?

– Идем, дочка, в дом. Там поговорим.

Жена, дочери, все в доме с нетерпением ждали вестей от хозяина. Зураб усадил Аслижан рядом с собой. Не знает, с чего начать.

– По вашему лицу я вижу, Зураб, что вы привезли мне недобрую весть. Скажите, что с братом? – взмолилась она.

– Я встретился с табунщиками, Хадисом и Али. Они поведали мне о твоем брате...

И Зураб рассказал ей о смерти Куаргота. По ее щекам покатались слезы, она зарыдала, причитая. Плакали все. Не выдержав, Зураб вышел во двор, вытирая слезы. Всю ночь в доме табунщика никто не спал...

Утром Аслижан стала укладывать в узелок свои вещи. Зураб и его жена забеспокоились. Неужто собирается в дорогу? Но куда?

– Куда собралась, доченька? Ты здесь останешься жить. Мы вот с женой решили удочерить тебя. Тебе у нас будет хорошо, – стал уговаривать ее Зураб.

– Вы очень добрые, хорошие люди, я знаю. Спасибо вам за все. Мне надо идти. У меня своя родина, хочу вернуться туда.

Аслижан покинула Берд-куаже и направилась в сторону Заманкула. Жители Астемирово видели ее в долине речки. Она долго стояла у могилы брата, оплакивая его гибель. Потом ушла...

И больше никто ее не видел. Одни говорят, что Аслижан пробралась в Дагестан, на родину предков. Другие рассказывают, что она нашла покой на дне Сунжи, на берегу которой покоится прах ее родной матери.





## ЭТОТ МИР ДАЕТСЯ ТОЛЬКО РАЗ...

1

Вселенная досталась человеку,  
Чтоб человек был с нею наравне,  
И по Завету, до скончания века,  
Она принадлежит тебе и мне.

Душа с мечтою нашей сокровенной –  
Две сущности, два брата-близнеца –  
Плечом к плечу шагают во Вселенной  
По жизненной дороге до конца.

Счастливицу, что к сомнению не склонен,  
Вся наша жизнь легка и хороша,  
А тот, кто кормит птицу из ладони,  
В кармане не имеет ни гроша.

Он миром одарен по Божьей Воле,  
Но где ему положенная доля?

2

Но где ему положенная доля?  
Неужто лишь нужда до седины?  
И человек о радостной юдоли  
Глубокими ночами видит сны.

Он верит, он надеется на чудо,  
Но на Земле совсем иной закон.  
Песчинками осыплются минуты  
Того, кто жить в пустыне обречен.

Везение – удел жестокосердых,  
И сильных, но не духом и умом,  
Не оттого ль так жарко и так щедро  
Тоска и злость кипят в тебе самом.

Наш разум подчинил скалу и реку,  
А счастья нет и не было от века.

3

А счастья нет и не было от века,  
И хлеб никто не делит пополам.  
Смиренный духом отдан на потеху  
И ничего решать не может сам.

«Пусть год лихой, да не было бы хуже», –  
Послушно повторяя сам себе,  
Берет надежду – главное оружие,  
С которым он противится судьбе.

«Да будет наше будущее слаще!» –  
Он говорит несчастиям в ответ, –  
Когда-нибудь из непроглядной чаши  
Я выйду обязательно на свет».

Но есть ли средство от душевной боли?  
Искать его – что ветра в чистом поле.

4

Искать его, что ветра в чистом поле,  
А до поры смиряться и терпеть,  
У всех рубахи пропитались солью,  
У каждого и жизнь своя, и смерть.

Но наши души неприкосновенны,  
И мы порою видим дивный сон,  
Как действует повсюду во Вселенной  
Такой простой и праведный закон.

А наяву, увы, совсем иное,  
Но стоит ли терзаться и роптать?  
Тот смертный, что Земли своей достоин,  
Однажды обретает благодать.

Но жаждущим необходима влага –  
Хоть полглотка прижизненного блага.

5

Хоть полглотка прижизненного блага?  
Чтоб каждому свой дом и ремесло,  
Чтоб каждый от души, а не от страха  
Не замышлял бессмысленное зло.

Тот, кто родился зверем или рыбой,  
Не выбирал обличие и плоть,  
Так нашу жизнь определяет выбор,  
Что делает за каждого Господь.

Но разве Он велит ходить в заплатах  
Тебе, когда сосед твой или друг  
Живет легко, вольготно и богато,  
Да набивает золотом сундук?

Коль выпало нам жить в едином мире,  
Пусть хватит места всем на общем пире.

6

Пусть хватит места всем на общем пире,  
Как нам земли хватает на Земле,  
Чтоб груз несправедливости, как гирю  
Таскать не приходилось с малых лет.

В ком жадность уничтожила рассудок –  
Не признает свободного труда,  
Но будет защищен и неподсуден,  
И, кажется, что это навсегда.

Правители бессовестные в моде,  
От власти охмелев, как от вина,  
В обнимку с ложью нами верховодят,  
Как будто правит миром Сатана.

Случится ль так, что на скрижали лягут  
Пределы наших радостей и тягот.

7

Пределы наших радостей и тягот,  
Как сроки наших жизненных путей,  
Как мера малодушья и отваги,  
Известная любому из людей.

Как смерти неизбежная десница,  
Что закрывает каждому глаза,  
И нам с тобою ночью снова снится:  
Мир справедливым стал на полчаса.

Да, что там полчаса, хоть на минуту,  
Пусть будет праздник для живой души,  
Но в нас, истосковавшихся по чуду,  
Чудесный свет заняться не спешит.

И тьма в душе, как в брошенной квартире,  
Из века в век, из года в год все шире.

8

Из века в век, из года в год все шире  
Греховой злобы залежалый сор,  
Зачем живет новоявленный Ирод,  
И небо смотрит на его позор.

Зачем опять от царского порога  
Он прогоняет лучшие умы,  
Зачем он превратил свои чертоги  
В гнездилище невежества и тьмы?

И все, что прежде радовалось, пело  
Бежит в чужие земли наутек,  
Но Ироду до этого нет дела  
И властью поделиться невдомек.

О, скольких бы избегли мы напастей,  
Делясь промеж собой зерном и властью.

9

Делясь промеж собой зерном и властью,  
Мы мигом бы забыли о нужде,  
Но не бывает неба без ненастья,  
Как не бывает лета без дождей.

И нет любви без неизбежной боли,  
За половодьем к нам приходит сушь,  
Так может ли свершиться поневоле  
Родство и единенье наших душ?

Бесчестному даруется прощенье,  
Признание вымалывает трус,  
Вот почему тоска и отвращенье  
Сливаются в мучительный союз.

Возможно ль на земле подобье рая,  
Как требует того душа живая?

10

Как требует того душа живая,  
И как однажды заповедал Бог...  
Но в нашем мире без конца и края  
Пока еще не подведен итог.

Когда душа с другой душой не спорит,  
И молча уступает ей тропу,  
Она с несовершенным миром в ссоре,  
В раздоре, но не ропщет на судьбу,

Она спокойна, словно вольный странник,  
Она не знает зависти и зла,  
В то время, как гордец собою занят,  
Не ведая иного ремесла.

Ему не суждено изведать счастья,  
Однажды одолев пустые страсти.

11

Однажды одолев пустые страсти,  
Мы победим и пагубную ложь.  
Что сковывает путами запястья,  
И к горлу приставляет острый нож.

Ведь человеку в мире все подвластно,  
И все дано по воле высших сил,  
Но хочется поверить: не напрасно  
Нас разумом Создатель наградил.

Наверно, не затем он удостоил  
Рассудком наши слабые тела,  
Чтоб мы бросали взоры на чужое  
И замышляли подлые дела.

Коль в пламени грехов с ним не растаем,  
Все сущее постигнем и познаем.

12

Все сущее постигнем и познаем,  
И нашу слабость – главную из бед.  
Совсем не просто в человечесьей стае  
Порой сказать по делу «да» и «нет».

Один имеет право на ошибку,  
Другого жизнь карает за пустяк,  
И бродит по тропе крутой и зыбкой  
Голодный и застенчивый простак.

Он знает, что не за горами старость,  
Он верит, что во всем виновен сам,  
А потому лишь только благодарность  
Возносит к молчаливым небесам.

А если просит, то совсем немного:  
«Суди своим судом не слишком строго!»

13

Суди своим судом не слишком строго,  
Когда на нас ты обращаешь взор.  
Я верю: благотворный свет Востока  
Однажды озарит земной простор.

И каждый, кто рожден при этом свете,  
Осуществит заветную мечту.  
Свет павшего поднимет и приветит,  
Спасет и обласкает сироту.

И дети будут здоровы и могучи,  
Своим великим пращурам подстать...  
Когда в полночь исчезают тучи,  
То ярких звезд считать – не сосчитать...

«Вожак не нужен, коль ясна дорога», –  
Так скажет всякий, кто живет под Богом.



14

Так скажет всякий, кто живет под Богом,  
Кто в справедливом мире хочет жить,  
О, Боже, не томи, пошли подмогу  
Для маленькой, измученной души!

Пусть знают все, что истинно и свято  
В огромном мире, лучшем из миров,  
И взоры пусть отворотят от злата,  
И поглядят хоть раз поверх голов.

Наш дольний мир – великое богатство,  
Чудесный дар, так пусть же будет он  
Твоею волей поровну, по-братски  
Когда-нибудь меж нами поделен.

Для дел больших для счастья и успеха  
Вселенная досталась человеку.

### *Магистрал*

Вселенная досталась человеку,  
Но где ему положенная доля,  
А счастья нет, и не было от века,  
Искать его, что ветра в чистом поле.

Хоть полглотка прижизненного блага,  
Пусть хватит места всем на общем пире,  
Пределы наших радостей и тягот  
Из века в век, из года в год все шире.

Делясь промеж собой зерном и властью,  
Как требует того душа живая,  
Однажды одолев пустые страсти,  
Все сущее постигнем и познаем.

«Суди своим судом не слишком строго!» –  
Так скажет всякий, кто живет под Богом.

*С кабардинского перевел Александр Пряжников*





*Хайшат КУНИЖЕВА*

\* \* \*

Холодно, зябко и сыро,  
Сырой одинокий двор,  
Месяц – головкою сыра,  
Сыра рокфор.

И навевают печали  
Стаи ворон во дворе...  
Тянет в далекие дали,  
Словно в весну, в декабре.

\* \* \*

Темнеет рано, светает поздно.  
Осень настала, в воздухе грозно.  
Низкое небо смотрит на нас,  
Луна желтеет, как бычий глаз,  
Где-то вне зренья, за горизонтом...  
И доме спросят: «Взяла ты зонтик?»  
Нежданно дождик, нежданно солнце.  
Осень как осень, вдаль время несется.

\* \* \*

Как стрижи, они сновали,  
Разрезая неба ширь,  
Современники уходят,  
Покидают этот мир.

И не будут восхищаться  
Больше, в жизнь неся мечту,  
И не будут петь от счастья,  
Восхваляя красоту.

\* \* \*

Душа в нежном облаке плывущем,  
Тело с рыжей землей будет в яме...  
А между облаком и ямой  
Жизнь полна житейской драмой.

*Сосны Тарасовки*

Шумели сосны, а не кедры.  
– Убит поэт здесь, Дмитрий Кедрин.  
Поэт поэзии высокой,  
Как сосны, – кедры ж на Востоке.

Растут у дома три березы,  
С трав росы падают, как слезы.  
И сосны шепчут: Кедрин Дима-а...  
И поезда в Пекин все мимо.

**ПЕРВЫЙ БАЛКАРСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ***К 130-летию Саида Шахмурзаева*

Первый просветитель, создатель новой балкарской письменности, народный поэт, этнограф и философ Саид Османович Шахмурзаев родился 10 марта 1886 года в Российской империи. Местом его рождения было высокогорное селение Терской области Балкарского округа – Верхний Чегем, балкарское название – «Эль Тюбю». Родителями Саида были образованные люди высокого сословия Осман Шахмурзаев и Геля Кулиева.

Как и многие сословные дворяне эпохи зарождающегося в империи капитализма, Осман занимался бизнесом. В семье сохранился судебный иск налогового департамента нальчикского округа к Осману об уплате налогов с предпринимательской деятельности.

И далее отчёт судебного пристава о том, что тот прибыл в магазин Османа Шахмурзаева и по обоюдному согласию забрал одну из лошадей господина Шахмурзаева в счёт казны.

Азы арабской грамоты и начала ислама Саид постигал под началом сына знаменитого Даута-Хажии Шаваева – Ахмата, известного в народе как Шавай-Хажии и обладавшего большим авторитетом в мусульманском мире – на его могилу в Эль-Тюбю регулярно, практически вплоть до революции, из Аравии присылался специальный вымпел, символизирующий высокий религиозный статус.

Получив начальное духовно-религиозное образование в своем селе, Саид отправился в Карачай. Медресе при мечети Учкулана стало для него следующей точкой отсчета. Там он изучал Коран и выучил его, как свидетельствовали современники, наизусть. Пройдя далее через известные центры мусульманского образования – после Учкулана это были Эркен-Шахар, Темирхан-Шура и Кизляр – Саид Шахмурзаев в совершенстве овладел арабским языком. Он был специалистом в области арабской культуры. Его знания позже стали опорным фундаментом для изучения латинского, немецкого и английского языков, о чем в своей книге «Была зима» пишет Кайсын Кулиев. Отношение Кулиева к С. Шахмурзаеву, роль Шахмурзаева в формировании мировоззрения и творческих практик балкарского стихотворца – область, пока еще не освещенная в национальном литературоведении. И, слегка отвлекаясь от основной темы разговора, считаю возможным констатировать, что личность Саида Османовича была знаковой для Кулиева.

Незадолго до его смерти отец и я заезжали в гости в Чегем к великому балкарскому поэту. В разговоре Кайсын сказал, что он закончил крупное прозаическое произведение и назвал её «Была зима». Тему своего произведения Кулиев охарактеризовал просто: «Я хотел запечатлеть кусок истории Верхнего Чегема и наших родственников».



По словам Кайсына, он в этой книге стремился, помимо всего прочего, запечатлеть систему традиционных межсемейных отношений балкарского народа, нормы добрососедства, адатные принципы взаимоуважения. Причём, в этой части большая часть наблюдений и размышлений Кулиева формировалась на опыте общения его родителей с семьей Шахмурзаевых, а прототипом мудреца Акмурзы был сам Саид.

Еще во время учёбы Саид Османович начал писать стихи, и первое его произведение было напечатано в Баку в 1916 году. В Азербайджане он навещал Ханифу Абаеву, уроженку Балкарии, просветительницу Азербайджана, жену азербайджанского общественного деятеля Гасанбека Меликова (Зардаби). Саид всегда с благодарностью вспоминал, как в 1916 году Гасанбек и Ханифа приняли его в своём доме и помогли опубликовать в журнале стихотворение: «Если бы Гасанбек и Ханифа мне тогда не открыли дорогу в поэзию, я, наверное, не стал бы дальше сочинять стихи». Уже в конце 50-х, собирая фольклор карачаево-балкарского народа, Саид Османович Шахмурзаев ездил по населённым пунктам. Бывая в Кёнделене, он останавливался в доме своего друга Ибрагима Эфендиева, отца профессора Салиха Эфендиева. По воспоминаниям Салиха Эфендиева, Саид дал ему наставление: «Салих, ты должен поехать в Баку, найти материалы и описать жизнь Ханифы Абаевой. Она была женой азербайджанского просветителя Гасанбека Меликова и сама занималась просветительской деятельностью азербайджанского народа. Если ты это сделаешь, считай, что ты выполнил свою миссию перед своим народом и наукой». Позже Салих Ибрагимович исполнил просьбу Саида Османовича. Возможно, таким образом Саид отдал дань уважение этим замечательным людям, мимолетная встреча с которыми, по всей видимости, инициировала его интерес к литературному творчеству.

В 1917 году грянула революция, и оказалось, что лозунги большевиков, их декларации всеобщего равенства и свободы наций полностью отвечали ожиданиям Саида Шахмурзаева, его личному пониманию приемлемого мироустройства и общежития. Именно поэтому он – выходец из весьма обеспеченной семьи – полностью принял Советскую власть, активно включился в процесс строительства нового общества и государства.

Одним из значимых его шагов было создание первого балкарского алфавита. Саид его составил на основе латиницы, на турецкий манер. Этот алфавит хранится в Госархиве КБР. Позже он был упразднён указами из Москвы – вся большая советская страна перешла на кириллицу.

Тогда же Саид Османович Шахмурзаев составил первый балкарский кириллический букварь, заложив тем самым основы советской балкарской письменности. По этому изданию учились дети и взрослые балкарских селений. Саид открыл первую светскую образовательную школу на территории Балкарского округа; открыл, решив целый комплекс разноуровневых и часто неожиданных проблем – от полного отсутствия учебников и школьного оборудования, до убеждения родителей, многие из которых считали образование своих детей излишним.

Сегодня существуют различные критерии определения приоритета тех или иных личностей в деле просвещения в целом, и в частности – просвещения балкарского народа. Изданы труды, приводятся фамилии и имена прогрессивных и масштабных людей. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, можно с пол-

ными на то основаниями утверждать, что Саид Шахмурзаев был бесспорным первым просветителем новой формации, первым советским просветителем. Именно его деятельность положила начало массовому образованию нации, именно Саид обучал и подготовил первую волну балкарской интеллектуальной элиты советского времени. И не только интеллектуальной: в числе его учеников – администраторы, служащие, военные, в частности, среди его наиболее известных воспитанников были Герой Советского Союза Алим Байсултанов, генерал-майор бронетанковых войск Хаким Демпуев.

Насколько он был весомым для своего времени человеком, говорит и то, что в период составления Большой Советской Энциклопедии Саид Османович, в составе крайне ограниченной группы персоналий – представителей Кабардино-Балкарии, попал на страницы этого самого авторитетного энциклопедического издания СССР. Вот как о нём написано в БСЭ: «Шахмурзаев Саид Османович [р. 26. 2 (10. 3). 1886, с. Элтюби Чегемского района Кабардино-Балкарской АССР], балкарский советский поэт. В 1929 окончил Крымский педагогический техникум. С 1924 по 1958 на педагогической работе, в 1939-41 заместитель наркома просвещения Кабардино-Балкарской АССР. Печатается с 1916. В агитационно-публицистических стихах 30-х гг. Ш. пишет о строительстве новой жизни. Автор сборников стихов «Зурна» (1957), «Знайте растения» (1960), «Друзьям» (1966), «Ветер времени» (1967) и др. В 1965 опубликовал повесть «На заре» – о соратнике С. М. Кирова балкарце С. Калабекове. Ш. составил в 1929 балкарский букварь, в 1970 выпустил «Балкарский топонимический словарь» (совместно с Дж. Коковым). Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Соч.: Назмула, Нальчик, 1961; Таулуна календары, Нальчик, 1970; Ол ёмюрледе, Нальчик, 1973». (Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.)

Саида Шахмурзаева настоятельно приглашал на работу в Нальчик Бетал Калмыков. Но он отказывался. По всей видимости, Саид понимал, что работа в государственных структурах будет связана не только с его прямыми профессиональными обязанностями. Маховик репрессий уже работал. Можно было легко попасть под пресс ГПУ, НКВД. Саид этого не желал для себя и своих близких. Его супруга Шамшият Малкондуева тоже не приветствовала его переезд в Нальчик. Они не раз были свидетелями того, как людей забирали. По соседству с ними жили бывшие князья Малкаруковы, имущество которых реквизировалось не единожды. Часть вещей Малкаруковы прятали у Саида в доме.

Однако вернёмся к хронике жизни Саида. В 1925-1926 годах С. Шахмурзаев активно сотрудничал с краеведческим кабинетом Ленинского учебного городка, где были собраны интересные материалы о прошлом коренных народов республики, ее истории, этнографии и фольклоре. «В 1970-м году автору этих строк посчастливилось познакомиться с программой С. Шахмурзаева по составлению этнографической карты Кабардино-Балкарии, куда включены вопросы относительно времени образования населенных пунктов, истории их застройки, первых семей, патронимий и фамилий, количества дворов, расположения усадеб, хозяйственных построек и многое другое», – пишет проф. А. И. Мусукаев. К сожалению, эта рукопись, представляющая бесспорную ценность, так и осталась неопубликованной. Кроме того, Саид был самым активным организатором и участником археологических экспедиций по Кабардино-Балкарии.

В 1929 году он уезжает учиться в Крым, для получения советского педагогического образования. После этого он продолжил преподавательскую деятельность в Ленинском учебном городке Нальчика. ЛУГ был на то время главной и единственной в КБАО фабрикой советских кадров. Здесь преподавали и учились лучшие из лучших. Но вскоре Шахмурзаев вернулся в село и стал директором своей родной школы в Верхнем Чегеме. Причины такого решения были сугубо идеологические – он, как и руководитель балкарского окружкома Магомед Энеев, в самом начале 30-х годов отказались от большевистских спецпайков, обосновав это аморальностью льготного режима снабжения большевиков во время голода.

После недолгой работы директором школы Саид Шахмурзаев был назначен заведующим отделом районного образования. Затем семью его постигло большое горе: был арестован и осужден старший брат Саида – Аппас – работавший председателем колхоза в В. Чегеме. Неизвестно, как повернулась бы судьба первого балкарского советского поэта, неожиданно для себя ставшего близким родственником «врага народа», но в 1939 году Шахмурзаев был вызван в Москву, где из рук «всесоюзного старосты» М. И. Калинина получил свою первую крупную правительственную награду. Орден Ленина вкуче с формулировкой «За особые успехи в просвещении трудового народа» оградили Саида Османовича от излишнего влияния карательных структур, более того – сразу по возвращении из Москвы ему предложили занять место заместителя наркома просвещения КБАССР.

Саид дал согласие. Ему выделили квартиру на улице Горького, прямо над квартирой Али Асхадовича Шогенцукова, и служебный автомобиль. С Али Шогенцуковым они быстро сдружились и практически каждый вечер проводили вместе, в разговорах и дискуссиях. Чуть позже к их компании присоединился кабардинский просветитель Нури Цагов, и этот стихийно возникший триумvirат ярких представителей интеллектуальной элиты народов Кабардино-Балкарии мог бы, наверное, вылиться во что-то большое и значимое, как с точки зрения государственного управления, так и в творческом плане, но в годы разгула репрессий Нури Цагов был арестован, а потом и Али пропал на фронтах войны.

После начала войны Саид Шахмурзаев шесть раз пытался уйти на фронт, каждый раз получая отказы – поэту на тот момент уже было почти 60 лет. В конце концов, Саид, при очередном вызове на сборный пункт в Нальчике, скрыл, что он орденноносец и заслуженный человек, и тихо отправился на фронт. Однако уже на передовой особый отдел дознался, кто он такой. Его слегка поругали со словами: «Саид Османович, вы не должны быть здесь. Вы заслуженный учитель, орденноносец, ваше место на образовательном фронте в тылу. Но вернуть мы вас сейчас пока не можем и поэтому поручаем вам командование строительным батальоном».

За полгода строевой службы Саиду, вместе с бойцами его батальона, пришлось испытать много трагического и неимоверно трудного, как, например, ночная переправа через один из крымских лиманов – поэт и его бойцы провели более двенадцати часов в ледяной воде – но случались и смешные истории. Там же, в Крыму, при строительстве фортификационных сооружений, батальон Шахмурзаева попал под бомбежку и, спасаясь от неё, бойцы вместе со своим командиром скрылись в подвалах. Как выяснилось после первых же секунд

пребывания в них, это были винные подвалы. Солдаты, забыв про войну, стали открывать бутылки с вином. Саид вспоминал, что бутылки были покрыты пылью и из них вместо вина вываливался мармелад. Как оказалось, это были элитные вина времён Николая II.

При первой же возможности Саида Шахмурзаева отправили домой, и он какое-то время пребывал в госструктурах, ответственных за идеологическую работу с населением. В 1944 году, при депортации балкарцев, ему, как заслуженному человеку, предложили остаться в Нальчике, однако он предпочёл разделить судьбу своего народа.

Саид с семьёй оказался в Казахстане. В Павлодаре умирает его жена Шамшият Малкондуева, и он остается с двумя малолетними сыновьями – Юрой и Алексеем. После этой тяжёлой потери они поселились в Джамбульской области, в селении Каракунуз. Здесь он устроился на работу школьным сторожем – на другую работу спецпереселенцев не брали. И вообще, обустройство балкарцев в Казахстане было очень трудным. Люди умирали от голода. Саид Османович Шахмурзаев и его друг, известный спортсмен и танцор Адельгири Соттаев (внук первовосходителя на Эльбрус Ахьи Соттаева), пишут письмо Сталину о тяжёлом положении балкарцев. Адельгири предлагает Саиду не подписываться, во избежание ареста обоих, и ставит под посланием свою фамилию. Через какое-то время за Соттаевым пришли. Суд приговорил его к расстрелу. Позже расстрел заменили на 25 лет заключения в лагерях, и на свободу Адельгири Соттаев вышел лишь после смерти «отца народов».

Саид Османович не смирился с гибельной для балкарского народа ситуацией и написал повторное обращение, понимая, что и его может постигнуть участь Адельгири. Он сообщал о голоде, постигшем спецпереселенцев. Письмо он передал через фронтовика-казаха, который отбывал из отпуска на фронт. Боевой полковник ехал на фронт через Москву. В столице он опустил конверт на Красной площади, в почтовый ящик для товарища Сталина.

Доктор наук Х. Малкондуев в одной из публикаций о Саиде писал: «Он учил людей верить в светлое будущее и в то же время учил религиозным духовным ценностям. Он жил честно и не боялся правды. Он сам был правдой и духовной силой балкарского народа... В годы депортации Саид отказался от продовольственной помощи в пользу более нуждающихся, как когда-то он и руководитель балкарского окружкома Магомед Энеев отказались от большевистских спецпайков».

Через две недели из ЦК Казахстана прибыла комиссия, и Саид Османович повёл их по местам расселения балкарцев. В одном из строений трехлетний ребёнок сидел у мертвого тела своей матери, и, вытаскивая из давно потухшего очага холодные угольки, пытался есть их. Как потом рассказывал Саид, председатель комиссии ЦК Казахстана расплакался, увидев эту страшную картину. Через несколько дней стала поступать скудная, но всё-таки продовольственная помощь. После первых двух-трёх лет депортации, режим спецпоселения был даже несколько усилен, однако отношение к репрессированным резко изменилось – люди убедились в доброжелательности, трудолюбии и высоких человеческих качествах горцев. Поэтому в бытовом отношении жизнь балкарцев начала налаживаться – уже в конце 40-х многие из них обзавелись хозяйством, приусадебные участки людей, привыкших работать в труднейших условиях вы-

сокогорья, давали неплохие урожаи... В общем, народ адаптировался к новым условиям, и жизнь его начала налаживаться.

В Казахстане Шахмурзаев женился еще раз. Его второй супругой стала Зайнаб Зизаева, которая родила четверых детей – Ливазу, Рашида, Халида, Лейлю. Она стала доброй матерью и сыновьям поэта от первого брака – Юрию и Алексею. Саиду разрешили работать учителем в школе, и он, наконец, вернулся к педагогической деятельности. К нему домой по разным вопросам приходили не только балкарцы, но и чеченцы, курды, дунгане. Он помогал всем. Кто письмо просил написать, кто заявление, и так далее. Его знали в области, в районе, и на его обращения казахские чиновники реагировали, как правило, положительно.

После смерти Сталина балкарцам разрешили вернуться домой, и это стало новым, счастливым этапом в жизни Саида и его большой семьи. По возвращении домой они поселились в Нальчике, в выделенной для них двухкомнатной квартире. Позже первый секретарь обкома Тимбора Мальбахов распорядился выдать Шахмурзаеву четырёхкомнатную на проспекте Ленина.

В Нальчике он взялся за новую работу, трудную, но архиважную. «К особым заслугам поэта следует отнести сбор в составе научной экспедиции КБНИИ в 1957–1975 годах произведений разных жанров карачаево-балкарского фольклора. Им записаны лучшие образцы нартского и песенного эпоса, сказок, преданий и паремий», – пишет Хамид Малкондуев. А в 1970 году, совместно с молодым кабардинским учёным Джамалдином Коковым, 85-летний Саид Шахмурзаев выпускает балкарский топонимический словарь.

Будучи персональным пенсионером союзного значения, в конце своего жизненного пути, в 1974 году, Саид Шахмурзаев был удостоен звания «Народный поэт КБАССР». У старейшего писателя республики на тот момент было достаточно для советского человека наград и регалий. Но этому званию он был рад особенно. Как впоследствии вспоминала врач онкологического диспансера в Нальчике Анна Бжеумыхова, когда Саид Османович лежал в больнице, первый секретарь обкома КПСС регулярно звонил и спрашивал о его состоянии. Тимбора Мальбахов, понимая, что жить Шахмурзаеву осталось совсем немного, очень хотел обрадовать аксакала, и звание «Народного поэта КБАССР» действительно стало для Саида очень приятным событием, которое продлило ещё немного его дни. Будучи уже смертельно больным, он нашел силы прийти на награждение и получить почётное звание «народного».

В 1975 году его не стало. Нам остались его стихи, огромное, неподъемное для одного человека количество записанных фольклорных текстов, добрая память. И надо надеяться, что, невзирая на неумолимый поток времени, уносящий с собой тех, кто был лично знаком с Саидом Османовичем Шахмурзаевым, был свидетелем его яркой насыщенной жизни, память о нем, равно как и его вклад в культуру и мировоззрение балкарского народа, будут вечны.





**Тамара БИТТИРОВА,**  
доктор филологических наук,  
старший научный сотрудник отдела  
балкарской литературы Кабардино-Балкарского  
Института гуманитарных исследований

## ДЖАМАЛДИН – ИЗ ПЛЕМЕНИ ОРЛОВ

Джамалдин Яндиев – выдающийся ингушский поэт, один из лидеров постдепортационной возрожденческой поэзии ингушского народа, родился 15 октября 1916 года в старинном ингушском селении Балта Терской области. Мать его умерла в 1920 году, отец – в 1950 году, в Казахстане, в депортации. «В 1925 году поступил в Балтийскую сельскую школу, проучился в ней четыре года. С 1929 года – он студент подготовительного отделения Ингушского индустриального техникума, который заканчивает в 1936 году. В том же году Джамалдин Яндиев начал работать литературным сотрудником газеты «Ленинский путь». С 1937 года – литературный сотрудник и редактор Чечено-Ингушского книжного издательства. С 1938 по 1944 год – председатель правления Союза писателей Чечено-Ингушской АССР. С 1944 по 1956 год работал на хозяйственных должностях в городе Фрунзе. С 1956 по 1958 год учился на двухгодичных курсах при Союзе писателей СССР в г. Москве. С 1959 года – редактор Грозненской студии телевидения. С июня 1967 года – литературный консультант Союза писателей ЧИАССР» – такова краткая биография поэта, с которой знакомит читателя справочник «Писатели советской Чечено-Ингушетии».



Джамалдин Яндиев – первый народный поэт Ингушетии, член Союза писателей СССР с 1938 года, в течение нескольких лет – с 1938 по 1944 год – был председателем Союза писателей ЧИАССР. Автор более 20 поэтических сборников на ингушском и русском языках. Он печатался на страницах таких журналов, как «Наш современник», «Дружба народов», «Огонек», «Октябрь», «Дон», во множестве коллективных изданий.

Стихи Дж. Яндиева переводились на русский, украинский, грузинский, польский, казахский, балкарский, кабардинский, эстонский, осетинский, кумыкский, лакский, аварский и другие языки. Переводчиками стихов Д. Х. Яндиева на русский язык в разное время были А. Тарковский, А. Гатов, С. Липкин, Н. Коржавин, Н. Асанов, Д. Голубков, С. Виленский, Олендер, А. Передреев, Б. Сиротин, А. Бояринов и другие. Сам поэт знал несколько кавказских языков, что дало ему возможность знакомить ингушского читателя с творчеством осетинских и грузинских собратьев по перу.

Он родился в селе, находившемся на стыке Ингушетии, Грузии и Осетии. Данное обстоятельство с раннего возраста повлияло на его мировоззрение. «В ауле нашем издавна жили люди разных национальностей – ингуши, осе-

тины, грузины, русские. Ребята могли разговаривать на четырех языках. Во время праздников взрослые ходили друг к другу в гости, относясь с полным уважением к национальным обычаям каждого народа. Если же случалась беда, она объединяла всех, независимо от того, с кем и в каком конце аула это случилось. Соседи, говорившие на разных языках, становились как бы членами одной семьи...»

Джамалдин рано лишился матери, и бабушка его, как нередко бывает у выдающихся творческих личностей, познакомила будущего поэта с бесценными сокровищами ингушского народа – сказками и историческими преданиями, зикрами, которые она напевала вместо колыбельной. Об этом сам поэт впоследствии писал: «Четырех лет от роду я потерял мать и остался на попечение своей старой бабушки – бедной горянки. Впрочем, можно ли говорить о «бедности» женщины, чья память хранила сотни прекрасных народных песен, легенд и сказок?»:

Мне бабушка тихую песню свою  
Певала, на грудь мою слезы роняя,  
Я в сердце свинцовую ношу таю,  
И мучит меня эта тяжесть седая.

«Ты, внучек, рожден не для счастья на свет,  
Так выпей всю чашу свою поневоле.  
Всю горькую чашу наследственных бед,  
Как воду поденщик на выжженном поле.

Твой дедушка знает, как жить тяжело.  
Глядит, как влюбленный, на землю скупую.  
На плечи его коромыслом легло  
То бремя, с которым он прожил вслепую.

Твой дед в одиноком опасном пути  
Берданку свою называет любимой.  
Когда утешенье он хочет найти,  
Он смотрит на тучи, бегущие мимо...»

Мне в детстве казалось, что наша судьба,  
Как дряхлая, полуослепшая кляча,  
Как просьбы о хлебе, как наша арба,  
Что звезды молила и маялась, плача...

*(1937 г., пер. А. Тарковского).*

Стихи были написаны молодым, начинающим поэтом, который, конечно же, не мог быть свободным от идеологии соцреализма. Если бы стихи заканчивались только вышеприведенными строками, то вряд ли бы они увидели свет, и поэтому в финале звучит непереносимое, ставшее клише для всех национальных литератур той эпохи, – гимн Октябрьской революции:

Октябрь зазвеневшую чашу мою  
Огнем животворным наполнил с избытком,  
Из чаши моей непустеющей пью,  
Вовек не пресыщусь кипучим напитком!..

Детство и отрочество поэта пришлось на драматическое революционное и послереволюционное лихолетье, когда на Кавказе шла кровопролитная братоубийственная война. Итогом гражданской войны были тысячи жертв с обеих сторон баррикад, и тысячи беженцев, покинувших Родину, – им суждено было влиться в эмиграцию Ближнего Востока и Европы. Не остались в стороне от тех событий и близкие родственники будущего поэта. Надо отметить, что судьба не раз сводила его с теми, кто неустанно отстаивал свое национальное и человеческое достоинство, их жизнь и борьба были примером для Джамалдина.

Любовь к родному слову, заложенная в детстве окружением будущего поэта, проявилась рано: еще будучи школьником, он сочинял стихи и песни для рукописных журналов и стенгазет. Первые «взрослые» публикации появляются, когда ему исполнилось двадцать лет, и они сразу обратили на себя внимание. В 1940 году вышел коллективный сборник «Тха иллеш. Шолжа-Г'ала» («Наши песни»), куда вошли ставшие уже популярными стихи молодого Джамалдина Яндиева. Через год выходит и первая самостоятельная книга его стихов. Он становится широко известным и в Ингушетии, и в Чечне автором.

Молодость и энергичность поэта были замечены окружающими, собратями по перу, и Яндиеву было доверено руководство Союзом писателей Чечено-Ингушетии. Точную характеристику его первым шагам в литературе дают воспоминания выдающегося русского поэта Арсения Тарковского: «В тридцать восьмом году я впервые приехал в Грозный – главный город Чечено-Ингушетии, чтобы начать работу над сборником переводов произведений тамошних поэтов. Как молодцы тогда все они были! Как молод был и я! Председателем Союза писателей был Джамалдин Яндиев, и выглядел он так, словно происходил не от людей, а из племени орлов.

Мое знакомство со страной началось с поездок верхом вместе с Джамалдином по лермонтовским горам Чечни и Ингушетии, с привалами на горных пастбищах у пастухов, знавших наизубок стихи и Джамалдина, и его товарищей по Союзу писателей. Однажды мы заехали с ним в аул (не помню, как он назывался), где жила одна из героинь его поэзии, бабушка Джамалдина... «Мне бабушка тихую песню свою певала, на грудь мою слезы роняя...». Никогда – ни ранее, ни позднее – я не переводил ничьих стихов таким «чечено-ингушским» способом – между двумя поездками по горам, между двумя перевалами, у костров над сумасшедшими горными речками, торопясь «доперевести» каждое стихотворение...»

В этой краткой и ёмкой характеристике Арсения Тарковского привлекает выражение «выглядел он так, словно происходил не от людей, а из племени орлов», живо воспроизводящее образ молодого горца, априори готового к яркому героическому поступку. Но в жизни на долю Джамалдина Яндиева выпала иная ноша – каждодневное и скрытое мужество преодоления фатальности эпохи, безвременья конца 30-х годов, когда жестокие репрессии ломали судьбы миллионов людей.

Это неизбежно сказалось на его индивидуальной манере поэтического выражения. Лирика поэта с первых шагов была необычно эмоциональной, глубинной, искренней. И, невзирая на некоторую камерность творчества, подчёркнутую самоуглубленность, Джамалдин Яндиев живо отзывался на события 30–40-х годов, воспринимая социальные катаклизмы и резкие повороты государственной политики как вехи строительства нового мира, нового общественного уклада, новых отношений. Несмотря на трагические события 30-х годов, он, как и подавляющее большинство молодежи страны, был вдохновлен открывшимися реалиями и всячески поддерживал процессы, направленные на улучшение жизни.

Это был общий и грандиозный порыв, о чём лучше всего свидетельствует история советской литературы. Повести и рассказы о строительстве грандиозных промышленных объектов, транспортных магистралей, гидроэлектростанций и т.д. – в центре внимания прозаиков и поэтов. Таким же образом отзывалась на обновление жизни на социалистических началах и горская поэзия. Были написаны сотни стихотворений и баллад о преимуществе колхозной жизни, о вождях революции и гражданской войны, об открытии школ и других учебных заведений, о строительстве объектов соцкультбыта в горных ущельях... Радостное восприятие жизни звучит в предвоенных произведениях и Дж. Яндиева: «Чем больше живу», «Родина», «Как теперь глубок мой взор» и др. Последнее стихотворение передает настроение поэта, открывающего для себя прекрасный мир:

«Сердце молодо мое,  
Я навеки счастлив, зная,  
Как прекрасны бытие  
И Отчизна золотая.  
Жизнь, я так тебя люблю,  
Как ребенок мать родную.  
На ладонь приляг мою,  
И тебя я поцелую».

*(пер. А. Тарковского)*

Даже в условиях тоталитарных режимов поэзия живет по своим законам, и в ее основе – вечные темы: добра и зла, родной земли, матери, любимого человека. Чувства и эмоции не могут быть отменены или заменены декретным порядком. И потому лучшие произведения той эпохи посвящены вечным темам. Джамалдин Яндиев определил для себя четыре вечных темы, четыре концепта, которые явились этической доминантой его поэзии:

Есть четыре начальных слова,  
И каждый народ  
их вручает ребенку –  
навечно беречь и любить.  
Слово «Жизнь», потому что и он,  
будет время, умрет.  
Слово «Смерть», потому что  
обязан он правильно жить.

Слово «Родина», что продавать  
на базаре нельзя.  
«Имя», данное матерью,  
пусть беспорочно несет...  
Вот наследство, которое  
всем нам дается, друзья,  
И отчета от нас будет требовать  
вечно народ.

*(перевод Н. Асанова)*

Четыре ипостаси поэзии Джамалдина Яндиева вбирают в себя множество понятий. Между жизнью и смертью находится любовь: к матери, к родине, к любимой. Самые проникновенные стихи в поэзии Яндиева адресованы матери:

«Первое слово – «мама»,  
Оно у белых и черных  
Звучит одинаково нежно,  
На всех языках – одно.  
«Мама» – и солнце птицей  
Выпархивает из ручонок,  
«Мама» – зажгутся звезды,  
Луна заглянет в окно.  
И невозможно поверить,  
Что злые есть силы где-то,  
Способные через слово  
Это перешагнуть».

Воскрешая в памяти образ рано ушедшей из жизни матери, Джамалдин постоянно ведет с ней диалог, словно она рядом. И каждый день поэта она согревает своим участием и заботой, он обращается к ней, как к живой. И самое главное в его судьбе – поэзия, преданность ей и предопределенность поэт веряет, соотнося свои поступки с материнским благословением.

Образ матери в текстах Яндиева неразрывно связан, точнее сказать – является частью более широкого и объемного представления, ставшего генеральной доминантой творчества ингушского поэта. Каждая книга Яндиева – декларация органического единства с Родиной, то расширяющейся до космических пределов, то сужающейся до горсточки, умещающейся в газыре. В газыре всадника, вынужденного покинуть землю отцов, эта горсть земли в поэзии Яндиева – надежда на возвращение, надежда на счастливую судьбу. Она грела, по признанию поэта, своим теплом, как сердце матери:

В иных краях, заброшенный судьбою,  
Я странствовал от родины вдали,  
Но я всегда носил тебя с собою,  
О горсть моей родной земли!

Как сердце матери своим теплом ты грела,  
И я искал настойчиво и смело  
Дороги, что на родину вели.  
Ты жизнь мою и честь в пути хранила,  
В борьбе дала мне мужество и силу,  
О горсть моей родной земли!

*(«Горсть земли», пер. А. Гатова)*

Депортация ингушского народа нанесла непоправимый урон всей культуре, в том числе литературе. В условиях спецпереселения не могло быть и речи об издании книг, газет, дальнейшем развитии сформировавшейся к концу 30-х годов национальной литературы. Выжившие на фронтах Великой Отечественной войны писатели-ингуши не могли реализовать свой талант. Они вынуждены были все свои силы сконцентрировать на одной цели – физическом выживании. Работы по душе и способностям им никто не предлагал. Как и большинство собратьев по перу, Джамалдин Яндиев перебивался случайными заработками, чтобы прокормить свою семью.

В схожей ситуации оказались все высланные народы. Несмотря на это, национальная интеллигенция старалась хоть как-то сохранить свою этнокультуру. Те, кто оказался вблизи столичных городов, со временем начали искать возможности для издания своих произведений, для чего налаживали контакты с местными литераторами. Так, Кайсын Кулиев познакомился с киргизскими поэтами и писателями, стал переводить их произведения на русский язык. Возглавил русскую секцию Союза писателей Киргизской ССР, во Фрунзе познакомился и с Джамалдином Яндиевым. Их сблизили общая судьба, общие кавказские корни. Они были ровесниками, были молоды и полны надежд, несмотря на драматические обстоятельства, вместе ходили на кавказские свадьбы, зажигая своими танцами молодежь. На одной из таких веселых свадеб Кайсын познакомился со своей будущей женой, ингушкой Макой Дахкильговой. В своих воспоминаниях Кайсын Кулиев пишет о том, в какую среду он попал, женившись на красавице Маке: «...Ранней весной 1951 года я женился на молодой девушке Маке Дахкильговой, только окончившей Педагогический институт. Отец ее был одним из интереснейших горцев, мужественным и благородным человеком. В Первую мировую войну он был офицером русской армии, служил в Дикой дивизии, сражался на разных фронтах. Уже пожилым человеком пошел на фронт в Великую Отечественную войну и погиб на Ленинградском фронте. Читая его письма к жене с фронта, я удивлялся его грамотности и силе духа. Магомет-Султан стал для меня настоящим героем. Он был подлинным горцем, каких я хорошо знал с детства».

Жизнь на чужбине, несмотря на доброе отношение коллег по перу и простых киргизов, была, тем не менее, трудной, усугублявшейся комендантским режимом. В первые годы депортации погибло, не выдержав испытаний, много соплеменников. В один из таких трагических для Джамалдина дней Кайсын посвятил другу следующие строки:

Не плачь и постарайся, друг,  
Спокойным быть, как облака,  
Что в небе плавают вокруг,  
Кого не бьет беды рука?

Чернее быть не может дня,  
Потери – больше. Ты не прав:  
Будь мудр – кто потерял коня,  
Не плачет, плётку потеряв!

*(1950 г. Пер. Н. Тихонов.)*

Дружба и творческое сотрудничество между классиками двух литератур не прерывались и после возвращения на Кавказ, тем более, что судьбе было угодно, чтобы они вместе стали учиться на высших литературных курсах в Москве (с 1956 по 1958 гг.). И в последующем не было значительного события в жизни Джамалдина и Кайсына, когда бы они не поддержали друг друга. Их связывали многие годы взаимное уважение и признание творческих заслуг, общественная деятельность, направленная на возрождение культуры народа после возвращения из ссылки. Джамалдин гордился дружбой с Кайсыном, восхищался его талантом и мужеством, назвав его всадником в поэтическом посвящении другу:

Джигит непреклонный,  
Он сросся с конем  
В бескрайней дороге  
И ночью и днем.  
С ним песня, бывало,  
Как сокол, летит,  
И эхо в ущельях  
Гремит от копыт...

*(«Всадник». Пер. А. Гатова)*

О выселении, начиная с первых дней депортации, слагали свои скорбные песни безвестные авторы из народа, сочиняя коллективный эпос народной трагедии. Конечно же, на эту тему писали все поэты выселенных народов, хотя и не было надежды, что их стихи и поэмы когда-нибудь увидят свет. Цикл стихов, написанный Джамалдином Яндиев за 13 лет чужбины, прежде всего, наполнен тоской по родине, по горным тропинкам, где пробегал в детстве и юности, по горам, что «в младенчестве утешали взор», и скалам, где стоят «горным ветром споря, боевые башни дедов и отцов».

Только через пятнадцать лет выйдет в Москве новая небольшая книга стихов Джамалдина Яндиева «Горская легенда» (Москва: «Советский писатель», 1958), в которой радость обретения родины после разлуки затмевает все горькие чувства. В этом отношении стихотворение «Пойду я медленно, как вол» является символом возвращения на родину, выражает чувства истосковавшихся по

привычной работе тружеников гор. Лирический герой полагает, что даже горы онемели в его отсутствие, и свою миссию видит в том, чтобы на этих склонах появилось «невиданное изобилие»:

Пойду я медленно, как вол,  
Поможет счастье мне на пашне.  
И плуг не будет мне тяжел,  
И будет сладок труд всегдашний.  
Пусть бесплодны до сих пор  
Мои немые горы были, –  
Взойдет на склонах этих гор  
Невиданное изобилье.  
И людям золото полей  
Раздам я на пиру богатом,  
И станет мир еще светлей,

Джамалдин Яндиев – автор глубоких по содержанию и блестящих по форме лирических произведений. Лиричность, напевность, задушевность характеризуют его поэзию. Близость к фольклорной поэтике давала возможность его стихам превращаться в песни. Он не писал эпических поэм и баллад, не был «певцом эпохи», не отзывался на злобу дня, особенно в последний период творческого пути. Он писал в жанре философских раздумий и лирических размышлений, которые охватили все грани горского бытия, грани человеческой души. Поэзия – слепок души, ее высота и глубина, неровности и шероховатости, они отражаются в лирике, как в озерной глади ночные звезды. Образная система поэзии Дж. Яндиева соткана из граней его души: радость и страдания, сомнения и надежды, вера и любовь...





## УЛЛУ ОМАР

Инициативной группой создан сайт и фонд имени Омара Отарова, знаменитого балкарского певца, исполнителя народных песен. Проводятся и планируются различные мероприятия, дающие возможность соприкоснуться с его творчеством, вернуться в то доброе, далекое время. Таких людей должно знать не одно поколение.

Верно говорят, что народ, не помнящий своего прошлого, не может иметь своего будущего. Когда люди сосредоточивают память на важных этапах своей истории, это свидетельствует о живом чувстве народа, об умении ценить достояние, которое унаследовано от отцов. Уважение к прошлому – прекрасный задаток для будущего.

Я счастлив, что судьба свела меня с этим великим человеком, который обогатил мой внутренний мир, дал возможность соприкоснуться с миром моих предков, ощутить историю давно минувших дней, сохраненную через песни в памяти народа. Благодаря ему, его творчеству, я познал мир, в котором жили люди с необыкновенной харизмой, пересмотрел многие свои ценности. Для меня он – кладезь знаний, открывающий тайну далеких событий и давно минувших дней. Он хранит в себе достояние мирового искусства, содержит сведения о выдающихся людях разных эпох. Омар – достояние культуры, и не только лишь балкарского народа. Смею утверждать, что гениальность Отарова состоит в том, что он улавливал какие-то тайные импульсы культуры и других народов, благодаря чему его песенное творчество продолжает жить, порождая новые смыслы.

Невероятно, но певец очень подробно и свежо передавал в песнях дух и философию людей, находившихся на различных уровнях развития, выявляя самобытность и оригинальность культуры разных веков. Его слушателю одинаково понятны причины появления на свет песен о событиях нынешних и прошедших столетий.

Мое знакомство с Омаром Магометовичем Отаровым произошло на одной из передач, посвященных его жизни и творчеству. В тот знаменательный для меня день представился редчайший случай спеть вместе с ним.

Меня поразила песня, исполненная специально для меня. Узнав, чей я внук, Омар вдруг запел песню, о существовании которой мне было известно, но ее тогда я услышал впервые: 67 куплетов о жизни моего рода, соединенные в единое целое под названием «Атабий жыры» (песня «Атабий»).

Эта песня – о днях далекого прошлого. Она была летописью времени, и я словно становился невольным очевидцем событий 1709 года, когда собрался большой Тёре для разрешения спора о землях между Таулу и Крымом. Мне



представлялись образы приглашенных авторитетных людей того времени: Агалар-хан Кумыкский, Дадешкелиани, Къзан улу Жабагъы, которые вели разговор о землях Пяти Горских Обществ (или Бештау Эль – Страна Бештау) и владениях Крымского ханства. Перед глазами выросал, как свидетельство, знаменитый Холамский камень с надписью, сделанной арабскими буквами на горском языке.

Мои мысли кружились вокруг этногенетической общности, этнического самосознания, генетической связи с представителями других социальных групп. В моем сознании появились вопросы о происхождении рода Атабиевых, об их этносе, о местах поселения моих предков, о том, как образовалась историческая наследственность, и о социально-психологическом факте нашего происхождения.

Слушая его, я представлял картины жизни в нашем фамильном замке Атабий или Утху-къала (затаенный), VII век, во времена Хазарского каганата (тюрки-иудеи), создавая видимость ориентирования в пространстве, осмысления реальности, понимания эффективности диалога между культурами разных эпох; большой объем информации при малом количестве слов. Слышались элементы наследия, передающиеся от поколения к поколению; ценности, обычаи, традиции во всех формах духовной культуры народа. Вспомнились данные авторитетного археолога С. А. Плетневой, где упоминается тамга-печать хазарского чиновника и изображение каменной стены, на одной стороне которой иудейский семисвечник, на другой – тамга Атабий, Верховного князя.

Неописуемо созвучно сплетались события, в которых летописцы Тамерлана в 1395–1396 годах отметили, что «в Аланском государстве наибольшее сопротивление оказали крепости Полада (по-балкарски Болат-къала) и крепость Таус (Атабий – Утху-къала). В состоянии такого легкого «транса», в котором находился я, думаю, пребывали все слушатели.

Омар не просто пел, он доносил до нас образы и события многовековой давности так, как будто сам был участником тех событий, глубоко чувствуя каждый миг, боль, радость и страдание, колорит воспеваемой местности. Традиционная культура горцев органично сочетает в себе составляющие ее элементы, слушатель не видит разлада с обществом. Герои песни взаимодействуют с природой, ориентированы на сохранение самобытности и культурного своеобразия народа.

Песня – история народа, сложенная и отчеканенная событиями и временем. Омар Магомедович поражал глубоким знанием языка и великолепной памятью. Он знал более 600 песен, в том числе около 400 народных. Мог разложить по частям слово, чтобы наглядно показать, насколько изменился слог, сетуя, что эти слова «канули в Лету», а Омар просто запомнил их, однажды услышав. Надо сказать, что древние песни, собранные и исполненные Отаровым, – это огромный материал для изучения историками, филологами и другими учеными. Названия песен говорят сами за себя: «Аланла», «Уллу Хож», «Хасаука» и др. . .

Искусство – явление многоярусное, включающее много языков, чрезвычайно богатых по своим выразительным возможностям. Такое взаимодействие, «взаимопроникновение» сближает культуры народов, «моделирует мир». Одна

из важнейших проблем любого вида искусства – это его воспитательная функция. Песни Омара Отарова могут служить эталоном нравственного поведения, образцами для подражания. Воспитание искусством, жизнью – нравственная сила, способная глубоко задеть чувство человека.

Созданные Омаром Отаровым образы рождают в душе обязывающий отклик, совершается чудо искусства – его волшебная сила очаровывает, унося в заветные дали.

Ни о чем так в жизни не жалею, как о том, что я не записал его рассказы, предшествовавшие исполнению песен. Каждый из них мог претендовать на содержательный исторический очерк.

Однажды он увлеченно рассказывал о своей мечте снять клипы по воспетым образам. Предлагал начать с песни «Ой, долай, долай!». Говорил: «Найдите бурдюк. Ложка для сбора сливок у меня есть. А о молоке не беспокойтесь, молоком моя коровушка обеспечит. Будет великолепно! Я в образе маслобойщика расскажу, как взбивается масло в бурдюке, сопровождая песней о жизни в достатке, о восхвалении труда, божестве – покровителе крупного рогатого скота».

Нашел бурдюк, прихожу к Омару, показываю. С озорным блеском в глазах он осмотрел его и начал разговор о тонкостях производства масла, о возрасте козла и времени года, когда забивается животное (в гигиенических целях). Рассказал, в чем разница в выделке шкуры для случая хранения продуктов и производства масла. Я недоумевал, почему мы сразу не приступили к репетициям?! И только сейчас до меня дошло, почему он перевел разговор на другую тему – не хотел меня обидеть! Омар Магометович сразу понял, что время доисторического экспоната давно ушло и его невозможно использовать. Мечта осталась мечтой, красивой и призрачной...

Был еще один случай. Пригласили нас на выборы первого президента КЧР, где, выступая на стадионе перед избирателями, на вопрос о его политических симпатиях, он очень гармонично, со свойственной ему деликатностью ответил: «Эки кьуш тьюшсе – садакчыгъа тьок тьюшер» («Если схватятся два орла, перья достаются лучнику»), иначе говоря, «будьте внимательны друг к другу!». Как истинный творец, Омар Магометович каждую культурную ценность преподносил как нечто неповторимое, подчеркивая авторитет старшего поколения. Тонко понимал юмор и умел по-детски радоваться.

Его внимание к окружающим людям передавалось не только теплотой его сердца, голосом, но и щедростью его рук. Он мог делать подарки так, как будто это свыше предназначено, таков был его внутренний мир, многообразие его культурного поля. Однажды он мне подарил теленка и дал наказ: «Расти его, смотри, чтобы не потерялись корни, продолжалась порода...». Подарил картину (она до сих пор висит у меня в кабинете), опять же заметив: «Пусть она напоминает тебе обо мне, о моей мечте...» Эти подарки дороги мне, как память о моем старшем друге, великом человеке, достойном сыне нашего народа.

Незабываемым остался еще один случай. Я встретил Омара, он был грустный, что не свойственно его характеру. Заметив мое недоумение, он опередил вопрос и выразил сожаление о том, что сократили хор Гостелерадио. И тут меня осенило, а не пригласить ли его, как певца, как собирателя и хранителя духовных ценностей, как человека с абсолютным авторитетом, для работы со

студентами в Современную Гуманитарную академию, на что он сказал: «Если приглашаешь меня, пригласи и моего друга Биляла Каширгова. Он будет танцами заниматься...» Я так и сделал. Удивительно, но сам факт их пребывания в нашем учебном заведении каким-то волшебным образом изменил взаимоотношения студентов и сотрудников. Появилась атмосфера тепла, незримого единения поколений, магнетическое воздействие притягивало, меняло миро-воззрение, объединяло, раскрывало души.

Их присутствие очаровывало, вызывало предчувствие чего-то великого, чувствовалась победительная сила собственного достоинства каждого студента, преподавателя. Динамика переживаний ассоциировалось с характером музыки, с динамикой музыкального образа. Омар Отаров был необыкновенный человек, многогранный, и о нем можно говорить долго, много.

Председатель правительства КБР Х. Дж. Чеченов на юбилее Омара Отарова сравнил его творчество с трудом целого коллектива научно-исследовательского института. Судьба талантливых творцов, опережающих свое время, остается в памяти человеческой навсегда. Если обратиться к теории этногенеза (хотя она не является общепризнанной) Л. Н. Гумилева, утверждающей, что в какой-то местности в течение одного-двух поколений рождаются люди, обладающие особой психологической энергией, «пассионарностью», такие люди, обладая мощной силой, сплачивают и активизируют этнос.

«Чтобы что-то созидать, надо чем-то быть» – эти слова великого Гёте говорят о многом. Творец испытывает переживания, которые возбуждают других. Высказывания выдающихся мыслителей подтверждают эту мысль.

«Без эмоций у меня нет мыслей», – говорил Стендаль. «Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавлена капля собственной крови», – писал А. Одоевский. Подлинный образ, созданный творцом, стимулирует воображение, вызывает эмоциональное переживание.

Созданный Омаром Отаровым культурный мир выявил огромные возможности творческой личности; гибкий стиль мышления профессионала, постоянное стремление совершенствоваться, его личностно-психологическую культуру. Он целиком и полностью отдавался любимому делу, до последнего дня жил песнями.

Вспоминая о последних минутах жизни Омара, его супруга Бигат, рассказывала, как ночью, проснувшись, он окликнул ее и сказал: «Я только что вспомнил слова удивительной песни. Послушай, я хочу посвятить их тебе». Она, смутившись, испуганно произнесла: «Что ты! Ночь на дворе! Что скажут соседи!..» Он посмотрел на нее, повернулся на бок и тихо произнес: «А какие красивые были слова...» – и ушел в мир вечности...

Хочу поблагодарить всех, кто продолжает его великую песню, расширяет структуру культурного пространства. Это и нравственная, и правовая, и политическая культура.

Не хватает слов выразить мое отношение к этому человеку, вот эти строки, быть может, появились не случайно.

## ОМАР

Таудулары ёхтем жашы,  
Тарыхланы мурдор ташы,  
Эде алай кьалды Омар,  
Миллет жырла – анга кьадар,

Жаула терен кьаза кёрню,  
Сынаулары да кёп кёрдю,  
Сагьыш бир эт – ол эрмеди –  
Бюгюлмеди, бой бермеди!

Ол бюгюн да бизге жарай  
Турады, ёр тёрге кьарай.  
Ауазындан кёлю тола,  
Халкьы таппа-таза бола...

Гордый сын горцев,  
Камень основания наук, –  
Таким остался в памяти Омар,  
Его судьба продолжается в народных песнях.

Прошедший через козни врагов,  
Испытавший множество трудностей,  
Вдумайся – он не расплавился,  
Не согнулся, не склонил голову!

Он и сегодня помогает нам.  
Стоит, глядя на высокие идеалы.  
Его голосом полнится душа,  
Народ его становится чище.

*(Подстр. перевод)*



*Елена ГУБАШИЕВА,  
доцент кафедры русской и зарубежной литературы  
КБГУ им. Х. М. Бербекова;*

*Наима БОЗИЕВА,  
доцент кафедры литературы и фольклора  
Северного Кавказа КБГУ им. Х. М. Бербекова*

## ОБРАЗ КАВКАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО



Самый общий анализ мифологических символов, свойственных художественной словесности адыгов, приводит к выводу о том, что тексты народов, сохранивших рудименты мифологического мироощущения, насыщены элементами фольклорной архаики. Это становится особенно заметным при обращении к критическим моментам их истории, когда ощущалась необходимость сверхреального осмысления и некоего метафизического оправдания происходившего. Дилогия М. Ю. Лохвицкого (Аджук-Гирей) «Громовый гул» и «Поиски богов» посвящена трагическим событиям Кавказской войны, поэтому мощная мифологемная составляющая её нарратива видится абсолютно закономерной. С другой стороны, обращение к уникальному фольклорному материалу адыгов было для писателя неизбежным, ибо мечта о создании подобного произведения сопровождала писателя с детства. Органично же влиться в «кавказскую» тему русской классической литературы было возможно, лишь представив читателю прозу с ярко своеобразным и новым содержанием.

Первооткрывателями Кавказа в русской литературе были Г. Р. Державин и В. А. Жуковский. Для А. С. Пушкина этот край стал одной из основных областей творческого интереса. Лермонтов делает Кавказ своей поэтической родиной. Л. Н. Толстой пишет исполненные художественного реализма и жизненной правды «кавказские» рассказы и повести. Постепенно романтическая традиция в восприятии и поэтическом изображении Кавказа, господствовавшая в 20-30-е годы XIX века, уступает место реалистической трактовке кавказской тематики и являет образцы высокой культуры постижения Кавказа.

Отдавая дань великим достижениям в разработке кавказской темы своими гениальными предшественниками, Михаил Юрьевич Лохвицкий в совершенно новом изобразительном ключе реализует замысел всей жизни – историческое повествование о Кавказской войне. Можно предполагать, что сама возможность создания состоятельного в художественном отношении произведения – учитываемая творческая мощь его литературных предшественников – была обеспечена совокупностью фактов его личной биографии.

Михаил Юрьевич Лохвицкий (1922-1989) советский писатель, редактор, журналист. Его дед – Закир Аджук-Гирей, адыг, черкес-шапсуг. Будучи двенадцатилетним мальчиком, в 1864 году он чудом спасся во время разорения царскими войсками родного аула, где погибли все его родные. Подобраный

денщиком поручика Пригоры – Иваном – он был усыновлен русским офицером. При крещении в церкви Туапсе, Закир получил имя Захарий, отчество и фамилию своего крестного отца – штабс-ротмистра Петра Давыдовича Лохвицкого – Захарий Петрович Лохвицкий. Впоследствии он окончил гимназию, школу межевиков, Петербургский институт инженеров путей сообщения.

Отец писателя – Георгий Захарьевич Лохвицкий, так же, как и его отец, окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, женился и жил в Петербурге, работал на строительстве Волховской ГЭС, затем – в Узбекистане, на строительстве оросительных каналов, и в Грузии – на сооружении электропередач Закавказской железной дороги.

Михаил Юрьевич Лохвицкий перемещался вместе с родителями по стране (Узбекистан, Грузия), по местам работы своего отца, пока семья не осела в Тбилиси, чтобы определить его в школу. В 1940 году был призван в Красную Армию. Он с честью прошел Великую Отечественную войну моряком Волжской, Черноморской, Азовской флотилий. Поступив в 1947 году на филологический факультет Тбилисского государственного университета, Лохвицкий работает журналистом. Окончив тбилисский университет, надолго поселяется в подмосковном Обнинске.

Вернувшись в Тбилиси, он подолгу живет в селе Кортанеты в Боржомском ущелье.

Михаил Юрьевич Лохвицкий – автор многих произведений, хорошо известных читателям. Это его роман «Неизвестный» (1965), о человеке, потерявшем память в результате ранения на войне. Другое произведение – «Час сенокоса» (1966) – об удивительной способности героя повести Анзора летать. Однако к своему главному замыслу исторической повести о противостоянии черкесов и Российской империи в середине XIX века Лохвицкий приступил лишь после возвращения в Грузию.

Повесть «Громовый гул» (1985) посвящена памяти деда – З. П. Лохвицкого (Аджуг-Гирея), – и представляет собой первую часть диалогии, объединившей историческую повесть «Громовый гул» и роман «Поиски богов» (1989).

Одной из насущных потребностей духа Лохвицкий считал его устремленность к универсализации путем мифологизации реальности, и это понимание сути творческого процесса четко зафиксировано в текстах диалогии. Он использует весь спектр мифологического разнообразия адыгской «Нартиады». Это, прежде всего, мифы этиологические, то есть объясняющие появление культурных особенностей и социальных явлений, мифы культовые, объясняющие происхождение обряда, культового действия. Мифы космогонические, характерный для этой категории мифов пафос превращения хаоса в упорядоченный универсум. В них отражаются космологические представления о структуре космоса. К космологическим мифам примыкают мифы астральные. К категории мифических героев относятся духи, мифологические существа, находящиеся в постоянном взаимодействии с человеком. Известны духи – покровители человека, родовые духи, духи предков, духи – помощники и духи – хозяева, представляющие различные участки обитаемого мира, силы природы. Духи фигурируют в многочисленных адыгских мифах. Представление о духах участвовало в формировании образов богов, и образы богов и духов сосуществуют.

Герой романа Озермес («Поиски богов») – джегуако, певец. Озермес в мифопоэтической традиции представляет собой персонифицированный образ

трансцендентного провиденья, обожествленной памяти коллектива. Джегуако, певец и поэт Озермес знает вселенную в пространстве и во времени, умеет все назвать своим словом, он установитель имен, он, будучи в одной из своих ипостасей ярко выраженным культурным героем, создает мир, но в его поэтическом, текстовом воплощении. Джегуако, как и жрец, воспроизводит универсум, борясь с хаосом и укрепляя космическую организацию, обеспечивая процветание, продолжение в потомстве. Тожество певца и жреца влечет представление о магической силе певца. Певец Озермес уходит из родного аула, сожженного врагами, и в горах ищет богов. Молитвами и жертвоприношениями хочет достичь богов и воспринимать их ответы. Но боги не воспринимают его божественный поэтический дар, который осмысливается земными людьми как нечто утилитарное – так же, как пища, как питье, как подношение им.

Впервые Озермес появляется в первой части дилогии в повести «Громовый гул». Громовой, или громовый, употребляется в названии повести в переносном значении и означает сокрушительный, уничтожающий.

Прослеживается общий путь истории памяти, как особый феномен, оказывающий значительное воздействие на развитие культуры и цивилизацию Кавказа. Греки открыли искусство памяти – мнемонию, которая вошла в европейскую традицию. По словам Д. С. Лихачева, «память – основа культуры» и одна из основ «эстетического понимания культурных ценностей» [1; 82]. Каждое обращение к прошлому было важным, то есть оно обогащает современность, и каждое обращение брало из прошлого нужное ей для движения вперед. «Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым» [1; 80-81].

Культура представляет, по мысли Ю. М. Лотмана, «коллективный интеллект и коллективную память», то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено «как пространство некоторой общей памяти» [3; 200]. Одним из наиболее устойчивых элементов-хранителей памяти культуры, являются, по мысли ученого, символы и мотивы, восходящие к архаическим мифам.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что наиболее распространенные символы в романе Михаила Лохвицкого «Поиски богов» имеют несомненное мифологическое происхождение и соответствующую функциональную семантику, выраженную, прежде всего в персонажах произведения. Это Лесное божество – Мазитха, Хозяйка вод – Псыгуаше, Хозяин плодородия – Тхагаледж, Хозяин молнии – Шибле, наконец, Тха – главный бог адыгского пантеона. Появляются в романе и астральные символы, например Млечный путь, который представляется у многих народов как «путь птиц» или «путь души», ведущий в иной мир. «Млечный путь» в адыгской мифологии – это «Тропа всадника», «Путь всадника». Астральный образ Большой медведицы служит основной идеей романа – отображением космического пути, выражением циклического характера этого пути.

Роман М. Лохвицкого «Поиски богов» написан о человеке, его горестях и радостях, и бесконечных поисках смысла жизни. Герой романа – человек ищущий, взыскующий (*homo quaerens*), пытающийся открыть для себя законы, по которым живет человечество, найти причину людских страданий в проявлениях жизни и в потустороннем мире. Транскультурная мифологема «взыскания бога»



в фольклоре народов мира отразившаяся в образе человека, который хочет найти бога, в романе М. Лохвицкого становится выражением главной миссии героя.

Озермес выбирает себе судьбу народного певца джегуако, чтобы быть вне распрей и конфликтов, не идентифицируя себе ни с чем, ни с одной из ролей – масок, предложенных ему миром людей – муллы, воина, певца, восхваляющего пши за несуществующие подвиги, его цель – быть полиморфным Никем, проникая в образы и характеры, видя их изнутри; слышать не только человеческие голоса, но понимать язык природы, непостижимость ее тайн («В наше ухо не проникают языки, на которых говорят кроты, деревья, бабочки... А сколько из живущих на земле и в воде умеют то, чего не умеем мы?»), видеть богов и духов, проносящихся перед его взором [1; 48]. Интересно то, что в отшельничестве Озермес поет мало, но больше вбирает в себя разные голоса и даже в своем искусстве остается созерцателем. Только созерцатель не знает вины... Но слушать и созерцать само по себе мучение. И Озермес испытывает муки, подобно Прометею, прикованному к скале, двойные муки человека и титана.

Одним из символов цикличности, коловращения жизни в тексте романа становится «колесо времени»: «...Колесо времени, казалось бы, вечно замершее в недоступной для человека глубине мироздания, все-таки вращается и для Тха, и для Духа гор, и они, подобно людям, старятся...» [4;39], – которое, вращаясь то вперед, то назад, показывая в ретроспективе события жизни Озермеса и Чебахан, создает ощущение вневременности всего, что связано с судьбой человека.

«Вечная Женственность» представлена в романе образом жены Озермеса, Чебахан. Она делит с мужем все печали и горести, спасает от смерти во время схода лавин. Озермес сравнивает ее с Жиггуаше («хозяйкой деревьев»), называет ее «белокурая» (ср. Адиюх). Чебахан в романе является посредником между человеком и природой: она чувствует приближение грозы и предупреждает об этом мужа, к ней тянется все живое, как к Великой Праматери. Чебахан, в отличие от Озермеса, не обладает силой поэтического слова, но она мудра, ее разум составляет главное ее достоинство, а чувство единства со всем окружающим миром. Чебахан не видит богов, но понимает язык живых тварей. Она и Озермес – это соединение Логоса и Софии, воплощение священного брака Земли и Неба.

Главным антиподом Озермеса является Меджид, которому Озермес и Чебахан оказали помощь и приютили у себя. Меджид с раннего детства, воспитываясь у своего отца-пши, был заражен идеей войны. Он видел в насилии единственный способ утвердиться в мире людей. Его вера – это слепая преданность религии и всему, что «установлено», всем условностям, принятым у людей. Он не задается вопросами, думая, что владеет ответами, он духовно бездеятелен, в то время как смысл жизни для Озермеса в непрерывных поисках, в вопрошании сущего.

Восхождение Озермеса на гору Ошхамахо является центром повествования и отражением транскосмической мифологемы Мировой Горы как центра вселенной (ср., например, с «Поэмой Горы» М. Цветаевой) и воскрешает в памяти восхождение Христа на Голгофу. Как и Мессия, Озермес принимает в своем сердце все человеческие страдания и перед Духом гор выступает в роли заступника людей.

Дух гор – это проекция образа отца Озермеса, символ мужского начала и вселенского разума. «Озермес ускорил шаг и увидел старца со светящимся лицом, в худой черкеске, который сидел на глыбе льда. На снегу рядом с ним лежала потерянная шапка. Седая до голубизны борода старца спускалась на сплетенные из ремешков прохудившиеся чуйаки, из одного торчал большой палец с загнутым ногтем. Густые, серебрившиеся под луной волосы спадали на высокий желтый лоб, мохнатые темные брови нависали над крупными задумчивыми глазами. За могучими широкими плечами были сложены огромные белые крылья. Луна освещала его сбоку, но тени на снег он не отбрасывал» [4; 137]. Божественный старец, являясь людям в видениях и снах, принимает именно тот облик, в котором его готовы воспринимать (см. Р. Бредбери «Мессия»), и вещает всегда одно: люди должны жить в мире и согласии, почитать бога и любить познание.

Реальность в романе недетерминирована. Она принимает те формы, которые задает ей человек. Для Озермеса это пограничное состояние между сном и бодрствованием, контакт с коллективным бессознательным. Ритуал и сон в романе представлены в видениях Озермеса, и являются главными проводниками человека на пути к познанию.

Двое жизнерадостных людей, Озермес и Чебахан, стремящихся к свету, ищущих душевную красоту, вечную высоту добра, стремящихся к бесконечной гармонии общения людей друг с другом, с природой, с землей и небом, не могут найти мира на земле, не могут найти правды в людях, не приобретают и веры в существование справедливости. Они, напротив, теряют желание бороться за все это, и уходят от людского мира. Уходят далеко, туда, где их не достанет суровая правда корыстных людей, жестокость сердца, беспощадность. Они уходят высоко в горы, оставляя позади все, чем раньше были заполнены их души, что давало им желание жить дальше, что отражалось в их глазах чудесным, животворным блеском, подобным самому солнцу. Они потеряли это. Они уходят, пытаясь оставить позади и боль потерь.

Озермес – народный певец, сказитель-джегуако. В былые времена со своим отцом они проходили много аулов, где их принимали с почтением и слушали их песни. По воле судьбы отец оставил сына, велел ему не прекращать петь, идти навстречу суровым испытаниям, помогать людям своими песнями. Теперь же, из-за войны, Озермес вынужден отложить «шичешин». Они с супругой живут одни, оторвав себя от людей, считая, что люди навсегда потеряли способность ценить и уважать друг друга, быть честными, бескорыстными, открывая друг другу сердца. Оказавшись одни, они как бы отходят от постоянного общения друг с другом и ищут общения с лесными божевами. Озермес обращается к ним, спрашивает у них и получает подразумеваемые ответы на свои вопросы. Он делится с ними своим мнением, советуется с ними и всегда думает о том, что скажут они в том или ином случае. Боги ведут его, сопровождают, благословляют, но не могут ответить на вопрос, который мучает его: почему на долю ни в чем не повинных людей выпадают такие суровые испытания, почему одни люди убивают других.

Общение с богами Озермес ведет внутри себя, в своей душе, большой и красивой. Они, может быть, даже часть его, выражают его внутренний мир, обогащенный высокими чувствами, почтением ко всему благородному, ко всему святому, ибо какой может быть душа доброго и чуткого человека.

Чебахан, его заботливая жена, любящая и покорная, понимает, насколько они с мужем разные. Но она хочет войти в мир его восприятия, хочет так же видеть жизнь, так же ощущать богов, хотя чувствует, что ей это не дано. Этим она не отчуждается от него, наоборот, его некая необыкновенность все больше укрепляет их союз, сближает их души.

Но почему же Озермес сомневается в правильности веры человека в одно Высшее начало? Почему он иногда стоит перед выбором? Может быть, он ищет самого справедливого, того, кто не посылает суровых испытаний людям, не имеющим ни в чем вины, никакого греха? Бог дает человеку свободу выбора зла и добра. И в этой свободе человек может пойти дорогой зла, значит, сам бог тоже участвует в злодеяниях этого человека.

Все это приводит его к выводу, о том, что человеку нужнее и ближе лесные боги. С ними он говорит, с ними он дружит. А они охраняют тишину и покой в его сакле, дабы не погас огонь в очаге. Ему легче с ними, они ближе ему. Они справедливы с людьми. И все это отдаляет его от единого бога, о котором у него сложилось мнение, как о безразличном, безучастном к людям боге. «Я стал сомневаться в мудрости Тха, и порой в том, что он вообще существует. По-моему, вера в Тха превращает человека в раба, вселяет в него страх, и он, поднимая голову, видит не простор неба и солнце, а меч, висящий на волоске над его шеей» [4, с. 147].

Проходило время, так они жили в горах. Кормились тем, что выпадало Озермесу на охоте. И бывали случаи, которые заставляли Озермеса задумываться о боге. Все больше и больше теперь он хотел разобраться в нем. «От коловращения сомнений и догадок Озермесу казалось, что на плечах у него не голова, а кипящий котел, в котором крутится варево из смеси мясной мякоти и требухи. Но погасить огонь под котлом он не хотел, да и не смог бы. Тем более, что, размышляя о смысле жизни человека, всегда задумывался и о том, чью душу получит крохотное существо...» [4;201].

Устремив взгляд в высоту, на вершины Ошхамахо, он надеется найти бога, увидеть. С этой целью он настойчиво взбирается на Ошхамахо. Озираясь по сторонам, не найдя Тха на вершинах, Озермес был в досаде. Он решил, что если Тха есть, то находится еще выше, на непреодолимом для людей расстоянии. И все-таки его труд не был напрасным: на все вопросы, на которые он хотел получить ответы, ответила его душа, бог в его душе.

Он в своей душе постиг, познал бога. Узнал, что бог един, что все на земле от бога. И очень много в мире загадочного и непостижимого. Нужно жить, познать правду, говорить о правде, стремиться к правде.

Озермес с женой вернулись к людям. Они поняли, что все потерянное можно вернуть снова – и в душе, и в жизни. И наш джегуако снова взял свой шичепшин.

#### Библиография

1. Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 82.
2. Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 80, 81.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992, Т. 1. С. 200.
4. Лохвицкий М. Ю. Поиски богов. Нальчик, 1989. С. 147.

## ГЕНДЕР: ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕОРИИ ОПРОВЕРГАЮТСЯ КАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Гендер – это социальный статус, который определяют индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейные роли и репродуктивное поведение. Понятием гендер современная социальная наука, включая философию, обозначает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.<sup>1</sup>

Гендерные исследования как новое научное направление возникли в 70–80 гг. XX в. в Европе и Америке. В отечественной науке гендерные исследования появились в начале 90-х гг. XX в. как междисциплинарное направление, включающее в себя разные науки: философию, антропологию, социологию, педагогику, историю, политологию, культурологию и т.д. Современные зарубежные и отечественные гендерные исследования развиваются в двух направлениях: women's studies (женские исследования) и men's studies (мужские исследования).

До конца 1980-х годов гендерные и женские исследования употреблялись как синонимы, начиная с 1990-х годов под гендерными исследованиями стали понимать изучение всех форм взаимодействия и сосуществования мужчин и женщин в разных культурах и обществах.

Открытие понятия «гендер», а также дифференциация категорий «пол», «sex», «гендер» позволяет лучше разобраться во многих проблемах пола, рассматривая биологические и социокультурные факторы как вместе, так и независимо друг от друга. Разграничение понятий «пол» и «гендер» позволяет осуществлять дифференцированный анализ парных категорий:

- 1) мужское – женское;
- 2) мужественное – женственное;
- 3) маскулинное – феминное;
- 4) маскулинная женщина – феминный мужчина;
- 5) типичная-нетипичная женщина;
- 6) типичный-нетипичный мужчина.

Рассматривая их соотношение как общечеловеческое и специфическое, как универсальное и конкретное, как типичное и особенное, как часть и целое и т. д.

Понятие «гендер» в современной науке имеет несколько значений и используется в разных контекстах: 1) гендер как стратификационная категория; 2) гендер как культурная метафора; 3) гендер как научная дефиниция; 4) гендер как социокультурный конструкт и т. д. В отличие от понятия «гендер» неразработанными и неиспользованными оказались понятия гендерная проблема, проблема пола и др.

<sup>1</sup> Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 24.

Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.). Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы, как правило, ассиметричны таким образом, что мужчины и все «мужское/маскулинное» (черты характера, модели поведения, профессии и прочее) считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все «женское/феминное» определяется как вторичное, незначительное с социальной точки зрения и подчиненное.<sup>2</sup>

Традиционные философские теории пола основывается на двух априорных принципах: различия между мужчинами и женщинами имеют биологическую природу; роли мужчин и женщин дифференцированы как диаметрально противоположные. При этом понятие «маскулинной природы человека» глубоко коренится в философской традиции. С начала развития философской мысли феминное символически ассоциировалось с тем, что противоположно разуму.

Итак, под проблемой гендера понимается теоретическое изучение и разрешение комплекса вопросов и задач, рассматривающих роль и место мужчин и женщин в обществе, генезис, детерминацию и трансформацию их отношений в общественном развитии. Проблема гендера в истории развивалась в нескольких направлениях: согласно первому направлению (биологическому) пол определяется биологически.

З. Фрейд говорил «Анатомия – это судьба». Согласно второму направлению (гендерному) пол определяется социокультурно. Симона де Бовуар подтвердила свою теорию фразой: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Автор отдает предпочтение третьему направлению (биогендерному). То есть пол определяется биологическими и социокультурными факторами одновременно, то есть женщинами и мужчинами сначала рождаются, а потом становятся. Итак, проблема пола является бинарной по своей природе – биосоциальной, так как состоит из двух компонентов: естественно-природного, включающего морфологические, анатомические, физиологические, психологические различия полов, и социокультурного, причем естественноприродный компонент остается постоянным, в то время как гендерный – подвижным и изменчивым.

Гендерная проблема – это выявление социокультурных факторов, детерминирующих различия в поведении, социальных и других функциях мужчин и женщин. Гендерная проблема является частью проблемы пола, и соотносятся они как часть и целое.

В обобщенном виде можно выделить следующие основные аспекты:

1. Социальную ранжированность, определяющую роль мужчин и женщин в обществе (престиж, социальная репутация, степень уважения и т.д.);
2. Социальную стратификацию, определяющую место мужчин и женщин в обществе (социальный статус, место в социальной иерархии и т.д.);
3. Проблему взаимоотношения полов или диалог полов (социокультурный);
4. Семейно-брачные отношения.

Настоящей революцией в западной философской мысли явилась работа одного из лидеров французского экзистенциализма Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949 г.), которая сыграла огромную роль в возникновении теории фе-

<sup>2</sup> Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 24.

минизма XX в. Как отмечают исследователи, с помощью методологии экзистенциализма Бовуар попыталась в этой книге – как и вообще в своем творчестве – объяснить феномен гендерного неравенства и причины происхождения сексизма в обществе и культуре на уровне философской теории. Кроме того, философское и художественное творчество Симоны де Бовуар – это одна из первых философских, теоретических попыток артикулировать феномен женского в культуре: женского мышления и языка, женской литературы и письма, женской субъективности и структур женского опыта; данное направление философии позже получит название философии, или теории, феминизма.

Многие истоки постмодернистского феминизма обнаруживаются в работе Симоны де Бовуар, которая сформулировала сущностный вопрос феминистской теории: «Почему женщина – второй пол?» или, говоря иначе, «Почему женщина есть Другое (Иное)?».

Основное отличие экзистенциалистской концепции женского Симоны де Бовуар от феминистских концепций XIX и начала XX вв. состоит в том, что вопрос о дискриминации женщин был поставлен ею на теоретическом уровне – вне сферы политического и структур производства. По ее мнению, феминистки XIX в. совершали существенную ошибку в концептуализации феномена женского, сосредоточившись исключительно на социально-политических и экономических аспектах проблемы зависимого положения женщин, так как, по мнению Бовуар, феномен зависимости внедрен в человеческую жизнь гораздо глубже – на уровень индивидуальной психологии и индивидуального бессознательного. Только проанализировав эти скрытые от поверхностного взгляда уровни человеческой реальности, можно ставить вопрос о статусе женского в культуре.<sup>3</sup> При этом значимость женского и мужского статуса, как считается, не симметричны, не равны.

В европейских сообществах доминирующей формой гендерной асимметрии является феминизм. Однако существуют и другие формы гендерной асимметрии, которые придают культуре этноса неповторимый колорит, никак при этом не посягая на личные свободы женщины и ее моральное самоощущение. Это, в частности, связано с формами трудовой или культурно-творческой специализации, – женщины (ковродельщицы в Дагестане, гармонистки у всех этносов Кавказа) и мужчины (повара у арабов) и т.д. Свою особую гендерную специфику демонстрируют кавказские народы.

Кавказ многоцветен природой и типажам жителям, равно как и философией жизни, а история его областей своеобразна. Здесь находятся страны (Армения и Грузия), которые в числе первых, еще в IV и V веках в качестве официальной религии приняли христианство. В Азербайджане же и в Дагестане с VII века начал утверждаться ислам. К тому же в горных районах Кавказа до XIX века основные религиозные обряды оставались языческими.

Впрочем, это разнообразие культурных традиций не затмевает общего в кавказцах – того, что объединяет их в особый культурный мир. Одно из таких объединяющих начал – уважительное отношение к женщине: к дающей жизнь матери, к сестре, жене, дочери. Уважение к женщине проявлялось безотносительно того, были это христиане или мусульмане, горцы либо жители долин и городов. Есть ли здесь основание говорить об асимметрии статусных значений женского и мужского на Кавказе?

---

<sup>3</sup> Словарь гендерных терминов. М. С. 21.

Правда, сторонние наблюдатели отмечали принципиальные отличия в положении женщин среди населения разных областей Кавказа. В одних случаях им бросалась в глаза внешняя независимость, открытое поведение женщин на людях. В иных случаях им казалось, и они брались убеждать в том других, что горянка есть подневольное по отношению к мужу и установленным миром мужчин порядкам существо. И такой взгляд на положение кавказских женщин во многом привился во внешнем видении кавказской культуры. В действительности горянки исполняли то, что в полной мере сами считали своим долгом, своими обязанностями, подобно тому, как обязанности отцов, мужей, братьев и сыновей они воспринимали целесообразными и незыблемыми. В такой ситуации говорить об асимметрии мужского и женского в кавказской культуре фактически нет оснований.

В культуре народов Кавказа женское и мужское имеют свои пространства, разделяемые условными, но всеми осознаваемыми границами, которые, впрочем, не только и не столько делают, сколько объединяют эти две половины человечества. Правое – левое, верхнее – нижнее. В этих парах первые позиции принадлежат мужчинам, вторые женщинам. На правую и левую половины делился традиционный жилой дом, условная граница между которыми проходила по линии очага. Но сам очаг входил в женскую половину или, лучше сказать, она сама организовывалась вокруг очага. Поэтому сооружение очага нередко вменялось женщине к исполнению, а попечение о нем неизменно входило в круг ее обязанностей, и потому женщину называли «хозяйкой очага». Возле очага женщина нередко рожала, и он воспринимался гарантом стабильного будущего семьи, «родовой» группы, и это определяло символическую тождественность надочажной цепи и груди старшей женщины семьи, «рода». Тот, кто искал защиты под кровом определенного дома или вымаливал себе прощения у его обитателей, должен был взяться за цепь либо прикоснуться к груди хозяйки. Оба действия являлись в одинаковой мере священными.<sup>4</sup>

Таковыми же священными и непререкаемыми были жизнь, здоровье и честь женщины. Степень ответственности за похищение жены нередко превышала ответственность за убийство отца или сына, а изнасилование расценивалось более тяжким преступлением, чем убийство. «Двойное канлы» (расплата, штрафная санкция) ожидало того, кто посягнул на жизнь женщины – оно возлагалось на самого преступника и на его ближайшего родственника, а кровотоомщение за бесчестье женщины не влекло за собой ответного шага. Более того, «никакая кара, никакая месть и тем более убийство, – записал наблюдатель XVIII века, – не могут быть совершены в присутствии женщин». Появление женщины в гуще сражающихся мужчин, если при этом она снимала платок и обнажала голову, останавливало кровопролитие. Женщина была ответственной за сбережение жизненного потенциала своей семейной группы, общества, к которому принадлежала. И потому женщина, будь то мусульманка, христианка либо язычница, обладала на Кавказе чрезвычайно высоким общественным статусом. Весьма характерно, что в Дагестане самой действенной клятвой, более значимой даже, чем клятва именем Бога, являлась клятва женой. Клятвопреступник обязан был развестись с женщиной, которая даровала жизнь не просто его детям, но продлевала ее целому «роду».

Сознавая столь высокую ответственность, женщины переносили любые тяготы жизни. Тем более, что и повседневные их обязанности обладали высокой

<sup>4</sup> mirkavkaza@mail.ru.

семиотической нагрузкой, что широко подтверждается едва ли не всем строем фольклора.

Так, народные поговорки гласят: «Муж – наружная стена дома, жена внутренняя»; «Жена – столб дома, дом держится на ее плечах»; «Построенный женой очаг и Бог не разрушит, а построенный Богом жена разрушит». «Что за женщина, – говорили осетины, – которая не в состоянии приготовить стол для гостя, не умеет принять его, не может соткать материю на череску». Этническое сообщество внимательно следило за тем, как справляется со своими обязанностями хозяйка, и формировали общественное мнение о семье в целом. «Худа ли, хороша ли эта заслуженная ею репутация, тень ее... неминуемо... падает также и на мужа». Это и понятно – ведь женский домашний труд создавал для семьи и дома своего рода оболочку, через которую они воспринимались обществом.

Здесь необходимо подчеркнуть, что кавказские женщины славятся рукоделием, сотканными коврами, а горянки еще и яркими вязаными носками и шерстяной обувью. Европейские путешественники о жительницах многих областей Кавказа рассказывали, что, как только выдавалась свободная минута, они усаживались за ткацкий станок или начинали вязать. Подобные трудовые операции по-своему иллюстрировали «женский миф» о творении мира – символический акт сплетения созданных руками женщин нитей в единое целое. Да и сама нить дарила благополучие. В новогоднюю ночь хозяйки в Юго-Восточной Грузии пряли шерсть, а потом нитками обвязывали руки спящим детям, затем обвязывали ими же всю посуду, опорный столб дома (который многозначительно именовался «деда-бодзи» – «мать-столб»). Эти действия выражали стремление и пожелание здоровья домочадцам и благополучия дому.<sup>5</sup>

Флоды женского труда, преимущественно сосредоточенного в пространстве дома, и создают жизненное пространство семьи. Именно поэтому же и мужчины со столь глубоким почтением относятся к женщине в кавказском этнокультурном пространстве.

Важнейшие качества каждой кавказской женщины – гостеприимство и радушие, уважение к истории и культуре не только своего, но и других народов, верность дружбе и данному слову, уважительное и почтительное отношение к старшему, скромность и вежливость, трудолюбие, знание обычаев поворотимства и взаимной помощи, народных праздников и обрядов.

Первая заповедь кавказского гостеприимства – гостя надо накормить и напоить. Желание гостя – закон, и за неуважение к гостю, плохое гостеприимство даже выселяли. Традиционным угощением, например, дагестанцев является пища из мучных и мясо-молочных продуктов. Распространенными блюдами являются хинкал, подаваемый с мясом, брынзой и помидорной и чесночной подливой, пельмени с начинкой из тыквы (именуемые «чуду»), творога с яйцами, крапивы с орехами или трав; каши, курага, тыква, супы, пироги (чуду) с разнообразными начинками. Обычай и традиции дагестанской кухни в совершенстве знает каждая дагестанская женщина.

Изложенное, как нам кажется, дает основание заключить, что феминизм не имеет никаких шансов быть воспринятым и поддержанным кавказскими женщинами. И причина здесь очевидна. Женщина на Кавказе всегда пребывала и продолжает пребывать в пространстве такой культуры, которое, пожалуй, именно они творят и продвигают ничуть не в меньшей мере, чем мужчины (если не больше).

<sup>5</sup> «Дагестанская женщина». Алиса и Марьям.



Нургали ТЛУПОВ

## СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Тлупов Жанхот Ибрагимович родился в 1900 году в сел. Шалушка, член КПСС с марта 1924 года, активный участник гражданской войны и социалистического строительства в Кабардино-Балкарии.

Ж. И. Тлупов прожил недолгую, но славную жизнь борца и труженика. В ноябре 1917 года семнадцатилетний Жанхот стал бойцом 1-й коммунистической роты в г. Георгиевске. С мая по ноябрь 1918 года он служил в г. Пятигорске в отряде Ильина, участвовал в разгроме контрреволюционных банд Шкуро в районе Кавминвод. В завершающих боях по ликвидации антисоветского бичераховского мятежа на Тереке в конце 1918 года и в сражениях с деникинцами в январе 1919 года Тлупов участвовал, будучи командиром эскадрона 2-го кавполка 3-й кавбригады 11-й Красной Армии. С июня 1919 года по апрель 1920 года Жанхот Ибрагимович – начальник батареи, командир конной разведки, помощник командира Кабардино-Балкарского отряда терских красноповстанческих войск на территории Чечено-Ингушетии.

Сослуживец Ж. И. Тлупова, член КПСС с 1920 года, кавалер ордена Красного Знамени Т. Ж. Хуламханов писал: «Куда бы партия ни направляла Ж. И. Тлупова, он честно и добросовестно выполнял все задания, был преданным коммунистом, служил примером для других. Он был не только активным участником с начала Октябрьской революции и до полного разгрома контрреволюции, но и являлся также одним из первых вожаков среднего звена в период социалистического строительства в Кабардино-Балкарии».

Сохранились документы, отражающие деятельность Ж. И. Тлупова и после окончания гражданской войны. Первое время он был заместителем начальника Нальчикского гарнизона и командиром отряда по ликвидации бандитизма. Затем работал председателем сельсовета в родном селении Шалушка, был членом президиума и начальником административного отдела Нальчикского окрисполкома. В 1924 году Тлупова перевели на работу в органы ОГПУ. Будучи окружным оперуполномоченным, начальником административного отдела КБАО, он немало сделал для охраны общественного порядка и укрепления социалистической законности. Очень полезной и плодотворной была деятельность Ж. И. Тлупова на посту председателя Нальчикского горисполкома в 1930-1934 годах и начальника областного дорожного транспорта в 1934-1937 годах.

В 1975 году бывший помощник председателя Нальчикского горисполкома Карданов Тамаша рассказал мне: «Жанхот много делал для благоустройства города. Решил он сделать футбольное поле для молодежи на месте, где сейчас стоит памятник В. И. Ленину. Тогда это было место, поросшее колючими растениями, терновником.



Организовал он субботник: попросил молодежь города, чтобы пришли с топорами, попросил у председателей колхозов сел Вольный Аул, Кенже, Шалушка гужевой транспорт для вывоза мусора, колочек. За один день привели место для футбольного поля в порядок. Через день-другой первый секретарь обкома партии Б. Калмыков проезжал мимо этого поля и не узнал его. Он заинтересовался, кто это так сделал, и узнал, что Жанхот. Это ему не понравилось, слишком много делает без его ведома. По этой причине Жанхота отправили на самый трудный участок – начальником областного дорожного транспорта. Но в этой должности Жанхот показывает себя как трудолюбивый, грамотный руководитель, умеющий направлять трудовой коллектив на достижение высоких показателей в работе.

Но этим опала Жанхота не закончилась. В ноябре 1936 года его отправили председателем колхоза родного села Шалушка. В это время колхоз находился в очень тяжелом положении: не было кормов для общественного скота и, следовательно, начался высокий падеж лошадей, овец. Еще колхоз был плохо подготовлен к весенне-полевым работам. Все это списали на Жанхота. По этой причине 23.01.1937 года его арестовали, обвинив «во вредительской антиколхозной работе». И 25.07.1937 года он был расстрелян. А его жену Фросю и малолетнюю дочь Лелю арестовали и сослали в Казахстан.

Посадили Фросю в тюрьму, Лелю отдали в детский дом. В 1957 году их реабилитировали, но, к сожалению, этого Жанхот Ибрагимович уже не узнал. Фрося вернулась в Нальчик, в 1957 году ей дали квартиру, где она проживала до конца жизни. А Леля пропала без вести.

Жанхот честно и самоотверженно служил Ленинской партии и народу. Он отдавал все силы, знания и энергию делу социалистического строительства в Кабардино-Балкарии».

*Источники:*

1. ЦГА КБАССР, ф. р. – 197, ед. хр. 32, л. 291. Партархив Кабардино-Балкарского обкома КПСС, ф. 25, д. 27, 28, 31, 64. Личное дело Ж. И. Тлупова.
2. Газета Чегемского района «Красное знамя», 7 ноября 1967 года.



## Посвящения грузьям

Русскоязычный балкарский поэт Алим Алафаев известен как автор многочисленных поэтических посвящений. Одна из его книг так и называется – «Посвящение на камне».

В новый сборник Алима Алафаева «Балкария: стихи и песни» (Нальчик, 2014) включено немало стихотворений, адресованных не только соплеменникам, но и кабардинским друзьям и коллегам. Автора по праву можно назвать певцом дружбы народов. Собранные посвящения составили своеобразный «кабардинский цикл», который, несомненно, заинтересует читателей журнала.



## Кабардинка

Соплеменница Марии,  
Как царица, ты стройна,  
Мне улыбку подарила –  
И в душе моей весна.

Ты прекраснее Марии,  
Солнце меркнет пред тобой,  
Взгляд насмешливо-игривый  
Амазонки озорной.

О, пантеры чёрной поступь  
И бровей крылатых власть!..  
Раньше было очень просто:  
Полюбил – сумей украсть.

Эти длинные ресницы  
Ранят сердце мне стрелой.  
Здесь гордится вся больница  
Практиканткой молодой.

Если русло манит в пропасть,  
Не течёт назад ручей.  
Я лечу, осилив робость,  
В пропасть чёрную очей.

О, нездешняя орлица,  
Расскажи мне, чья ты дочь?  
Перестань, краса, сердиться,  
Не гони поэта прочь!

Говорила под луною,  
Свой платочек беребя:  
«Украдёшь – своей косою  
Задущу, орёл, тебя!»

Я ответил дерзновенно,  
Пусть моя безумна речь,  
Что погибну с наслажденьем  
На закате смуглых плеч.

Улыбнулась кабардинка  
Мне подснежника нежней,  
Тает, тает сердце-льдинка  
У возлюбленной моей.

Я сложу ей песню мая,  
Разбужу огонь в крови  
И познаю, обнимая,  
Ливень радужный любви.

1967

## Дочь Балкарии

*Инне Кашежевой*

Люблю я песню старую,  
Слова, как снег, светлы.  
Воспела ты Балкарию,  
Где горы и орлы.

Душою голубиною  
Стремилась в край орлов.  
Пленилась кабардинкою  
Страна седых снегов.

В горах, звеня бокалами,  
Пьют стоя за тебя.  
Прославила Балкарию,  
Как мать свою любя.

И дарит кабардиночке  
Эльбрус – отец ветров,

Не белую косыночку –  
Папаху облаков.

Встречает гостью заново  
Двуглавая гора  
Улыбкою айрановой  
И клёкотом орла.

Сияет солнце горное,  
Свершая свой полёт,  
Счастливое и гордое  
Дотронуться даёт.

А песенка не старится,  
Как горная река.  
Ты дочь Балкарии  
Осталась на века.

2013

## Осень

*Л. А. Бекизовой*

Крадётся лисой незаметно,  
Надев золотистый наряд,  
Пред нею склоняется лето,  
Поэты любовью горят.

Шагает природы царица,  
Прекрасней на свете нет лиц,  
Гуляет по парку, как жрица,  
И листья к ней падают ниц.

Есть в осени жаркое лето,  
Весны не остывшая кровь,  
Пьянит и волнует поэтов,  
Художников и маляров.

Стоит, как венец мироздания,  
И не понимает сама:  
О, сколько в ней таинств и знаний,  
Философ сошёл бы с ума!..

Царицей я был околдован,  
Напрасно ходил по пятам.  
Моё ручейковое слово  
Звенело по горным камням.

Но осень исчезла куда-то,  
Оставив одежды в лесу.  
Смотрю на улыбку заката,  
Роняя, как клёны, слезу...

2007

**Молчанье***А. А. Мамхегову*

В канун счастливый юбилея  
Несу стихи в подарок другу,  
Чтоб он, с годами не белея,  
Услышал солнечную вьюгу.

Ценю высоких гор молчанье,  
Оно живей речных потоков.  
Речей журчанье и мычанье  
Растает в воздухе до срока.

Дружили без словес ненужных,  
Вершины покоряя молча.  
Не тот хранитель крепкой дружбы,  
Кто скажет слаще или громче.

В минуты счастья и печали,  
Читая волны чувств во взоре,  
Мы были рядом и молчали,  
Презрев за говорливость море.

Идём с горы – зияет бездна,  
Ценнее друга нет подарка.  
Молчанье – гений, слово – бездарь  
И ложь на чёрной иномарке.

По трудной жизненной дороге,  
Как братья, мы шагаем двое...  
Я понял, что всего дороже  
Твоё молчанье живое.

2011

**Мы пили воду из Череха***Сафарби Хахову*

*Мы пили воду из Чегема,  
Ты наверху, а я внизу.*

*А. Кешоков. «Кайсыну Кулиеву»*

Мы пили воду из Череха,  
Я наверху, а ты внизу.  
Душой родному человеку  
На юбилей стихи несу.

Мы пили воду из Череха,  
Хмельной от счастья, по утрам  
Я звонко солнцу кукарекал,  
Ты вторил весело громам!

Мы пили воду из Череха,  
Не уставая воспевать  
Любимый край, где наших предков  
Река поила, словно мать.

Поэтам не грозит кончина,  
Кто сердцем славил край родной.

Ведёт на вечные вершины  
Эльбрус двуглавый нас с тобой.

Пройдя, как братья, жизни реку,  
С горы, где места хватит нам,  
Я буду солнцу кукарекать,  
Ты вторить весело громам!

И мы свой подвиг совершили,  
И мы обласканы судьбой...  
Молчат ушедшие вершины,  
О них река поёт зурной.

Земля, взрастившая поэтов,  
До звёзд их славу вознесла!  
Парит Эльбрус над всей планетой,  
Как горской песни два крыла.

## НАВЕКИ В ПАМЯТИ



Каждый год наша страна широко отмечает День Победы. И каждый год неумолимо отдаляет нас от того сурового времени, от того горя, которое внезапно постигло все народы нашей большой многонациональной страны. И с каждым годом, к сожалению, все меньше и меньше остается тех, кто победил в Великой Отечественной войне, спас страну от фашистского гнета.

Чем дальше это время от нас, тем больше хочется донести до нынешнего поколения значение и роль этой войны, сохранить в душе память о тех, кто принес нам эту победу, донести до потомков их деяния в суровые годы войны, чтобы помнили, какой ценой она досталась.

Когда Отечество оказалось в опасности, в борьбе против единого врага – фашизма – встали сыны и дочери всех народов огромной страны. Слово «родина» стало символом матери, родных и близких, которых надо было защищать. Все понимали, что от судьбы родины зависит судьба земли отцов и личная судьба каждого труженика тыла. Такие понятия, как «родина» и «жизнь», стали неразделимы.

Одним из таких патриотов своего отечества, ни на секунду не сомневаясь в верности своего дела, с оружием в руках вставшим на защиту своей страны, был мой отец – Сатрачев Юсуф Локманович.

Уже двадцать лет, как отца нет с нами. Но в связи с празднованием знаменательной даты я хочу рассказать о победе моего отца, чей жизненный путь был героическим и удивительным образцом честности и порядочности, полным побед над собой, над лихолетьем, над злом и несправедливостью.

Мой отец родился в 1916 году в селении Нижний Чегем в зажиточной семье. В 1939 году был призван в Красную армию. Службу начал в Калининской области в составе 76-й танковой бригады отдельной зенитной батареи 1374 стрелкового Краснознаменного полка им. Богдана Хмельницкого, наводчиком. В 1940 году – участник Финского фронта 301 с/п. В 1941 году ему присвоено гвардейское звание с правом ношения нагрудного знака «Гвардия». В 1942 году присвоено звание младшего сержанта, а в феврале 1943 года он стал командиром корректировщиков 76-й танковой бригады отдельной зенитной батареи. В 1943 году был ранен, лечился в госпитале в г. Днепропетровске.

Мой отец участвовал в боях на Варшавском направлении. Награжден медалью «За освобождение Варшавы». Часто он вспоминал эпизод из боёв под Варшавой. Когда немцы, отчаянно сопротивляясь, не пропускали их вперед, пулеметная рота младшего сержанта Сатрачева была оставлена для прикрытия. Они тогда замаскировались в стороне, и как только немцы приближались, открывали пулеметный огонь. Много немцев было уничтожено в этом бою. Был тяжело ранен и неизменный боевой друг Юсуфа – Игорь Якименко, которого он на своих плечах вынес с поля боя. Прошло много лет после этих событий,

а мой отец и Игорь Якименко еще долго дружили, переписывались и ездили в гости друг к другу.

С честью выполнила тогда рота пулеметчиков задание командования. Отец вспоминал, когда он после боя пошел осматривать, нет ли кого в живых, раненый немец поднял голову и показал кулак. Юсуф взял его в плен.

За этот бой он был награжден медалью «За отвагу». Указом Президиума Верховного Совета СССР медаль вручил командир 1374 стрелкового Краснознаменного полка им. Богдана Хмельницкого подполковник М. Тунин.

В составе II Украинского фронта прошел, отражая атаки, через всю Польшу младший сержант Саграчев. Он вспоминал, как польские солдаты тоже участвовали в освобождении Варшавы. Ими командовал генерал-лейтенант Берхинг. Выгнав фашистов из Польши, преследуя их, с боями дошли они до Берлина. В Польше, по воспоминаниям отца, всех обрадовала весть, что взяли в плен начальника жандармерии генерал-лейтенанта Мозера. По его приказу были уничтожены сотни советских граждан в концлагере Майданек.

Мой отец участвовал в боях за освобождение Праги. Награжден медалью «За освобождение Праги». Дошел до Берлина, видел, как Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы над Рейхстагом. Как и многие другие, он тоже оставил на стенах Рейхстага надпись – «Саграчев с Кавказа».

Награжден медалями «За взятие Берлина», «За боевые заслуги» и множеством благодарностей от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина (№ 236 от 22 января 1945 г., № 265 от 24 января 1945 г., № 239 от 23 апреля 1945 г., № 300 от 12 марта 1945 г., и др.). С 7 апреля 1945 г. был участником армейского сбора боевого актива. Был демобилизован в июне 1946 года.

После войны он работал комбайнером в колхозе им. Ленина Павлодарского района Казахской ССР вплоть до возвращения на свою историческую родину.

Имел много грамот, ценных подарков. По комсомольской путевке уехал на целину, был награжден медалью «За поднятие целинных земель».

После этого он работал в колхозе им. Калмыкова Чегемского района КБР. За многолетний добросовестный труд был награжден медалью «Ветеран труда» и многими ценными и именными подарками.

О его достижениях в овцеводстве писали в наших местных газетах, передавали по радио.

О нем можно еще много говорить – вся его жизнь была примером для подражания. Он нас всегда учил жить в дружной единой семье братских народов, делать добро, помогать друг другу. «Берегите мир, – говорил он нам, – война несет с собой разрушение и страдания, хотя начинают ее не простые люди, а те, чьи политические амбиции позволяют управлять чужими судьбами и жизнями во имя своих личных устремлений».

Нельзя забывать нам эти заветы отцов, горькие уроки истории, тех, кто принес эту Победу, чтобы эта катастрофа никогда больше не повторилась.

День Победы живет теперь в нас, в сердцах благодарных потомков. Об этом говорит и Бессмертный полк, который впервые за долгие годы объединяет страну. Мы тоже прошли в этом строю с портретом отца. Пока будет жить память о победителях, о тех, кто отдал свою жизнь за Родину, я думаю, будет в надежных руках тот мир, который они принесли.

### МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Неоспорима мысль о том, что малая родина, отечество, родной край играют значительную роль в жизни каждого человека. Но мало говорить о любви к родному краю, надо знать его прошлое и настоящее, богатую духовную культуру, народные традиции, природу. Занятия краеведением не только требуют знаний в области истории, искусствоведения, литературоведения, природоведения и прочего, но причащают людей всем этим интересоваться и повышать свой культурный уровень, создавать новые и пополнять старые музейные и архивные хранилища, связываться со специалистами, читать научную литературу.

В современную эпоху, когда рушатся человеческие ценности, страдает духовная культура, образование обратило свой взор на возобновление работы школьных музеев. В нашей школе открыт музей, где собраны экспонаты по истории родного края, предметы, привезенные поисковиками из экспедиций. Мы, авторы данной работы, являемся членами поискового клуба при школьном музее Боевой Славы им. Л. Э. Ашижевой, который работает на базе школы более 40 лет. Естественно, что за это время собран материал, который и лег в основание нашей творческой работы.

Актуальность темы исследования обусловлена изменениями, которые происходят в обществе. Россия стоит на пути формирования гражданского общества. Молодой гражданин должен быть способным к самостоятельному анализу жизненных реалий, принятию ответственных решений. Ему необходимо обладать достоинством и личной ответственностью, уважать и беречь культурное наследие своей родины. Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если он не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему краю, городу, селу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань. Совсем иначе с историческими памятниками. Их утраты невозможны, ибо они всегда индивидуальны и связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными людьми. Каждый памятник разрушается, искажается и ранится навечно. И он совершенно беззащитен и не восстановит самого себя. Поэтому важной задачей является формирование гражданина-патриота своей страны, знающего законы государства, обладающего правами и обязанностями, принимающего участие в жизни общества, обладающего определенными ценностями, активной нравственной позицией, готового бескорыстно служить обществу, способного оптимально строить свою жизнь в демократическом государстве, любящего свой край, отчизну.

Уже много лет растет интерес к нашему району, который имеет богатое историческое прошлое и прекрасные рекреационные ресурсы. Но главным пунктом интереса являются Курпские высоты, где в далекие годы Великой Отечественной войны прошли тяжелейшие бои и где наши солдаты не пропу-



стили фашистов к грозненской нефти. А вот духовный и нравственный уровень молодежи падает. Район привлекает много туристов, родственников погибших и воевавших солдат, приезжают учащиеся из разных районов нашей республики и соседних республик. Теперь мы хотим привлечь внимание простых туристов к историческим местам. Нам есть, что показать и что рассказать. Чтобы приезжие могли увидеть живую историю, а подрастающее поколение, соприкоснувшись с прошлым, повысило свой духовный и культурный уровень, предлагаем нашу работу.

Музейные реликвии – своеобразные живые «голоса истории» и богатейший иллюстрированный материал. Орудия труда, оружие, одежда, предметы быта; личные вещи воинов, документы, награды, фотографии, разнообразные источники помогают нам ощутить эпоху, производят большое впечатление.

Одним из основных компонентов в создании школьного музея является составление тематически-экспозиционного плана, то есть последовательного перечня абсолютно всех материалов, которые включены в экспозицию. Ребята из совета музея провели кропотливую работу по учету музейной коллекции. Они определили функциональное либо документальное значение каждого экспоната и его место в той или иной экспозиции. Эта деятельность была значимой в работе музея, так как определить место каждого экспоната следует органично в общей экспозиции. Тематически-экспозиционный план составлен по отделам, стендам, и все эти материалы были проанализированы и изучены нами.

Для изучения темы мы познакомились с литературой по выбранному вопросу. Благодаря первоисточникам и интернету, мы познакомились с работой музеев в разных уголках страны, с работой, которую проводят активисты музея. Во время полевых работ мы фотографировали некоторые объекты. Беседовали с жителями населенных пунктов.

Много интересного мы узнали из книги Анатолия Сосланбековича Дзагалова «Исламово: забытые предки».

Из исторического прошлого малокабардинского селения:

Современное селение состоит из двух поселений-кварталов: Верхний квартал (Исламово) и Нижний (Инароково). К сожалению, в архивных документах точную дату возникновения селения обнаружить не удалось. В книге «Малая Кабарда» В. С. Беспланеева указывается примерный период поселения. По мнению автора – это первая четверть XIX века.

Приступая к сбору материалов по Исламово, автор даже не мог предположить, насколько трагичны некоторые этапы его истории. Особенно это касается начального периода «народной власти», когда, казалось бы, подобное невозможно и недопустимо. Жители селения и в царское время подвергались репрессиям. Некоторые из них даже были сосланы в Сибирь. Но таких массовых репрессий, которым они подверглись на заре советской власти, исламовцам не приходилось испытывать никогда.

В своей книге он не ставил цель написать историю селения Исламово. В первую очередь, он стремился показать, как складывались судьбы его жителей в разные исторические периоды, как отразились те или иные события на жизни нескольких поколений. Он попытался проследить, как государство и власть, возвысив на определенном историческом этапе рядового человека, подвергало преследованиям его и его семью на другом этапе развития.

Много материалов нам предоставили в музее. Это первоисточники-переписка с ветеранами и друзьями музея, это предоставленные документы из личных архивов ветеранов и другое.

Наш автобус приближается к месту экскурсии. Попрошу всех выйти из автобуса на мост через реку Терек. Это про эту реку писал Ю. М. Лермонтов: «Терек воет, дик и злобен...».

Терек, «рожденный у Казбека, вскормленный грудью облаков», – транзитная река, проносющаяся через республику воды от ледников Грузии и Осетии. Она делает дугу в 80 км. и является границей нашего района. Если в горах «Терек воет, дик и злобен», то здесь, «по степи разбегаясь, он лукавый принял вид». С этого места начинается наша экскурсия.

Мы едем к Курпским высотам через город Терек.

На правом берегу реки Терек, в живописном месте раскинулся небольшой, но красивый, утопающий в зелени город Терек. Город расположен в восточной части Кабардино-Балкарии, к югу и востоку от реки Терек. Территория района по природно-сельскохозяйственному районированию относится к степной зоне.

Проезжая через мост и пост ДПС мы видим бурную шумную реку Терек, которая является естественной границей данной территории.

При въезде в город вдоль дороги слева нас встречает Ореховая роща, в высадке которой в 70-е годы XX века участвовали все горожане. Справа мы видим на возвышении герб города Терека, установленный в 1996 г. (художник Гидов). Композиция его такова: на зеленом фоне посередине изображен алмаз (так как Терек, прежде всего, это город алмазников), он обрамлен справа половинкой алмазной коронки а слева колосом – Терек еще и центр сельскохозяйственного района (посевы зерновых: озимая пшеница, кукуруза). По бокам изображен символ города – Муртазовские тополя, эти величественные деревья воспели в своих произведениях М. Геттуев, А. Кешоков, Э. Тхагазитов и многие другие знаменитые поэты. Снизу мы видим волны, символизирующие реку Терек.

*Их любят здесь, им каждый рад.*

*Усталых путников целя,*

*Над пенным Тереком шумят*

*Муртазовские тополя...*

Эти строки – из песни «Муртазовские тополя», ставшей гимном города... (стихи М. Геттуева, музыка Х. Кумыкова).

Терский район (историческое название – Малая Кабарда) – адыги называют Джылахьстэней – занимает правобережье реки Терек и является одним из административно-территориальных районов Кабардино-Балкарской Республики.

Через Терек мы отправляемся в село Верхний Курп.

Сельское поселение Верхний Курп Терского муниципального района КБР расположено в юго-восточной части Терского муниципального района на границе с республикой Северная Осетия-Алания. Оно расположено в 25 км. от районного центра г. Терек и в 87 км. от столицы КБР г. Нальчика.

Общая площадь административной территории сельского поселения В. Курп составляет 5,0 тыс. га.

Численность населения на начало 2008 г. составляла 1626 человек, из них детей до 16 лет – 381, пенсионеров – 321 чел. Трудоспособное население со-

ставляет 924 чел. Всего дворов – 340. Численность работающих в экономике и социальной сфере села составляет 130 чел.

Наша первая остановка – в средней школе, где уже много лет работает школьный музей Боевой Славы имени Ашижевой Л. Э. Адрес: КБР, Терский район, СП Верхний Курп, ул. Ленина, д. 3, МОУ «СОШ СП В. Курп».

*Программа деятельности музея.*

1. Исследование истории родного края, знакомство с его выдающимися людьми.
2. Воспитание учащихся на примерах исторического прошлого родного края, примерах мужества и героизма защитников Родины.
3. Организация отдыха и занятости школьников во внеурочное время.
4. Поисковые экспедиции по местам боёв на Курпских высотах.
5. Реализация мер по развитию творческих способностей учащихся.
6. Сохранение и расширение школьного музея.

*Ожидаемые результаты:*

1. Повышение интереса к деятельности школьного музея у жителей Терского района.
2. Корректировка и совершенствование учебно-воспитательного процесса.
3. Выработка у учащихся комплекса качеств, характерных для гражданина и патриота.
4. Формирование благоприятной среды для освоения учащимися духовных и культурных ценностей.
5. Становление школьного музея как базового методического центра.

В музее хранится более 2500 экспонатов: фотографии ветеранов Великой Отечественной войны, Афганской войны, предметы военного назначения, письма с фронта, личные вещи воинов, погибших на Курпских высотах, подшивки газет, фотографии, карты, старинные кабардинские предметы домашнего обихода.

*Названия (тематика) разделов экспозиции:*

- «Воины-односельчане – участники Великой Отечественной войны»;
- «Ветераны 317 Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии и 59-й отдельной стрелковой бригады»;
- «Воины, погибшие за освобождение села Верхний Курп»;
- «Мы – интернационалисты»;
- «Имя твоё бессмертно» (стенд, посвященный Гетежаеву Алику);
- «Воины-интернационалисты КБР, погибшие в Афганистане»;
- «Золотые звезды Кабардино-Балкарии»;
- «Первые выпускники школы»;
- «Альбомы с письмами и воспоминаниями ветеранов»;
- «Альбомы, отражающие встречи с ветеранами»;
- «Памятные подарки».

Материалами музея пользуются учителя и учащиеся школы, района и республики, студенты ВУЗов: пишут сочинения, доклады, рефераты, курсовые работы, научно-исследовательские работы.

Музей посещают учащиеся школы, района и республики, ветераны войны и труда, пенсионеры села и района; проводятся районные семинары для руководителей школьных музеев, библиотекарей, преподавателей.

Использование материалов музея в СМИ, научно-популярных и иных изданиях.

О работе музея написано в местной районной газете «Терек», в республиканских газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Адыгэ псалъэ», «Молодежь и факты». О нашем музее были сняты телевизионные передачи.

Ежегодно актив музея совместно с Советом ветеранов войны Терского района совершает поисковые экспедиции по местам боевой славы, для того чтобы пополнить экспонатами музейный фонд.

В музее Боевой Славы проводятся:

- экскурсии для учащихся;
- уроки Мужества;
- классные часы по военно-патриотической тематике;
- конкурсы военных песен и военной поэзии.

Активом школьного музея проводится в год более 20 экскурсий. Музей посещают свыше 500 человек в год, среди них учащиеся школ района, представители общественных организаций, ветераны Великой Отечественной войны и локальных конфликтов, представители администрации села, района, республики.

Актив музея состоит из двух возрастных групп: средняя и старшая, который проводит следующую работу:

- изучает исторические, литературные и другие источники соответствующей профилю музея тематики;
- систематически пополняет фонды музея;
- обеспечивает сохранность музейных предметов, организует их учет;
- создает и обновляет экспозиции;
- проводит экскурсионно-лекторскую работу;
- оказывает содействие в учебно-воспитательном процессе.



**Исмаил ШАБАЕВ,**  
кандидат философских наук;

**Сакинат АБАЕВА,**  
член Союза журналистов России

## **ЗАБЛУДШЕМУ СМОЖЕШЬ СКАЗАТЬ**

*(Шаваев Даут-Хажи: биографический очерк)*

Данная статья посвящена жизни и творчеству одного из основателей карачаево-балкарской литературы, выдающегося общественного и религиозного деятеля XIX века Шаваева (Абайханова) Даут-Хажи. Его вклад в развитие культуры карачаево-балкарского народа определил пути развития национального философского и эстетического сознания на десятилетия вперед и оказал заметное воздействие на эволюцию культурного пространства северокавказского региона и шире – всего тюркского мира.

Сын Абайханова Шауая, Шаваев Даут-Хажи родился в Верхнем Чегеме в 1214 году по хиджре (1800 г.). Ему было суждено прожить долгую жизнь – дата смерти, выбитая на его надгробном камне в местечке Пардыкла, – это 1892 год. При рождении ему дали имя Жумарук, а после того как он отучился и получил высшее духовное образование на Ближнем Востоке, Шаваев был удостоен нового имени, являвшегося знаком признания его таланта, нетривиального мышления, – «Даут», что в переводе с арабского означает «учёный», «образованный».

Хотя вся жизнь Шаваева Даут-Хажи связана с Балкарией, сам он был этническим карачаевцем. В восьмидесятые годы 18-го века братья Шауай и Уланбай Абайхановы из Карачаевского селения Къарт Журт, по ряду житейских причин, переехали в Баксанское ущелье. Они обосновались в селении Верхний Баксан (Орусбиево), обзавелись семьями.<sup>1</sup> Шауай женился на очень красивой девушке, которая в детстве была куплена у торговца и воспитана жителем этого села, и, естественно, не принадлежала к свободным сословиям. Владелец её был против брака своей рабыни со свободным – это означало автоматическую потерю его прав на неё. Видимо, не имея материальной возможности заключить взаимоприемлемый договор с хозяином своей избранницы, Шауай увозит её в горы, и они некоторое время, согласно семейным преданиям, живут в пещере. После возвращения в село, в течение нескольких лет у них родились трое детей – две девочки и мальчик. Однако бывший владелец его супруги, не отказавшийся от прав на женщину, воспользовался отсутствием Шауая и его брата Уланбая в селе и продал её вместе с детьми в Грузию.

Шауай вызвал виновника из дома и убил. Как и полагалось, в соответствии с нормами обычного права, случившееся рассматривал владелец села и всего баксанского балкарского общества князь Урусбиев. Не найдя в действиях Шауая ничего, что требовало бы наказания, князь Урусбиев, тем не менее, не желал дальнейшего развития конфликта между своим карачаевским подданным и семьей убитого им человека. Шауаю было предложено переехать в соседнее балкарское общество – Чегемское – под покровительство Балкаруковых. Брат Шауая остался в Верхнем Баксане и за те несколько лет, что были опущены ему судьбой, усыновил мальчика-чеченца, не успев однако дать ему свою фамилию. Согласно устной традиции Шаваевых, этот ребёнок стал основателем рода Чеченовых в Кёнделене.<sup>2</sup>

В Верхнем Чегеме (Уллу Эл) Балкаруковы выделили Шауаю участок земли и помогли обустроиться. Здесь он женится вторым браком на девушке из Верхней Балкарии – Таукеновой Дюгерхан. Их дети, родившиеся во второй половине XVIII века – трое сыновей и две дочери – и стали началом рода чегемских Шаваевых.<sup>3</sup>

Старшим из детей был Жумарук. Когда ему исполнилось 8–9 лет, его вместе с братьями отдали для обучения грамоте имаму сельской мечети. Этот человек сумел пробудить в братьях Шаваевых живейший интерес к Корану и исламской культуре, причём тяга детей к новому, к открывшемуся для них мусульманскому миру, была настолько сильна, что еще в совершенно незнательном возрасте они приняли решение продолжать обучение. Во всяком случае, когда через два года занятий имам уезжает из Верхнего Чегема, братья Шаваевы, звавшие о том, что родители видят дальнейшее их обучение излишним, бегут в Дагестан.

Шауай Абайханов, организовавший погоню за сыновьями, сумел вернуть в село всех, кроме старшего – Жумарука<sup>4</sup>, в одиночку добравшегося до Темирхан-Шуры. Через десятки лет после того, как будущий поэт прошел путь от Чегема до нынешнего Буйнакса, потомки его рассказывали о трёх аршинах домотканого, сделанного руками матери сукна, взятого из родной сакли и сохраненного Даут-Хажии до конца жизни.

В Темирхан-Шуре Жумарук Шаваев был принят на учёбу в медресе при мечети, в котором обучался с 1813–1814 по 1821–1822 гг. Жил и питался он, как и полагалось муталимам<sup>5</sup>, при этой же мечети. Талантливый и целеустремленный юноша резко выделялся среди других учеников, и сразу после окончания учёбы он вместе со своими тремя учителями, кумыкскими эфенди, совершает хадж.

Путь в Мекку оказался для них невероятно трагичным. После того как их небольшой караван был ограблен арабами-язычниками, спутники юноши, люди далеко не молодые, не выдержав трудного пути, скончались по дороге. Жумарук остался один, без каких-либо средств к существованию.

Благодаря его невероятно упорству, природному здоровью и достаточно хорошему знанию арабского языка, ему удалось достичь Мекки. Но сам он достижение желанной цели объяснял еще и волей Всевышнего, даровавшего ему консолидированную добрую волю людей, помогавших ему по пути. В сущности, первый хадж Шаваева был для него и первым откровением, пониманием моральной свободы человека, независимости его поступков от этнической принадлежности и от материального благосостояния. Много позже, осмысливая перипетии своего первого паломничества, Даут-Хаджи даже формулирует социально обозначенные положения этики предпочтения бедности, что, собственно говоря, вполне соответствовало духу классического ислама: «Босоногий мой попутчик // Там, когда я заплутал, // Пригласил в свою лачугу // Чем богат был угощал. // Или нищий тот араб // Что уважил, пожалев, // Как плясал в песках сыпучих, // Чтобы душу мне согреть. // Его музыка в душе // Долго силы придавала, // То стихая, то играя, // Всё мечтая в тишине. // Никогда мне не забыть // Турка, что делил свой хлеб. // Как араб-мусульманин // На верблюду посадил».

С большим трудом добравшись до Мекки, совершив свой долг паломничества, он решил обратиться за помощью к эмиру. Охрана эмира не только не помогла ему попасть к нему, а наоборот, посадила, как бродягу, в тюрьму. Сколько времени он провел в зиндане, точно не известно, но, судя по

фамильным преданиям, при каждом удобном случае Даут-Хажи обращался к тюремщикам с просьбой сообщить о нём эмиру: будучи верующим мусульманином, будущий поэт свято верил в братское единство правверных всего мира.

Так или иначе, слух о нём действительно дошёл до эмира, и он приказал привести парня. Шаваев рассказал о случившихся с ним бедах, о том, что приехал сюда из далёких кавказских гор, описал положение дел с распространением ислама среди балкарцев (напомним, что вплоть до середины XVIII века мусульманство было религией феодальной верхушки Балкарии).

Эмир выслушал его, долго расспрашивал о Кавказе, о местных племенах и народах, о природе и традициях. Неясно, что сыграло основную роль в благополучном завершении этой истории – политические соображения или чувство религиозной солидарности, однако Даут-Хажи был действительно обласкан эмиром, более того – в срочном порядке было подготовлено всё необходимое, балкарскому паломнику были выправлены соответствующие документы, и через несколько дней он был отправлен с попутным караваном в Египет для поступления в Каирский университет на факультет философии и теологии.

Каирский университет Жумарук окончил с отличием. Очевидно, его намеревались оставить в университете, ибо он находился там ещё три года. Однако, судя по его же свидетельству, в конце концов, руководство университета решило, что он будет более полезен делу ислама в качестве миссионера <sup>6</sup>, и в 1832 году Шаваев Даут-Хажи отправляется на родину.

Время учёбы в Египте было важнейшим этапом в жизни Д.-Х. Шаваева, это были годы окончательного его формирования как личности, как учёного и поэта. Немаловажное значение имели и те социальные связи, которые представитель Балкарии приобрел за два десятилетия пребывания в центре мусульманской культуры. В Каирском университете учились представители многих народов и государств. Со многими из них он познакомился и подружился. Там были представители Крыма и Казани, Турции, Ирана, Ирака и других стран. Впоследствии многие из них стали преподавателями в исламских учебных заведениях, в том числе таких крупных и значимых, как Стамбульский и Багдадский университеты. Благодаря университетским друзьям, он, Шаваев Даут-Хажи, устраивал своих талантливых учеников в эти учебные центры. Его высокий авторитет и статус между однокашниками (напомним, что имя Даут ему присвоили после окончания учёбы <sup>7</sup>) по прошествии многих лет лишь упрочивались, и поэтому поддержка Шаваева была весомым аргументом в решении многих вопросов далеко за пределами Кавказа.

Когда после восемнадцатилетнего отсутствия он приехал в родное село, его родителей в живых уже не было. Сёстры, братья, односельчане его не узнали. По воспоминаниям Къайта из селения Тызгы, прожившего более ста лет, в пору его раннего детства в селе появился мужчина в белой чалме, и в первых поездках по селу его постоянно сопровождали двое всадников.<sup>8</sup> Этот знак особого уважения со стороны верхушки чегемского общества объяснялся просто – Шаваев был первым Хажи, если не среди балкарцев вообще, то, по крайней мере, в ущелье.

В Верхнем Чегеме он открыл медресе и начал обучать молодёжь арабской грамоте. Через его школу прошли десятки молодых и талантливых людей: братья Энеевы – Алий, Дударукъ и Жумакку, Калабеков Билял, Ульбашев Мусса, Чабдаров Сюлемен и многие другие религиозные и общественные

деятели – практически, подавляющее большинство тех, кто уже в скором будущем представляли цвет нации.

Де факто, Даут-Хажи Шаваев стал той исходной точкой, с которой начала формироваться балкарская интеллигенция. Как было сказано выше, наиболее талантливых учеников Даут-Хажи водил в Мекку для совершения хаджа и через своих друзей устраивал на учёбу в Стамбульском и Багдадском университетах (братья Энеевы, его старший сын Ахмат – Хаджи Шаваев, Сюлемен Чабдаров и другие).

Будучи личностью в высшей степени разносторонней, он оставил свой след не только в пространстве конфессионального сознания балкарцев. Не менее значимой была его роль в становлении авторской национальной поэзии – именно он создал первые стихотворные тексты, сумев слить в единое целое арабскую поэтическую традицию и фольклорные нормы.

Участь в университете, он также изучал астрономию, труды великих писателей Персии и всего мира. Дар стихосложения, данный ему природой, он оттачивал до совершенства, изучая классиков. Шаваев Даут-Хажи в оригинале читал произведения арабских, персидских, тюркских поэтов и писателей. Огромное влияние на него оказала философия и произведения одного из основателей поэзии тюркоязычных народов – Ходжи Ахмата Ясави, воплотившего в своём творчестве тысячелетние традиции восточного стихосложения.

Каждая строка Д.-Х. Шаваева – это пророческое слово, философский трактат, аксиома, безальтернативно отвечающая жизненному кредо автора. Он большой поэт, сказавший весомое слово в огромном мире тюркской культуры и, возможно, счастье народа в том, что такое имя стоит впереди имён всей творческой интеллигенции народа. И сегодня значение его творчества ожидает оценки не только в поле балкарской литературы, но в контексте всего тюркоязычного мира.

Выступая в качестве религиозного просветителя, проповедующего содержание нового вероучения, Даут-Хажи Шаваев выявляет его гуманистическую основу. Он не только поясняет основные постулаты ислама, но в то же время обнаруживает чисто мирской прагматический подход в толковании религиозных предписаний. Он утверждает, что только добрые дела во имя человека ведут к добродетели. Любовь к нуждающемуся, слабому, является самой верной дорогой к исламу. Тот же, кто лишён этого дара, не способен совершенствовать свою натуру, а значит, быть богоугодным. Этические ориентиры поэта придают конфессиональным идеям более широкий, общечеловеческий смысл: «Мухаммата поданные, // Слабого оберегайте. // Опечалив их, // Не держите в руках Коран».

Коран в данном контексте становится мерилom и гарантом нравственности человека. Как мы понимаем, в назиданиях поэта заключена мораль, требующая умения жить в согласии с миром: быть угодным Аллаху, будучи нужным другому человеку. В результате такого взаимопроникновения формируется целостная программа морали народного бытия, в которой религиозные этические положения пронизываются народными, а законы адата – понятиями ислама:

*Если без зла, честным трудом будешь жить,  
Если будешь жить, чуждаясь обмана,  
Если одного человека от плохого поступка остановишь,  
Заблудшему сможешь сказать: «Ты не прав!»*



Один из образованнейших людей своего времени, Даут-Хажии Шаваев, самородок-просветитель, глубоко постигший Коран, не мог ограничиться преподаванием своим соотечественникам азов ислама. При всей своей глубокой религиозности, поэт утверждает, что никакой ритуальный обряд, искреннее поклонение Богу не заменят нравственности, основанной на действенной любви к человеку. Нравственно только то, что служит человеку:

*Если жизни колесо ты не вращал,*

*Если людям братом не был –*

*Всё впустишь, и в труде (для себя) благородности мало,*

*И в тетрадь не запишется благословение.*

Шаваев Даут-Хажии был не только учителем, поэтом, но и вёл активную общественную деятельность. Он возглавлял Тёре (коллективный судебно-законодательный орган, управляющий данным обществом и решающий все спорные, судебные и другие вопросы, постановления которого было обязательным для всех) Чегемской общины.<sup>9</sup> Из-за его большой занятости и высокого авторитета, Тёре перевели в селение Эльтюбю Чегемского общества, и он почти до самой смерти руководил им.

В середине – начале второй половины XIX века отсутствие врачебной помощи приводило к высочайшей смертности; болезни косили людей и в, особенности, детей. Из общего количества новорожденных младенцев пятая часть умирала в грудном возрасте, из оставшихся до совершеннолетия доживало около половины. И для того чтобы помочь своему народу, будучи уже в годах, оставив семью, Даут-Хажии едет получать медицинское образование в Багдадский университет, который заканчивает досрочно.

Когда он в первый раз вернулся из Аравии, князь Балкаруков подарил ему участок для строительства дома в местечке Байгорун. Оно было наполовину завалено камнями. Во время его второй поездки в Багдад его сын Махай построил из этих камней двухэтажный дом с жестяной крышей (часть здания сохранилась до сегодняшнего дня), сарай и высокий забор, освободив большой земельный надел. Вернувшись и увидев эти строения, Даут-Хажии одновременно обрадовался и огорчился, сказав сыну, что эти дома принесут много несчастий. Неизвестно, был ли у Д.-Х. Шаваева дар ясновидения, но действительно, во многом из-за выделявшейся своей добротностью усадьбы семья после революции много раз собирались раскулачивать. Кроме этого, любое начальство, приезжавшее в Чегем, останавливались только у Шаваевых. Второй этаж дома служил для новых хозяев жизни гостиницей, в качестве дополнительных услуг партийные функционеры требовали бесплатной еды и спиртного. Дом, построенный Махаем, вплоть до депортации балкарцев был, пожалуй, самым ухоженным и удобным зданием в Чегемском ущелье, и только после выселения народа мародёры сняли жестяную крышу, содрали со стен деревянные панели и привели здание в непригодное состояние.<sup>10</sup>

Но всё это было уже после революции, а тогда, во время учёбы в Багдадском университете, ему – первому балкарскому просветителю и поэту – пришлось даже зарабатывать на обратную дорогу. Но он был благодарен судьбе за самую возможность приобщиться к медицине. Практическая помощь человеку – вот в чём, согласно Д.-Х. Шаваеву, заключались истинные религиозность и мусульманское благочестие. Религиозные постулаты о мягкосердечии и доброте без практического их применения для Шаваева – только высокие слова. Благородство, оказание своевременной помощи – вот на чём держится главная добродетель человека.

Подводя итог краткому обзору его жизни и творчества, пытаюсь определить для себя гражданские приоритеты Даута-Хажи Шаваева, можно уверенно говорить о том, что разнонаправленность и масштаб его личности не позволяют в законченном виде очертить границы влияния первого балкарского просветителя на жизнь и духовную эволюцию балкарского народа.

Он есть эпохальное явление в истории своей нации, позволившее балкарскому народу впервые разорвать тесные границы кавказских ущелий и влиться в систему исламской и общетюркской культуры.

Шаваев Д.-Х. – человек вне времени и географической локализации, имя его уже утвердилось в мире тюркской культуры. В Турции его поэмы читают потомки карачаевских и балкарских махаджиров. В Азербайджане, в Татарстане и во многих тюркских странах его творчеством заняты научно-исследовательские институты. Известный турецкий литературовед балкарского происхождения, Аппаев Адилхан Адил-оглы подтвердил значимость его наследия для научного мира страны Атаюрка.

Шаваев Д.-Х. занимает особое место и в аутентичном духовном пространстве балкарского народа. Его творчество – одна из тех вершин, у подножья которых формировался поток национальной поэзии во всем её блеске и этническом своеобразии. Синтетический сплав восточной традиции и фольклорных истоков, впервые представленный в произведениях Шаваева-Абайханова, получил продолжение в творчестве Кязима Мечиева, а в советское время предопределил своеобразие и живучесть национального стиха С. Шахмураева, К. Кулиева, К. Отарова. Лучшим представителям балкарской поэзии и сегодня свойственны чувство современности, широта взгляда на окружающее и неповторимо специфичное мироощущение, реализующееся как неизбежное и логичное продолжение этнической самодостаточности. Все эти качества в очевидной и зримой форме были впервые проявлены в произведениях гения, имя которому Шаваев (Абайханов) Даут-Хажи.

### Примечания

<sup>1</sup> Шаваев Д.-Х. Размышления о мире. Поэмы, зикиры, стихи. (На балк. яз.) Нальчик. Изд. КБИГИ и КБНЦ РАН. В 2-х т. Т. 1. 2007. С. 5.

<sup>2</sup> Информатор – Шаваев Ибрагим Харунович, правнук Даут-Хажи.

<sup>3</sup> Передано со слов Шаваевой Халимат Махаевны, внучки Даут-Хажи.

<sup>4</sup> Передано со слов Шаваевой Халимат Махаевны, внучки Даут-Хажи.

<sup>5</sup> Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. I. Тифлис. 1869. С. 22-24.

<sup>6</sup> Шаваев Д.-Х. Размышления о мире. Поэмы, зикиры, стихи. (На балк. яз.) Нальчик. Изд. КБИГИ и КБНЦ РАН. В 2-х т. Т. 2. 2007. С. 52.

<sup>7</sup> Шаваев Д.-Х. Размышления о мире. Поэмы, зикиры, стихи. (На балк. яз.) Нальчик. Изд. КБИГИ и КБНЦ РАН. В 2-х т. Т. 2. 2007. С. 67.

<sup>8</sup> Передано со слов Шаваева Ибрагима Харуновича, правнука Даут-Хажи.

<sup>9</sup> Шаваев Д.-Х. Размышления о мире. Поэмы, зикиры, стихи. (На балк. яз.) Нальчик. Изд. КБИГИ и КБНЦ РАН. В 2-х т. Т. 1. 2007. С. 7.

<sup>10</sup> Инф. Каракизова Жибрила, председателя комиссии в период коллективизации.

---

**Валерий ШИПИЛОВ,**  
*полковник милиции в отставке,  
член Совета общественной организации ветеранов  
органов внутренних дел и внутренних войск  
Кабардино-Балкарской Республики*

## **НА СЛУЖБЕ ВО ИМЯ ОТЧИЗНЫ**

В текущем году, 3 июля, исполняется восемьдесят лет с момента создания Госавтоинспекции страны, сотрудники которой на протяжении этого периода внесли неоценимый вклад в укрепление безопасности дорожного движения и снижения травматизма на транспорте, оградив при этом от беды здоровье и жизнь многочисленных граждан.

Не остались в стороне от этого важного направления деятельности и сотрудники отдела Государственной автомобильной инспекции – управления Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД по Кабардино-Балкарской Республике. Это подразделение было образовано в Управлении рабоче-крестьянской милиции Народного комиссариата внутренних дел 1 августа 1936 года, сотрудники которого верой и правдой исполняли и продолжают осуществлять возложенные на них служебные обязанности по защите граждан территориального образования от последствий, связанных с недобросовестным отношением к исполнению требований правил дорожного движения.

С момента создания сотрудники Госавтоинспекции, приобретая опыт профессиональной деятельности, внесли весомый вклад в общее дело укрепления принципов существующего законодательства и общественной безопасности. И всегда находились там, где труднее, проявляя мужество и самоотдачу при исполнении служебного долга в любых ситуациях. Многие из них являлись участниками смертельной схватки с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Принимали самое активное участие в охране общественного порядка во время проведения XXII Олимпийских игр в городе Москве, в ликвидации последствий землетрясения в городе Спитак бывшей Армянской ССР и наводнения, произошедшего из-за схода селевого потока в городе Тырныаузе, КБР. Не дрогнули сотрудники УГИБДД и 13 октября 2005 года перед религиозными экстремистами, совершившими неожиданное вооружённое нападение на город Нальчик, дав бандитам достойный отпор.

И в юбилейную годовщину создания службы, не умаляя заслуг остальных сотрудников республиканской Госавтоинспекции, хотелось бы рассказать об одном из ветеранов этого подразделения, прослужившего в органах внутренних дел Кабардино-Балкарии тридцать четыре года.



*Х. М. Унатлоков*

Хачим Унатлоков родился в дружной и работающей семье Мажида Галимовича и Жанпаго Билановны, проживающих в селении Аргудан Урванского района Кабардино-Балкарской АССР в далёком 1954 году. Там прошли его детские и юношеские годы. Успешно учился в средней общеобразовательной школе, в свободное от занятий и игр время помогал родителям в нехитром домашнем хозяйстве, не чураясь никакой работы. После получения аттестата о среднем образовании, в 1972 году, был призван на службу в ряды Вооружённых сил СССР и два года исполнял свой гражданский долг в воинских частях, дислоцирующихся на территории бывшей Латвийской ССР и нынешней Чехии. К возложенным на него воинским обязанностям относился добросовестно и с чувством высокой ответственности, отличался дисциплинированностью и исполнительностью, являлся отличником боевой и политической подготовки.

После службы, вернувшись в родные места, он окончил Нальчикскую автомобильную школу, получил водительские права. Так началась его трудовая деятельность в качестве шофёра автоколонны 1437, где он зарекомендовал себя только с положительной стороны.

Но была у Хачима заветная мечта, к которой он стремился всей душой. Поэтому не случайно в 1975 году он, сдав успешно вступительные экзамены при огромном конкурсном отборе, становится курсантом Саратовской средней специальной школы милиции МВД СССР, где подготавливались офицерские кадры для службы в Госавтоинспекции, в которой получил соответствующее профессиональное и юридическое образование.

После окончания учёбы Хачим Мажидович Унатлоков в 1977 году начал свою нелёгкую службу в подразделениях Госавтоинспекции министерства внутренних дел Кабардино-Балкарии. За это время он исполнял обязанности старшего инспектора дорожно-патрульной службы, командира взвода, начальника штаба роты, командира батальона ДПС, начальника отдела дорожно-патрульной службы и оперативного реагирования ОГАИ – УГИБДД республики, заместителя начальника управления внутренних дел администрации города Нальчика. На всех участках служебной деятельности его всегда отличали высокая ответственность за порученный участок работы, дисциплинированность и исполнительность, инициатива и находчивость, требовательность к себе и подчинённому личному составу. И несомненно, что за долгие годы службы в органах внутренних дел республики он внёс весомый вклад в укрепление законности и правопорядка, надёжного обеспечения безопасности дорожного движения и сохранения жизни его участникам.

А о том, как служил полковник милиции в отставке Унатлоков Хачим Мажидович, можно судить по нескольким фактам. За успехи в оперативно-служебной деятельности ему было досрочно присвоено специальное звание «подполковник милиции», позднее, сверх установленного по должности предела, присвоено специальное звание «полковник милиции». За активную работу по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и укреплению безопасности дорожного движения во время проведения Олимпийских игр в городе Москве он среди немногих был награждён правительственной наградой «За отличную службу по охране общественного порядка». Позднее к этому высокому знаку отличия добавились медали «За безупречную службу» 2-й и 3-й степеней, «За отличие в службе» 1-й степени, «90 лет МВД России»,

---

«За службу на Северном Кавказе», «За ратную доблесть», и нагрудные знаки «За отличную службу в МВД» и «За отличие в службе ГИБДД» 1-й степени. Его служба отмечена Почётной грамотой и благодарностью руководства МВД Российской Федерации.

И в настоящее время, находясь в отставке, Хачим Мухажидович не расстаётся с коллективом УГИБДД МВД по Кабардино-Балкарской Республике. Являясь членом первичной ветеранской организации управления, он принимает самое активное участие в патриотическом воспитании молодых сотрудников полиции, передаёт им свой богатый профессиональный и жизненный опыт, приобретённое мастерство и умение добросовестно и со знанием дела нести службу.

Все годы нахождения в правоохранительном ведомстве республики он активно занимался борьбой с преступностью и обеспечением безопасности дорожного движения. И после ухода с милицейской службы в отставку по выслуге лет он не перестал заниматься данной деятельностью. Являясь начальником отдела контроля организации перевозок пассажиров автомобильным транспортом Государственного комитета Кабардино-Балкарской Республики по транспорту и связи, он тесно взаимодействует с соответствующими службами УГИБДД МВД по Кабардино-Балкарской Республике по вопросам, входящим в их компетенцию. Кроме этого на Хачима Мухажидовича возложены ответственные обязанности секретаря правительственной комиссии КБР по обеспечению безопасности дорожного движения, им обеспечивается взаимодействие заинтересованных министерств и ведомств территориального образования по безотлагательному решению всех проблем по дальнейшему обеспечению безопасности дорожного движения.

Хачим Мухажидович со своей, к великому сожалению, безвременно ушедшей из жизни супругой Маринат Хажисмеловной, вырастили троих детей. Сын Залим пошёл по стопам отца: в настоящее время он – капитан юстиции, следователь следственного отдела при управлении внутренних дел МВД России по городскому округу Нальчик. Старшая дочь Зарема (в замужестве – Ханова) является врачом, вторая дочь Заира (в замужестве – Хутатова) трудится экономистом в банковской системе.

И с восхищением смотрят на своего подтянутого и никогда не унывающего дедушку внук Тембулат, внучки Дениза и Элана, зная о нём практически всё, и понимая, что всю свою сознательную жизнь он посвятил служению народу и дальнейшему процветанию Отчизны.



## **НА ВЕРШИНЕ ДРУЖБЫ**

«Вершина духовного бессмертия» – так называется книга, изданная в Днепропетровске. Казалось бы, рядовое явление, какое отношение оно может иметь к нам. Между тем, события, описанные в книге, связаны с нашей республикой.

История, которая дала начало книге, произошла в далеком 1939 году. Тогда группе ученых из Украины было поручено исследовать Суканский хребет. Возглавил экспедицию талантливый ученый, инженер-геодезист, картограф, исследователь, один из основателей альпинизма в Украине Александр Зюзин.

Год 1939 в жизни Украины был знаменательным: впервые за долгие годы широко отмечался юбилей национального гения Украины – Тараса Шевченко. В честь 125-летия со дня его рождения в столице Украины и на могиле поэта в Коневе открыли памятники. Совершив восхождение на безымянный пик «4200», украинцы назвали его «Пик Тараса Шевченко» и под таким названием он попал в составленную карту Суканского хребта.

Приблизительно в 1961 году на квартире у Зюзиных состоялась случайная встреча Александра Зайдлера, мастера спорта СССР по альпинизму, главного инженера института «Тяжпромэлектпроект»; и Ильи Концельсона, одного из участников путешествия на Сукан. Ветераны, как обычно, говорили о былых походах. И кто-то вспомнил, что в 1964 году исполняется 150 лет со дня рождения Т. Г. Шевченко и ровно 25 лет со дня их восхождения на пик его имени. И, конечно же, заядлые альпинисты загорелись идеей штурмовать вершину, названную именем их знаменитого земляка.

При институте был альпклуб, и там Зайдлер – главный инициатор повторного похода – изложил свои соображения по юбилейному восхождению. Старшее поколение восприняло идею скептически, но молодежь приняла ее с энтузиазмом. Все сошлись на том, что нужно установить на высшей точке бюст Тараса Шевченко. Начали искать бюст Кобзаря, посетили художественные выставки, мастерские скульпторов, но ничего подходящего не нашли. Тогда обратились к инженеру конструкторского бюро Янгеля, Владиславу Хромову, который оказался и скульптором-любителем. Он живо взялся за работу. До восхождения оставалось месяца три.

Вылепил бюст. Надо было отлить. Опыта художественного литья не было, в институте учили только промышленному литью. Возникла проблема: из чего отлить бюст? Предложений было много, но творческая бригада (фрезеровщики, литейщики, инструментальщики) нашла особый сплав. Причем все работали после смены. Так впервые на секретном заводе, в секретном цехе, из секретного сплава отлили бюст великого украинского поэта! Оставалась еще одна проблема: изготовленный на «Южмаше» (до 1966 года – Государственный союзный завод № 586) бюст надо было вывести с территории завода. Предприятие было строго секретным, его охранял специальный полк военнослужащих.

Пришлось обратиться к секретарю комитета комсомола конструкторского бюро Леониду Кучме, будущему президенту Украины. Он помог провести через режимную службу все документы. Вот так успешно завершилась операция



по созданию бюста великого Кобзаря для самого высокого в мире памятника Тарасу Шевченко.

Параллельно с созданием бюста формировалась команда восходителей. Руководителем был назначен Александр Зайдлер. Он вспоминает один любопытный эпизод, предшествовавший экспедиции. «Накануне нашего отъезда на Кавказ в столицу Кабардино-Балкарии Нальчик был командирован Николай Мисюра с соответствующим письмом на имя председателя Верховного Совета КБР. Войдя в огромный кабинет заместителя председателя, он увидел маленького ростом человека, сидевшего за необозримым столом. Великий дипломат и притворщик, Мисюра остановился у дверей в начале ковровой дорожки, широко раскинул руки для объятия и провозгласил: «Привет великим народам Кабардино-Балкарии от великого украинского народа». Человеку за столом ничего не оставалось, как выбраться из-за стола, подбежать к Мисюре, пасть в его объятия со словами: «Также привет великому украинскому народу от народов Кабардино-Балкарии». В результате мы получили бумагу, которой всем организациям и учреждениям КБР предписывалось оказывать нам всемерную помощь. Жители гор, балкарцы, и без всяких бумаг встречали нас очень радушно. В селении Верхняя Балкария нам выделили транспорт для перевозки грузов.

Члены экспедиции через перевал Курноят добрались до базового лагеря 1939 года, на большом камне еще можно было различить надпись «Днепр». Двое суток шел дождь, потом повалил снег, туман плотно окутал ущелье... Но альпинисты – народ упорный, в три часа утра тронулись в путь. Ровно к двенадцати часам дня на высшую точку горы поднялись все двадцать пять человек. В огромный тур, сложенный из камней, торжественно ставится 15-ти кило-

граммовый бюст Тараса Шевченко с выгравированной надписью: «Великому Кобзарю – альпинисты Днепропетровска. 1964 год».

– Воспоминания об экспедиции 1964 года хочется завершить одним ярким эпизодом, – вспоминает Александр Зайдлер. – Когда мы после спуска с вершины достигли первого балкарского селения, нас встретила группа мужчин. Балкарцы, прихватив с собой несколько бутылок водки, подошли к нам и сказали: «Спасибо вам, дорогие гости из Украины, что вы поставили памятник своему великому человеку на нашей земле». Через минуту мы сидели за одним столом и поднимали тосты за дружбу народов. Этот эпизод всегда вспоминается мне, когда я думаю о замечательных балкарских друзьях, жителях далекого и такого близкого Кавказа.

Настал год 1989-й. 175 лет со дня рождения Т. Г. Шевченко. Неутомимый Александр Зайдлер, как и четверть века назад, не мог быть равнодушным к очередному юбилею Кобзаря. Пошел на прием к председателю ДФСО профсоюзам Днепропетровской области Николаю Костенко. Тот все понял с полуслова. На этот раз изюминка предлагаемого мероприятия была в том, чтобы сделать восхождение именно в день рождения Т. Г. Шевченко – 9 марта 1989 года. Был создан городской юбилейный Шевченковский оргкомитет по проведению 175-летия со дня рождения Кобзаря. В план юбилейных мероприятий включили и проведение экспедиции на пик Шевченко. В состав восходителей вошли 38 человек, в основном молодежь, но были в ней и пять человек из экспедиции 1964 года.

Зима, конечно, внесла свои коррективы в проведение экспедиции. Ни «Урал», ни автобус не смогли подняться вверх по ущелью. Выше селения Верхняя Жемтала лежал глубокий снег. Члены экспедиции четверо суток перетаскивали груз. Погода была неустойчивой, шел снег, порывы ураганного ветра повалили часть палаток. Но... отступать никто не собирался.

«У нас сложились очень хорошие отношения с балкарцами, – вспоминает участник восхождения Леонид Козак. – У них щедрая душа, они хорошо нас принимали до и после восхождения, очень искренние и внимательные люди. Наш совместный подъем прошел замечательно. Балкарцы вместе с нами поднялись на пик Шевченко, и мы все были счастливы. Эти ребята потом приезжали к нам в гости, в Днепропетровск. А когда мы приезжали в другие ущелья, навещали нас там. Вместе с нами поднимались на Эльбрус. Что интересно, на Кавказе тысячи вершин, все они имеют названия на балкарском языке, свое название имел и пик Шевченко. Но после того как его называли в честь нашего великого поэта, балкарцы тоже стали называть эту вершину пиком Шевченко. И это говорит о многом: что народ Кабардино-Балкарии уважает и украинцев, и нашего поэта».

Сергей Дидора был врачом экспедиции. Ко времени первого зимнего восхождения на пик Шевченко у него был опыт высотных восхождений на Эльбрус, Казбек, пик Ленина, пик Коммунизма. «Мне хотелось увидеть вершину Кобзаря, страну Балкарию и просто побывать в новом для меня горном районе, – вспоминает он. – Достаточной акклиматизации за восемь дней не добиться, и подъем выше 4000 метров зимой всегда забирает силы. Но, слава богу, все обошлось».

Утром 9 марта альпинисты пошли на штурм горы и к 14 часам установили мемориальную доску в честь 175-летия Кобзаря. Зайдлер заметно волновался: цел ли бюст великого поэта? Он оказался цел, лишь маленькие отметины на



поверхности металла хранили память об ударах молнии. Он достал из расщелины в камнях под бюстом томик стихов Шевченко, оставленный здесь в 1964 году. Из рук в руки переходит новый том Кобзаря и буклет о юбилейном восхождении, на котором альпинисты оставляют свои автографы, памятный вымпел и другие сувениры. Все это будет лежать на вершине высочайшего памятника великому Кобзарю до следующего юбилея.

После завершения альпиниады группу участников восхождения на пик Шевченко пригласили в Киев в государственный музей Тараса Шевченко, они передали музею фотографии пика, копию мемориальной бронзовой доски, томик «Кобзаря», который 25 лет хранился в вершинном туре и чудом уцелел среди вечных снегов. Альпинистов принял и митрополит Питирим.

В 1994 году Шевченкиада получила новый импульс. «...Из дорогой сердцу Кабардино-Балкарии пришло известие от председателя комитета по делам молодежи Черекского района Солтана Темуккуева, который сообщил, что группа балкарской молодежи хочет вместе с украинскими восходителями подняться на пик Шевченко, – рассказывает Илья Канцельсон. – Это решение балкарских друзей нашло самый горячий отклик на берегах Днепра». Была сформирована группа восходителей, многих из которых в республике уже знали. Руководителем вновь был назначен Александр Зайдлер. «Ситуация была сложной, – вспоминает он. – Экономика страны находилась в тяжелейшем состоянии, стоимость карбованца была ничтожной. От имени областной федерации альпинизма были написаны десятки писем в различные фонды, банки, организации, но никто не дал ни копейки. В этих условиях я рассчитывал только на помощь наших друзей из Кабардино-Балкарии, на их гостеприимство. Мы обратились за содействием к председателю правительства КБР Георгию Черкесову и главе Черекского района Мурадину Туменову. И не ошиблись. Балкарские друзья обеспечили нам бесплатное проживание и автотранспорт, помогли с продуктами питания. За счет этого стоимость выезда оказалось предельно низкой, и участники были в состоянии оплатить свои затраты».

Уникальная в это время возможность выехать в горы привлекла также альпинистов из других регионов, и в результате альпиниада получилась массовой. В ней участвовало более 60-ти человек. Помимо днепропетровцев приехали также альпинисты из Сум, Кривого Рога, Никополя, Винницы и других городов. За несколько дней на вершину поднялись 54 человека из восьми городов Украины, а также пятеро балкарцев. Так был отмечен 180-летний юбилей великого Кобзаря.

В 2004 году летним восхождением на пик Шевченко руководил Анатолий Брынзо. Шестнадцать альпинистов из Днепропетровска и четыре из Кабардино-Балкарии успешно справились с поставленной задачей.

Альпинисты с берегов Днепра вновь побывали в Суканском ущелье в 2011 году. Руководил экспедицией Валерий Ломыга, инженер-наладчик, чемпион Украины в высотном классе. А началось все с телефонного звонка.

«Октябрьским вечером 2010 года у меня раздался телефонный звонок, – пишет он. – Звонок был от легендарного для Днепропетровска человека – Ильи Канцельсона. Он предложил организовать и провести в следующем, 2011 году альпиниаду в горах Кавказа с восхождением на пик Шевченко.

Это восхождение имело бы и исторический подтекст – в 2014 году будет отмечаться 200-летний юбилей поэта, надо было подготовить своеобразный «плацдарм» для юбилейной альпиниады. Созданный оргкомитет рассмотрел

множество проектов проведения альпиниады – в какое время ехать, сколько человек должны участвовать, снимать ли бюст на реставрацию и т.д.»

Выехав из Днепропетровска 1 июля 2011 года, группа украинских альпинистов уже ранним утром 10 июля в количестве 15 человек вышла на маршрут «Пик Шевченко по северному гребню» – 2А категории сложности. Покорение вершины, осложнявшееся густым туманом, состоялось в этот же день. Прохождение маршрута было запечатлено в документальном фильме, снятом оператором Романом Кравцовым, поведавшем, кстати, об одном интересном эпизоде, связанном со съёмками: «Необходимо было сделать подзарядку аккумуляторов. Пошел искать пастухов, где есть электричество. Прошел километров двенадцать до ближайшего электрического столба. Там было временное жилье пастухов. Сказал им, что из Украины, что мне надо зарядить аккумулятор. А они готовят завтрак, приглашают к столу: “Присаживайся, вместе позавтракаем. Расскажешь об Украине...”» Открытые, доброжелательные люди».

Гостеприимство горцев отмечали все участники экспедиции, и часто оно простиралось за пределы норм обычного хлебосольства. Как отмечал один из участников восхождения, Виктор Суслов, поддержка местного населения зачастую была гораздо более серьезной: «В 2011 году мы подняли на пик Шевченко временный пьедестал, там его и собрали. Район, где находится пик, довольно-таки глухой, поблизости нет ни населенных пунктов, ни жилья. Туда трудно добираться, вести грузы по заснеженной дороге. Я участвовал в экспедициях 1964 и 2011 годов. Помню, как нам очень помогли балкарцы. Мы все время чувствовали их поддержку, заботу и тепло. Это очень искренний народ, умеет радоваться успехам других. Предлагали нам построить в этих местах постоянный альпинистский лагерь».

Поэтому понятно, что непредвиденные «адатные» задержки, подобные описанной Романом Кравцовым, были непременно атрибутом похода, но также очевидно, что их влияние на исход экспедиции в целом, равно, как и на судьбу документального фильма, было сугубо позитивным. Во всяком случае, после возвращения в Украину, по решению спортивной общественности Днепропетровска команда альпинистов стала лауреатом конкурса в номинации «Спортивные события года».

Так завершилась очередная Шевченкиада, не юбилейная. Но юбилей был. Свое 80-летие Александр Михайлович Зайдлер отметил на вершине пика Шевченко! Вместе с ним на вершину поднялись 79-летний Виктор Суслов и 72-летний Виктор Шабохин – аксакалы шевченковских альпиниад.

Настал 2014 год. Год 200-летия великого Кобзаря.

«Честно говоря, я не думал, что при такой ситуации в Украине мы можем взойти на пик Шевченко в день его рождения, 9 марта 2014 года – вспоминает Александр Зайдлер. – Но администрация Днепропетровской области поддержала идею восхождения именно в день рождения Кобзаря, когда весь мир будет отмечать 200-летний юбилей Тараса Шевченко».

Был разработан соответствующий путевой лист, согласно которому спортивная группа под руководством Владимира Хитрикова выезжала для предварительной акклиматизации и тренировки на Эльбрус, а группа ветеранов под руководством Александра Зайдлера едет в Кабардино-Балкарию, в поселок Кашхатау для решения оргвопросов.

«Сейчас, когда взаимоотношения Украины с Россией обострились, недавняя экспедиция днепропетровских альпинистов к пику Шевченко кажется

мне дивным сном», – высказывал свои опасения Анатолий Брынза, участник юбилейной альпиниады. Однако события показали, что в нашей республике моменты культурного характера мало зависят от политической конъюнктуры.

28 февраля, ранним утром, поездом «Киев-Кисловодск», участники юбилейного похода прибыли в г. Пятигорск. На перроне их встретили Солтан Темуккуев и Мурат Ногеров, они доставили своих старых друзей и их молодых товарищей на турбазу «Голубые озера». Вскоре они встретились с главой районной администрации Махти Темиржановым, рассказавшим о республиканских и районных акциях, посвященных юбилею Тараса Шевченко, и, надо сказать, что внимание, которое в Кабардино-Балкарии уделялось этой дате, приятно удивило гостей.

На следующий день альпинистов принял Глава КБР, состоялась пресс-конференция, на встречу пришли представители украинской диаспоры.

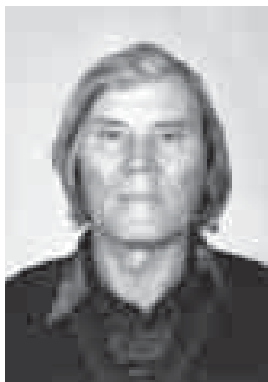
Вопросов было много. Царил дух общей доброжелательности, очередное восхождение на вершину под влиянием окружающих событий стало символом дружбы и братства. Именно поэтому, считает Александр Зайдлер, и в Кабардино-Балкарии, и в Украине экспедиция повсюду встречала самое теплое и даже восторженное отношение. Люди, уставшие от пропаганды распрей и вражды, радовались интернациональному походу на пик Кобзаря. Образ альпинистской связки на трудном маршруте объединил всех людей.

На юбилейное восхождение альпинисты вышли в 5 часов утра 9 марта. Передовой группе было довольно тяжело пробивать тропу, снега было выше пояса. На некоторых участках навесили перила.

В начале десятого по киевскому времени первые участники восхождения поднялись на бывший пик «4200». Вместе с украинскими альпинистами на него поднялись Махти Темиржанов, Борис Гумаев и Рустам Мисиров, всего 16 человек. Кстати, на самой вершине глава районной администрации прочитал стихи великого украинского поэта. Владимир Хитриков по спутниковой связи сообщил об успешном восхождении в Днепропетровск, причем это произошло в тот момент, когда там проходило торжественное возложение венков к памятнику Тарасу Шевченко.

В последний день пребывания участников экспедиции в Нальчике украинская диаспора организовала встречу в Фонде культуры. Еще раз была подтверждена старая истина об объединяющей силе искусства, об отсутствии национальных и культурных границ восприятия истинной поэзии – стихи Шевченко звучали на украинском, балкарском, грузинском, армянском, кабардинском, литовском языках. Все, кто был задействован в экспедиции, получили памятные сувениры. Узнав, что многие из альпинистов работают в ракетно-космической отрасли, Махти Темиржанов подарил Виктору Шабохину книгу о нашем выдающемся земляке, академике Тимуре Энееве – соратнике Мстислава Келдыша, Сергея Королева, Михаила Янгеля. Виктор Шабохин передал балкарскому другу новую книгу Владимира Платонова «Янгель: Орбиты жизни», рассказал о научных разработках конструкторского бюро Янгеля.

Так завершилась юбилейная альпиниада, посвященная 200-летию великого Кобзаря. На трогательном расставании с украинскими друзьями ни разу не прозвучало «прощай», все говорили «до скорого свидания». И можно надеяться, что эстафета шевченковских восхождений будет продолжаться, и к заоблачному Кобзарю поднимется еще не одно поколение российских и украинских альпинистов.



\* \* \*

В тишине ночного дома  
Слышен каждый скрип и шаг –  
Не бывает по-другому  
На бетонных этажах.

Не беда, когда веселье  
Где-то льётся через край,  
И несёт иные семьи  
Так, что только подбирай.

Но, как нерв, пронзает зданье,  
Хоть в подушку сердце прячь,  
То ли женское рыданье,  
То ли долгий детский плач.

И, ворочаясь в постели,  
Делишь поровну, как спирт,  
Чью-то боль, сквозь эти стены,  
Вместе с теми, кто не спит.

\* \* \*

Мы всегда рождаемся рано,  
Рвёмся сотворить на века,  
Но в ответ шпыняют нас рьяно –  
Мол, не ваше время пока.

Мы всегда рождаемся поздно –  
Кто-то что-то сделал до нас –  
И порой считаем серьёзно,  
Что судьба, увы, не далась.

А по мне – нужна середина,  
Слишком не жалеть ни о чём,  
Честно жить и слить воедино  
Всё, чем до конца увлечён.

И сверлить-буравить настырно,  
Оставаясь верным себе,  
Чтоб за совесть не было стыдно  
И надёжней было в седле.

\* \* \*

В сердце светло от хорошего,  
А от плохого темно.  
Но бытиё наше – крошево,  
Всё в нём переплетено.

Хочется чувствовать весело  
И не грустить никогда,  
Но бытиё наше – месиво,  
Вечная в нём чехарда.

И золотого сечения  
В сей дисгармонии нет,  
Каждому, без исключения,  
Нужен счастливый рассвет.

\* \* \*

Через много-много лет  
Встретились друзья,  
Были тосты и обед,  
Ведь без них нельзя.

Пять бывалых человек,  
Лысых и седых,  
Согласились на ночлег  
К одному из них.

Прокурили до утра –  
Благо, выходной,  
И не мучит детвора,  
И лады с женой.

Всё как будто хорошо,  
Жизнь прошла не зря,  
И не старые душой  
Старые друзья.

Но, моложе во сто крат,  
Со стены на них  
С фотографии глядят  
Лица их самих.

Не теперешних, а тех,  
Из былых времён –  
Из страны библиотек,  
Строек и знамён.

Удаль юная в глазах,  
Облик, полный сил –  
Жаль, на разных полюсах  
Жизненной оси.

\* \* \*

Душа моя неугомонная –  
Хозяюшка неэкономная –  
Только знает, что тратит –  
А надобно ли хватит?

Душа моя неугомонная –  
Ослушница неуголовная,  
Отдохнула бы малость –  
Улеглась, не металась.

Душа моя неугомонная –  
Настырная, неуговорная,  
Неудобного склада –  
А другой мне не надо!

\* \* \*

Мужчины духом обнищали  
И годы рыцарства ушли,  
И вот, пленённые вещами,  
Не Дон-Кихоты, а мещане  
Заполонили полземли.

А было время – в кой-то эре! –  
Когда отважные мужи  
При виде тряпок не дурели,  
Карали хамство на дуэли  
И затыкали глотку лжи.

И не стыдились на колени  
Перед своей любимой пасть,  
От страсти высшего каленья,  
А не от зелья и куренья,  
Сгорали, возвышая страсть.

Теперь всё это – пережиток,  
Нет больше славных чудачков,  
Есть коллекционеры «джипов»,  
Чей дух моральный полужидок,  
Без стержня – как у червяков.

Ах, современные мужчины! —  
Сверхкомфортабельный уют,  
Многолошадные машины,  
Но дамам за вознёй мышиною  
Уж под балконом не поют.

\* \* \*

Убегаем трусцой от инфаркта,  
Лечим тело от многих потерь,  
Аэробику сделали фактом,  
Только этого мало теперь.

От обычной отвыкли улыбки,  
Чувства выжали, словно лимон,  
Вместо писем – сухие открытки,  
Вместо дружеских встреч – телефон.

Деловыми, практичными стали,  
Разменяли мораль на рубли,  
Всё вокруг поменяли местами,  
Разобрали – собрать не смогли.

Но не выпишет нам бюллетени  
Ни один из земных докторов,  
Ибо наши болезни не в теле,  
А в душе – и диагноз суров.



## КИБЕРПРОСТРАНСТВО АРТУРА ВАЛЕРЬЕВИЧА

Очерк

*Мир – это твоя ученическая тетрадка, страницы,  
на которых ты решаешь задачки.*

*Он нереален, хоть ты и можешь выразить  
в нем реальность, если пожелаешь.*

*«Иллюзии». Ричард Бах*



Среди педагогов редко встречаются случайные люди. И в этом смысле Артур Валерьевич Коков не просто стал учителем, а ещё, может быть, и родился, чтобы стать им. Получив соответствующее образование, он продолжает династию филологов и физиков в третьем поколении. Артур – самый младший из шести детей в семье Валерия и Ларисы Коковых. Отец рано ушел из жизни, пришлось быстро повзрослеть. Сам Артур считает, что унаследовал любовь к филологии от Коковых, а интерес к естественнонаучным дисциплинам перешел к нему по материнской линии (мама из профессорской семьи Хоконовых). Артуру легко давались и физика, и математика. С самого детства он любил учить формулы и ломать голову над задачами.

Гуманитарные способности проявились в пору студенчества – он увлекся поэзией, стихотворчеством на кабардинском и русском языках. Занимается частными исследованиями в области ономастики и топонимии Северного Кавказа, профессиональным фотографированием и съемками.

Молодой педагог, мой коллега, производит впечатление человека осведомленного и авторитетного. Молодой – не всегда значит «неопытный», ведь зрелость не обязательно проявляется вместе с морщинами на лице, она идёт изнутри в виде благородных мыслей и достойных поступков. Его непререкаемый авторитет среди студентов достоин отдельного разговора. Неординарный человек, отзывчивый, добрый, с неподражаемым чувством юмора, всегда стремящийся к новому. Приятно работать с тем, кто очень добросовестно относится к порученному делу, кто просто неравнодушен к окружающим и всегда спешит на помощь, разделяя со всеми и неудачу, и успех. Нам с Артуром Валерьевичем редко приходится общаться, лишь перекидываемся парой фраз на переменных между уроками, и разговор всегда заходит об успеваемости и поведении студентов вверенного ему отделения. В этот раз я специально затронула тему образованности современного человека, и вот что Артур думает по этому поводу: «Не в обиду никому будет сказано, но уровень образованности в наше время определяется владением элементарными навыками работы на компьютере, умением представлять информацию, понимать и анализировать информационные процессы». С этим трудно не согласиться.



На протяжении последних лет в задачу образовательных учреждений входит формирование осознанного отношения к учебному процессу. Поэтому и внедряются технологии информационно-развивающего обучения. Основной подход, реализуемый на занятиях информатики Артура Валерьевича – создание проблемной ситуации и условий для ее успешного решения. Он считает, что в результате полученных знаний о компьютерах и приобретенных навыков работы на них учащаяся молодежь лучше адаптируется к жизни в меняющемся мире.

Методика создания ситуации успеха, эвристический и проблемный методы обучения, игровые формы обучения, которыми в совершенстве владеет Артур Валерьевич, позволяют ему максимально реализовать потенциал каждого студента.

Киберпространство Артура Кокова имеет свою культуру, свою этику, правила, которые обеспечивают жесткий порядок, и это пространство естественным образом скоординировано с его реальной жизнью преподавателя информатики в колледже «Строитель». И у этой реальности есть одна общая черта с виртуальной: по мере знакомства с той и другой сталкиваешься с увлекательными данными разного рода, и становится все интереснее.

«Компьютер предоставляет новые возможности для творческого развития не только учащихся, но и учителей, – говорит Артур Валерьевич. – Он позволяет освободиться от нудного традиционного обучения и разработать новые идеи и средства выражения, дает возможность решать более интересные и сложные проблемы. У системы образования нет другого выбора, кроме как адаптация к информационному веку. Наша основная цель – научить обрабатывать информацию, решать задачи, общаться с людьми и понимать суть изменений в обществе».

Справедливости ради скажем, что Артур Валерьевич, как талантливый педагог, старается внедрить в свою работу новинки образования. Разрабатывает

много уроков, классных часов и внеклассных мероприятий с применением новых методов и технологий в процессе обучения, таких, как дифференцированный и личностно-ориентированный подход к студентам, применение методов проектной деятельности на уроках и во внеклассной работе. Его студенты с удовольствием делают творческие работы, проекты и участвуют в предметных декадах и конкурсах не только колледжа, но и за его пределами. Пройдя курсы ЮНИСЕФ ООН для молодых специалистов (г. Грозный, 2011 г.), Артур Валерьевич разработал методические рекомендации по развитию толерантности в подростковой среде, которые активно используются в системе СПО. Он регулярно посещает различные курсы повышения квалификации, участвует в семинарах, делая накопленным опытом на практике, в процессе подготовки и проведения открытых уроков, которые проходят в колледже несколько раз в год.

Всем известно, что круг обязанностей заведующего отделением широк. Артур Валерьевич несет ответственность за организацию учебной работы на отделении НПО, за выполнение требований Государственных образовательных стандартов, учебных планов, посещаемость занятий студентами. Он оказывает помощь преподавателям в организации курсового проектирования; контролирует ход курсового и дипломного проектирования, осуществляет подготовку к итоговой Государственной аттестации и следит за выполнением лабораторных и практических работ.

Руководство отделением и бюрократическая загруженность вовсе не мешают ему общаться лично с каждым студентом и его родителями. Он круглосуточно держит руку на пульсе событий и всегда готов к решению любых проблем.

Отдельной строкой следует рассказать и о рабочем месте Артура Валерьевича, которое оснащено по последнему слову техники. Это помогает студентам лучше усвоить учебный материал. На занятиях Артура Валерьевича всегда царит дух творчества, взаимопонимания и партнёрства, желание улучшить жизнь и окружающий мир. «За день он может поругать три раза, но обязательно похвалит пять раз», – отзываются о нем студенты. Кроме того, в его личном кабинете хранятся полные коллекции книг русских и зарубежных классиков. Так что, техник по образованию, он – лирик в душе. Знает и читает наизусть много стихов. Любимые строки принадлежат перу А. Кешокова: *«Я желаю вам добра, / Доли, схожей с полной чашей, / Чтобы было в жизни вашей / Завтра лучше, чем вчера...»*.

Коллеги и администрация колледжа отмечают его душевную щедрость, любовь к своей профессии и креативность. Сам Артур Валерьевич признает, что «педагогическое общение только тогда продуктивно, когда строится на отношениях доверия, открытости, понимания между преподавателем и обучающимися, между коллегами по работе». И это явно удается ему, поскольку, как и было сказано выше, он пользуется большим авторитетом у студентов и уважением среди коллег.

*Из представления-характеристики на заведующего рабочим отделением ГКОУ СПО «Кабардино-Балкарского колледжа «Строитель» Кокова Артура Валерьевича:*

«Коков Артур Валерьевич, 1986 года рождения. Окончил Малкинскую школу № 1. В 2010 году окончил Кабардино-Балкарский Государственный уни-



верситет им. Х. М. Бербекова. Принят на работу с 1 июня 2010 года мастером производственного обучения. В 2012 году назначен заведующим отделением начального профессионального образования. Стаж работы по специальности – 6 лет.

Артур Валерьевич прекрасно владеет как содержанием своего предмета, так и современными технологиями и методами его преподавания. Обладает всеми необходимыми учителю качествами: требовательностью к себе и ученикам, умением общаться с детьми, стремлением к самосовершенствованию. Артур Валерьевич полон собственных идей, всегда готов поддержать студентов, делает упор на положительно окрашенные воздействия. Его индивидуальный стиль работы способствует не только развитию познавательного интереса студентов, но и помогает им поверить в себя и достигать высоких учебных результатов.

Он прекрасно владеет и системно использует методику организации группового зачета. С этой целью им разработан текущий зачетный материал, а также итоговый зачетный материал, ориентированный на теоретическую и практическую часть курса информатики. Для активизации самостоятельной познавательной деятельности учащихся и воспитания интереса к предмету Артур Валерьевич рассматривает на уроках темы, отвечающие современным требованиям развития информатики и программирования, а в качестве инструментов при приобретении практических навыков использует различные программные средства. Коков А. В. разработал и проводит цикл занятий с творческой группой учащихся по погружению в проектно-исследовательскую работу, используя при этом интерактивные технологии: деловая и интеллектуальная игры, дебаты, дискуссии, мозговой штурм и др.

Коков награжден почетными грамотами администрации колледжа, министерства образования, науки и по делам молодежи КБР за эффективную работу по подготовке студентов к республиканским конкурсам и олимпиадам».

Вот такое оно, киберпространство Артура Валерьевича Кокова. Невыдуманное, настоящее. В нем не все рассчитано на компьютерах, и, возможно, в нем не обеспечено идеальное решение всех проблем, но это пространство давно стало удобным средством коммуникации для сотен и тысяч студентов. Оно принято педагогическим коллективом с распростертыми объятиями. Пожелаем же этому пространству гармонично существовать долгие годы, изменяясь и разрастаясь.



«СМОТРЕТЬ ГЛАЗА В ГЛАЗА...»

\* \* \*

Хотя б на день или на два,  
Да так, чтоб не пропасть,  
Уплыть... где лживые слова  
Не лягут снова в масть.

Где-то в теле застряла боль,  
Как смертельный свинец на излёте.  
Всюду следует за тобой  
И звенит на высокой ноте.

От этих мрачных берегов  
Унынья и хандры,  
Некстати преданных врагов,  
Что так всегда мудры.

Наше прошлое не умолить –  
Принимаем с его прорехами.  
Только то, что мертво, не болит,  
Или то, что давно проехали.

Нестойких в истине друзей,  
Чьи доводы пусты,  
Из грязи вылезших князей,  
Чьи ненасытны рты.

\* \* \*

Смотреть глаза в глаза –  
Порой тяжелый труд:  
То моря бирюза,  
А то – поросший пруд.

От полуцарственных невежд,  
Что так всегда правы.  
И от несбыточных надежд,  
Что не забыть, увы.

То – край, как ширь небес,  
То – просто закуток.  
То – непроглядный лес,  
То – солнца лоскуток.

К иным, заветным берегам,  
Чей так прибой покат.  
Где так спокойно по утрам  
И сказочен закат.

Смотреть глаза в глаза,  
Как зыбкие мосты...  
Нежданная слеза,  
Как капелька росы,

Нет суеты и толкотни,  
Неправедной войны.  
Рутиной съеденные дни,  
Как тяжелы они.

Из сердца глубины  
Пролилась, не спросив...  
Изгиб твоих ланит  
Послушно повторив.

\* \* \*

Жажду можно легко утолить,  
И голодного можно насытить.  
Только то, что давно болит,  
Соглядатаем неусыпным

Смотреть глаза в глаза...  
Как ряд нестройный нот,  
Где нет пути назад,  
Где нет пути вперед.

Караулит и день, и ночь,  
Как подранка чёрные вороны,  
Отпустить не желает прочь  
От себя на четыре стороны.

Да и стоять невмочь...  
Но оглянись в окрест.  
Коротенькая ночь,  
И вот уже – рассвет.

*Светлой памяти отца,  
Шхагапсоева Хасанби Цуевича –  
орденоносца, ветерана Великой Отечественной  
войны и труда, посвящается*

## Предисловие

Центральный Кавказ характеризуется большим разнообразием форм горного рельефа. Наряду с разновысокими островерхими вершинами «альпийского» типа (с высотами от 3500–4000 до 4500–4800 м) здесь располагается высочайшая вершина России и Европы – г. Эльбрус – мощный двуглавый вулканический конус (5642 и 5595 м). В этой части Кавказа сосредоточены также все крупные сложные долинные ледники и ледниковые комплексы. Разнообразна и природа Центрального Кавказа, где хорошо выражена высотная поясность растительности: широколиственные леса с буком, липой и многими другими породами на средних высотах (до 1200-1500 м) сменяются хвойными лесами из сосны крючковатой на северном макросклоне и пихтовыми на южном (уже в пределах Грузии) склоне.

Однако неповторимость этому региону придает, на мой взгляд, наличие уникальной территории верховьев р. Черек-Безенгийский, где сосредоточена большая часть самых высоких вершин Кавказа вообще – девять вершин выше 4800 м, в том числе четыре «пятитысячника» – Шхара (5068 м), Дых-Тау (5203 м), Коштан-Тау (5151 м) и Джанги-Тау (5058 м). Два последних расположены в Боковом хребте, лежащем к северу от Водораздельного. Долина между ними занята ледником Уллу-Чиран, или Безенгийским, самым крупным на Кавказе сложным долинным ледником длиной более 17,5 км. Нигде более на Кавказе высокогорный ландшафт не поражает так своей суровостью и мощью, как в Безенги.

Мое знакомство с этим районом Кавказа началось в далеком 1957 году, когда в верховьях Безенгийского ущелья была организована альпиниада МГУ – МВТУ с участием альпинистов из университета г. Брно (Чехословакия). Впервые для заброски грузов, продовольствия и участников, а также для разведки маршрутов восхождений был использован вертолет Ми-4.

Тогда Безенгийское ущелье поражало своей безлюдностью – это был год, когда только началось возвращение на родные земли балкарцев, депортированных во время Великой Отечественной войны по сталинскому приказу в Среднюю Азию и Казахстан. Доехав с жуткой тряской на грузовике по едва проезжей дороге до селения Шики в конце июня, мы увидели там первых «возвращенцев», разбирающих свой скарб и занимающихся восстановлением пришедшего в негодность за время их отсутствия жилья.



В тот год удалось повидать большую часть этого замечательного горного узла, поскольку я как инструктор ходил в тренировочный поход через Главный хребет по перевалам Верхний и Нижний Цаннер и Семи со спуском по южному борту долины р. Цаннер до высокогорного аула Жабешы и Верхней Сванетии и возвращением на поляну Миссес-Кош, а затем участвовал в восхождении на вершины Дых-Тау, Мижирги и по северной стене Коштан-Тау. Особенно запомнился впечатляющий вид г. Дых-Тау с перевала Верхний Цаннер, откуда гигантская пирамида этого пятитысячника просматривается целиком – от ледника Безенги до вершины, а перепад высот составляет более двух километров. Запомнились из тех походов потрясающие красочные альпийские и, особенно, субальпийские луга.

Впоследствии мне пришлось видеть высокогорные луга в самых разных горных системах мира, однако они не смогли вытеснить из памяти эти теперь уже очень давние картины красоты и мощи безенгийских высокогорий. Присутствие гигантского «холодильника» – ледника Безенги, длина и площадь которого хотя и существенно сократились, тем не менее впечатляюще и обуславливают не только отсутствие леса вблизи от него, но и общую суровость и обедненность приледникового ландшафта. Здесь вместо красочных субальпийских и альпийских лугов борта ледниковой долины покрыты скальными обнажениями и гигантскими осыпями с пятнами растительности, в которых смешаны виды субнивальных, альпийских и субальпийских высот. Конечно, многое изменилось, до ущелья Мижирги, первого правого притока Черка-Безенгийского, можно спокойно доехать на машине, кипит жизнь в горных аулах, по склонам гуляют стада тибетских яков (что также усугубляет необычность обстановки), но красота и суровость природы Безенгийского горного узла и впредь будут поражать попавших сюда исследователей и любителей странствий.

Спустя еще десять лет мне с профессором С. Х. Шагапсоевым удалось побывать в аридных котловинах КБР с оригинальной нагорно-ксерофитной растительностью, а также в пределах Скалистого хребта с удивительной петрофитной растительностью, требующей безотлагательной охраны.

Предлагаемая монографическая работа посвящена изучению растительного покрова интереснейшего горного региона РФ. Попытки инвентаризации биологического разнообразия на этой территории предпринимали крупнейшие исследователи в разные годы (И. Я. Акинфиев, Н. А. и Е. А. Буш, Ю. И. Кос, А. И. Галушко и др.), внесшие громадный вклад в развитие ботанической науки Центрального Кавказа. С. Х. Шагапсоеву в течение многолетних исследований на сегодняшний день удалось решить эту задачу.

Профессор С. Х. Шагапсоев свою научную деятельность начал в 1977 году как исследователь петрофитного флористического комплекса Центрального Кавказа. Сейчас область его научных интересов весьма широка. Он автор (соавтор) многих оригинальных работ и по праву считается одним из ведущих и наиболее известных исследователей растительного покрова Центрального Кавказа. Предлагаемая работа оригинальна, содержательна, имеет большое научное и прикладное значение.

*В. Н. Павлов,  
член-корреспондент РАН, профессор МГУ*

\* \* \*

Новые исторические романы «Изгнание» и «Чужие среди чужих» Исхака Машбаша – народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии им. М. А. Шолохова, Международной Адыгской (Черкесской) литературной премии – завершают серию романов о Кавказской войне: «Жернова», «Два пленника», «Хан-Гирей», «Лазутчик».



Трагические события, выпавшие на долю адыгского народа в Кавказской войне XIX века, показаны в романах с исторической достоверностью, что дает читателю возможность глубоко и проникновенно прочувствовать их. Адыги в последние годы войны оказались без помощи и поддержки, один на один с хорошо вооруженными и численно превосходящими их царскими войсками, и были вынуждены покинуть родину, оказаться в Турции, большая часть из них – на Балканах. После Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. они опять были вынуждены переселиться с Балкан на Ближний Восток. Но где бы адыги ни проживали, они никогда не забывали свою историческую родину и мечтали возвратиться домой. Об этих и других исторических событиях новые романы писателя.

Кавказская война осталась в далеком прошлом, но и сегодня мы не должны забывать о трагических событиях, которые произошли с адыгским народом. Только хорошо зная свою историю, мы можем строить будущее для наших потомков.

---

### *От автора*

По моему глубокому убеждению, нельзя считать образованным и культурным человека, не знающего историю, быт и нравы своего народа, своего рода. Не зная прошлого и настоящего своего рода, невозможно определить его будущее. Они тесно взаимосвязаны и переплетены, и от них будет зависеть будущее подрастающих поколений.

То, что происходило раньше, всегда должно пробуждать любознательность, волновать воображение молодых людей. И что может быть интереснее истории своей родовой фамилии?! Какие исторические имена могут быть ближе имен собственных предков?!



Мы сегодня живем в такое время, когда люди в спешке забывают оглянуться назад или даже присмотреться друг к другу.

Данная книга написана для того, чтобы восполнить вакуум, образовавшийся между разными поколениями: поколением старших, знающих историю по преданиям и рассказам очевидцев, и молодыми людьми, не умеющими внимательно слушать, привыкшими читать историю с небольшой охотой.



---

*От автора*

В истории любой страны возможны периоды, когда происходят процессы переселения отдельных поселений, народностей, этносов. Так, например, в годы Русско-Кавказской войны процесс переселения народа часто происходил из-за уничтожения сел со стороны царских войск.

В период советской власти, особенно в 20-е годы XX века, этот процесс продолжался по причине разгрузки крупных дореволюционных населенных пунктов и для обеспечения всех домовладений земельным наделом, для обеспечения новой планировки крупных сел и, самое главное, из-за трудностей пользования земельными участками, куда переселились новые селения.

Таким образом, более трети сельских поселений Кабардино-Балкарии оказались переселенческими.

Согласно Постановлению Кабардино-Балкарского областного ЦИК от 10 сентября 1924 года из сел. Шалушка 154 семьи с 743 душами переселились в 1926 году на бывшие земли уорков Алтадукова и Шорданова, и образовалось сел. Герменчик.



---

**В номере:**

Визит Патриарха Кирилла в КБР . . . . .	2
Майские праздники . . . . .	6
К юбилею «ЛКБ» . . . . .	11
Памятные даты. <i>Д. Н. Налоев, Х. Х. Кациев, А. Т. Шортанов,</i> <i>Х. И. Кубанов, Б. Л. Гуляев. Биогр. очерки</i> . . . . .	16
<i>Увжуко Тхагапсов.</i> Три банки краски. <i>Рассказ</i> . . . . .	21
<i>Милена Муратова.</i> Его шутки и сам он были очень красивы. <i>Очерк</i> . . . . .	34
<i>Хаути Дударов.</i> Как побрили дедушку. Продай еще раз! <i>Юмористические сценки</i> . . . . .	36
<i>Амур Бакиев.</i> Железная ставка Сатаней. <i>Гл. из романа</i> . . . . .	43
<i>Елена Стельмах.</i> Ленка и Генка. <i>Рассказ</i> . . . . .	59
<i>Али Байзулла.</i> <i>Стихи</i> . . . . .	64
<i>Владимир Бесланеев.</i> Тайна долины Заманкула. <i>Ист. повесть</i> . . . . .	68
<i>Саладин Жилетежев.</i> Этот мир дается только раз... <i>Венок сонетов</i> . . . . .	84
<i>Хаишат Кунижеева.</i> <i>Стихи</i> . . . . .	90
<i>Заурбек Шахмурзаев.</i> Первый балкарский советский просветитель. <i>Очерк</i> . . . . .	91
<i>Тамара Биттирова.</i> Джамалдин – из племени орлов. <i>Очерк</i> . . . . .	97
<i>Алий Атабиев.</i> Уллу Омар. <i>Очерк</i> . . . . .	105
<i>Елена Губашицева, Наима Бозиева.</i> Образ Кавказа в произведениях русского советского писателя Михаила Лохвицкого. <i>Статья</i> . . . . .	110
<i>Зарема Тауканова.</i> Гендер: европейские теории опровергаются кавказской культурой. <i>Статья</i> . . . . .	116
<i>Нургали Тлупов.</i> Солдат революции. <i>Очерк</i> . . . . .	121
<i>Алим Алафаев.</i> <i>Стихи</i> . . . . .	123
<i>Шамса Сатрачева.</i> Навеки в памяти. <i>Очерк</i> . . . . .	126
<i>Мадина Эльбанова.</i> Музей боевой славы. <i>Очерк</i> . . . . .	128
<i>Сакинат Абаева, Исмаил Шаваев.</i> Заблудшему сможешь сказать. <i>Очерк</i> . . . . .	133
<i>Валерий Шипилов.</i> На службе во имя Отчизны. <i>Очерк</i> . . . . .	139
<i>Мухтар Боттаев.</i> На вершине дружбы. <i>Очерк</i> . . . . .	142
<i>Владимир Зарубин.</i> <i>Стихи</i> . . . . .	148
<i>Фатима Тазова.</i> Киберпространство Артура Валерьевича. <i>Очерк</i> . . . . .	150
<i>Михаил Черкесов.</i> <i>Стихи</i> . . . . .	154
Книжные новинки . . . . .	155

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии  
Артура Елканова, Жанны Кандоровой*

## **ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ**

*Литературно-художественный  
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.  
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций  
по Кабардино-Балкарской Республике  
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.  
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *А. С. Бозиевой*  
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 06.06.16. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.  
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 10.  
Тираж 2200 экз. Заказ № 369. Стоимость одного номера по подписке  
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.  
В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.  
Тел.: главный редактор – 40-03-24,  
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,  
сайт: [pressa.smikbr.ru](http://pressa.smikbr.ru),  
e-mail: [literaturnayakb@mail.ru](mailto:literaturnayakb@mail.ru)

Отпечатано в типографии «Печатный двор»,  
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).*